

АЛЕКСАНДР КОНТОРОВИЧ

ЧЕРНАЯ
ВОЙНА

ЛУЧШАЯ ФАНТАСТИКА
О ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Лучшая фантастика о Великой Отечественной

Александр Конторович

Черная война

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Конторович А. С.

Черная война / А. С. Конторович — «Эксмо», 2019 — (Лучшая фантастика о Великой Отечественной)

ISBN 978-5-04-101756-9

Первая дилогия ведущего писателя-фантаста, уже ставшая классикой нового жанра – боевика о «попаданцах». Диверсант из будущего, ветеран легендарной группы «Альфа», на Великой Отечественной войне. Провалившись в 1941 год, он выжил в теле матерого зэка – «ЧЕРНОГО БУШЛАТА», переиграв лучших оперативников НКВД и Абвера. Он воевал в штрафной роте – «ЧЕРНОЙ ПЕХОТЕ», как окрестили штрафников гитлеровцы. За ним охотятся все спецслужбы Рейха, по его следу идут личные «волкодавы» Гиммлера, а присланная на помощь разведгруппа НКВД имеет приказ ликвидировать «попаданца» при угрозе его захвата противником. Отрезанный от Большой земли, в полном окружении, он сколачивает отряд из остатков штрафной роты и взвода морпехов – и принимает бой, чтобы изменить прошлое и переломить ход Великой Отечественной войны.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101756-9

© Конторович А. С., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Александр Конторович	5
Черные бушлаты	5
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Александр Конторович Черная война

Черные бушлаты

– Еще воды плесни!
– Держи! – и Серега плеснул на камни полный ковшик. Пар шарахнул в потолок, и у меня захватило дыхание.
– Злодей! На фига ж так много-то?
– Ты просил – я плеснул.
– Да уж, не пожадничай. Ладно, и впрямь уже пора вылезать. – Я спрыгнул с полка и пошлепал ногами к двери.

В предбаннике я уселся за стол и подтащил поближе бутылку с кока-колой. Бухнула дверь, и Сергей выскочил за мной следом. В отличие от меня, он предпочитал пиво.

– Хорошо... – Я расслабленно откинулся на спинку дивана. – Ничего делать не хочу. Так бы и сидел всю ночь.

– Да ты вроде и так по лесам круги не нарезаешь. Чего тебе-то делов – сиди да смотри по сторонам. Это мы тут как проклятые пашем.

– Это вы-то проклятые? Чтоб меня так кто проклял! – Сергей был шеф-поваром в нашем ресторане.

– Ну, в отличие от тебя, у нас конкретное дело есть. Думаешь, полста человек зараз накормить легко? Да еще изысками всякими?

– Ну, у всех свое дело. Ты вон кормишь, я по сторонам смотрю, чтоб тебе это делать не мешали.

– Интересно ты смотришь. Как ни гляну – сидишь да дремлешь или языком треплешь с обслугой.

– Я не просто так дремлю, я силы коплю. И болтаю не просто так, надо же знать – кто и что видел, о чем думает? Чего от кого ждать. А уж за узбеками нашими, сам знаешь – глаз да глаз!

– Силы копишь?

– Ты кота видел? Как он на солнышке лежит?

– Да, кто ж их не видел-то? Ну лежит, и что?

– А как он на птичку опосля этого прыгает? Есть промежуток у него между прыжком и сном?

– Нет, он сразу и сигает.

– Вот и я так. Нельзя все время в напряге быть – перегоришь и в итоге лоханешься.

– Интересная теория.

– Это, Серега, не теория – это жизнь. Чем меньше ты в напряге сидишь – тем дальше после этого прыгнешь и тем быстрее в себя придешь.

– Ну, красиво говорить – ты у нас мастер. Еще разок? – он кивнул в сторону парной.

– Не, хорош. Ты иди, а я уже на холодок.

Серега скрылся в парной, а я начал неторопливо одеваться. На улице уже было темно, только уличные фонари освещали наши домики. Тихо, даже собаки у соседей не гавкают. Отойдя от двери, я присел на скамейку у гаража. Надо Серегу дожидаться, посидим еще перед сном. А пока есть время...

Позвольте представиться – Александр Котов, 45 лет, майор запаса. Успел пройти многое и в армии наколбасился будь здоров, да и после тоже... хватило. Служил в ЦСН, мы там с серьезными злодеями боролись не на шутку, последние года два ребят молодых натаскивал, благо опыта хватало. Один Афган чего стоил, а тут еще и Чечня. Да и по выходу на пенсию успел тоже кое-где побывать, благо спрос на специалистов моего уровня всегда был. А благодаря нашим политикам – и дальше будет. Вот и пришлось пару раз съездить в некоторые наши «непризнанные» (надо ж такое словечко изобрести?) государства. Друзья-то там очень даже мною признанные и верные остались. Вот и надо было им помочь в меру своих разумений. Женат, пятеро детей.

На пенсии уже несколько лет, выслуги с войной набралось более 20 календарных лет, и, воспользовавшись этим, я ушел на пенсию. Неполную, да и хрен с ней. На полную тоже жить нельзя. А так, пока еще силы есть, да и голова на плечах тоже, вполне себе можно устроиться как-нибудь прилично. Всякое перепробовал, но вот подогнал же Макс халтуру... Хозяин нашего поселка – депутат Госдумы, в недалеком прошлом был каким-то министром в одной из наших союзных республик. Тогда и построил вот этот десяток домиков недалеко от Москвы. Кто уж в них раньше жил – бог весть, но уже года полтора стоят они пустыми. А Макс туризмом занимается, у хозяина домов он офис арендует. Вот и предложил ему сделать тут небольшой дом отдыха. Набрали узбеков, отремонтировали домики. В одном из них ресторан сделали небольшой, Серегина вотчина. Дали рекламу и понеслось... Я тут вроде как начальник службы безопасности, а заодно и единственный ее сотрудник. Кадры – тоже мое дело. Разборки с местными отморозками – тоже я. Хотя тут и отморозки-то какие-то квелые. Разок наехали на наших официанток, мы их в ближайшем городе набираем, заявили им – мол, доходами делиться надо. Девки – в слезы и ко мне. Их можно понять, зарплата у них и так не ахти какая здоровая, так еще и делиться ей с кем-то? Ну встретились, пообщались. Детский сад, ей-богу! Кина дурного насмотрелись и возомнили о себе невесть чего. На «разборку» (это они так нашу первую и последнюю встречу обозвали) явились кучей, с бейсбольными битами. (Вот удивляюсь я – в стране игроков в бейсбол – днем с фонарем не отыскать, а бейсбольная бита в любом спортивном магазине есть.) Ну вывалились они из своей «пятерки» аж вшестером и изобразили из себя героев боевика. Криминального, а на мой взгляд, так скорее комедийного. Ну и пришлось им вдумчиво пояснить, что степень крутости оппонента на скорость полета пули влияет незначительно. А наличие в руках спортивного инвентаря в виде бейсбольных бит увеличению скорости бега от пули не способствует. Народ выразил сомнение в моих словах, пришлось продемонстрировать. После того как я левой рукой из обыкновенного «ПМ» снес зеркало на их «пятерке» (метров с 20), им явно поплохело. А уж когда я на «блатном» (это они так считают) жаргоне пояснил их дальнейшие перспективы бодания с депутатом Госдумы и его окружением, народ тихо слинял и более на горизонте не отсвечивал. Так потихоньку и тянется моя работа. Денег, правда, тоже далеко не до фига, зато работа – не бей лежачего. Узбеки, видя мои ежеутренние упражнения по мордобою и растяжке, тихо хренеют и уважительно здороваются. Воровать – и то почти перестали. По мелочи все равно тащат, но это уж издержки производства.

Стоп, а это еще что? В одном из домиков как-то странно замигал свет в окне. Два часа ночи, они там что, не перебесились еще? Вроде только недавно всей гопой, гости, изрядно приняв на грудь, отправились спать. Пора бы им уже и на бок... Стоп еще раз, это не электрический свет! Свеча? Да уж больно она яркая для свечи... Пойдем-ка от греха подальше и посмотрим получше. Я свернул с тропинки и напрямик, через газон, направился к домику. По мере приближения свет в окошке разгорался все ярче. Да, мать твою – это ж действительно огонь! Пожар! Бараны безмозглые, что они там натворили?! Ходу!

Подбежав к домику, я только матерно выругался. На первом этаже действительно мелькали языки пламени.

– Серега! – гаркнул я со всей дури.

Вышедший из бани Сергей аж присел.

– Узбеков подымай! Да и своих (с Серегой в домике жил еще один повар и наш водитель) тоже сюда давай! Пулей!

«Так, побежал. Вот ему и повод – про кота вспомнить. Ладно, это все лирика, потом. Дверь... Заперто. Что у нас тут? Полено – по стеклу им и внутрь! М-мать! Дым, падла, так понизу, понизу, к двери. Хорошо хоть замки у нас с ручками запираения, а так искал бы я тут ключи по всему дому. Открыли, но распахивать пока обождем, и так от окна приток воздуха неслабый. Что горит-то? И где? Сауна? Предбанник! Чему там гореть-то? Нет, чему понятно, облицовка дощатая, но вот отчего она загорелась? Да и хрен бы с ней, это на потом. Вон огне-тушитель в углу, с него и начнем».

Ф-фух! Пламя выхлестнуло из двери и чуть не опалило мне морду. Опа! А неслабо оно уже разгорелось-то. Ну, мы его сейчас... Не любит, стерва, ох не любит... Однако огнетушителью кранты...

Топот ног! Серега? Узбеки прибежали.

– Ну-ка, огнетушитель мне сюда, скорее! И – наверх! Будить этих баранов и вниз. Кто не может идти – на руках или волоком, марш! Один пулей в пожарку звонить, телефон у ворот – 02!

«Побежали... А мы тут, с огнем. Однако хреновое дело, огнетушитель тут уже не катит, стена пошла, огонь уже куда-то вверх ввинтился. Второй огнетушитель пуст, третий – все... Пора уже и самому...»

– Сергеич! – Это мне. Серега прибежал с ребятами.

– Чего там? Всех вывели?

– Пацан наверху остался!

– М-м-ать! Что за пацан?

– Сын чей-то!

– Т-т-твою ж дивизию!

Бегом вверх по лестнице! Так, на втором этаже уже прихожая вовсю горит, огонь снизу прошел, как? Хрен его знает... Пацан! Где ты, черт немый?! Где? Тут нет, тут тоже пусто, в гостиную – нету. Куда ж тебя черти унесли? Спальня – пусто, вторая – тоже, где он? Плач! Назад, в прихожую... Шкаф? Он в шкафу, баран!

– Какого хрена?! Чего ты тут?!

Слезы в три ручья, говорит что-то. Со свечкой внизу читал и уснул? Блин, поджигатель ты наш малолетний! Урод недоделанный! Уши бы тебе, на фиг, вырвать! Ладно, это после. Лестница – тут уже облом, все горит, не пройдем. Балкон? Не пройти, огонь. Окна? Ну, разве что... Ладно, бегом!

– Народ! Где вы там?!

Топот ног, и толпа вылетела из-за угла.

– Брезент сюда!

– А где взять?

И действительно – где? У нас его отродясь и не было.

– Сетку!

– ???

– Баскетбольную, блин! Со столбов оторвать и сюда. И в темпе, а то нас тут уже жарят, на фиг!

«Так, бегут, несут, хорошо! Развернули. Давай, пацан, вперед! Боится, орет что-то, высоко? Да идешь ты лесом!»

Сдавленно мякнув, парень вылетел в окно. Сетка затрещала, но выдержала, и его быстро потащили в сторону. Набежавшие официантки на бегу вытирали ему закопченную чумазую морду.

«Опа, вот это подарок, сетка лопнула! Что ж, на землю просто так сигать, что ли? Тут метров шесть будет, а то и поболее, дом с этой стороны на откосе стоит, река внизу, неслабо усвистеть можно, если промахнусь или не удержусь на ногах. Боковое окно, оно на другую сторону выходит, там ниже. И чтоб мне туда сразу не убежать?»

Ладно, это потом. Холл, блин, уже весь горит, провозился я с этим поджигателем. Дверь, вот она. Перекосило? Что там с ней? Не открывается, подлюка! Черт, что делать? Назад!»

Сверху затрещали доски, и с потолка посыпался какой-то мусор. В два прыжка я преодолел горящий холл (от жара затрещали волосы) и, как кабан из тростников, вломился в комнату. Ну, вот оно, окно! Что-то затрещало уже внизу, и пол начал уходить из-под ног. Из дерьма, что ли, эти дома строили? Горят, как картонные! Оттолкнувшись изо всех сил, я прыгнул в окно. Черт с ним, с откосом, авось не укачусь, да и ребята внизу... БАМС! И в глазах наступила темнота...

Шлеп! Шлеп!

Кто-то весьма немилосердно приложил меня по щеке.

Шлеп!

Еще раз.

– Э! Хорош там! – Я попытался отпихнуть руку, вследствие чего мне заехали уже не по-детски и не по щеке.

– Очухался, падла! Хорош разлеживаться, вставай давай! Я попытался это сделать, но ноги разъезжались, и встать никак не получалось. Тем более что все тело воспринималось мною как-то неправильно. Незнакомо. В голове звон, глаза никак не могли сфокусироваться ни на чем конкретном. Руки тряслись и скользили по земле.

«Грязь? Откуда, тут ведь у нас около домов щебенка и газон? Или я все-таки усвистел вниз, к реке? Как еще кости не переломал. Однако кто ж это тут такой грубый?»

Мои размышления были прерваны самым бесцеремонным образом – чей-то сапог (откуда?) от души заехал мне под ребро. Ух и ни хрена ж себе!

– Начальник! Не надо, видишь, не очухался еще человек. Мы уж сами его подыдем.

– Так, не ковыряйтесь тут! Ждать не будем, быстро давай. А то уж мы тут сами лечение проведем.

– Давай, давай, Михалыч. – Меня с двух сторон подхватили под руки и куда-то потащили. – Шевели грабками, пока вертухаи совсем не озлились.

– Я... Это... какой Михалыч? Чего вы там... ух! Больно же! Яркие пятна перед глазами стали постепенно приобретать более-менее осмысленные очертания. Мокрое, залитое дождем поле. На горизонте лес. Слева, метрах в 30, железная дорога. На путях весело потрескивая, горят разнесенные в клочья несколько вагонов.

Странные какие-то вагоны, где только у нас такие еще сохранились? Какие-то люди вокруг, пожарные? Да нет, непохоже. Бушлаты черные, такие же штаны, шапки. Если это пожарные, то я – Дед Мороз. Что за хрень такая? Куда я попал, где дома, Серега где, узбеки мои окаянные?

Да, похоже, что домами тут и не пахнет. У нас на дворе ноябрь был, не очень тут на ноябрь похоже, тепло. Явно не минус 12. Я покосился направо. Под руку меня поддерживал персонаж, словно сошедший с иллюстрации «Колымских рассказов» В. Шаламова. Слева обнаружился еще один, аналогичной наружности. Здравсьте, приехали! Это еще кто? Посмотрев на ноги, я обнаружил, что за время моей отключки неведомые «доброжелатели» «скоммуниздили» не только джинсы, но, заодно с ними, и ботинки, да, кстати, и куртку тоже... На мне был такой же черный бушлат, как и на большинстве окружающих. Такие же брюки и сапоги.

– Строиться!

Повернув гудящую голову, я обнаружил еще одного (одного? Да хрен тут, их человек 20, не меньше) участника событий. Гимнастерка (старого образца?), галифе, сапоги и фуражка с малиновым околышем. Картину завершал автомат «ППД» на правом плече. Товарищ был явно не в духе, и это хорошо было видно по его лицу. Вокруг тем временем началось движение, и чернобушлатники выстроились в подобие шеренги. Меня вместе с парочкой аналогично очумевших товарищей оттащили на левый фланг шеренги. Автоматчики выстроились цепью напротив нас, несколько человек зашли с флангов.

Возле кричавшего появился еще один, с папкой в руках.

– Абрамов Михаил Ильич! 1919 года рождения. Статья 58–2. Семь лет!

Вот это здарсьте! 58-я статья, это ж сколько лет-то? Ее ж отменили еще до моего рождения, что за хреновина творится? Где я и что это все значит? Плохо соображающая голова не спешила предоставить мне никаких ответов. Тем временем перекличка продолжалась, и я успел составить себе некоторое представление об окружающих. Не все статьи я помнил, но, судя по воспоминаниям, тут собралась неплохая компания. Сроков менее пяти лет не было вообще ни у кого. 58-й статьи хватало, по ней «прописалась» примерно четверть присутствующих.

– Манзырев!

Молчание.

– Манзырев?!

– Да тут он, гражданин начальник, в себя еще не пришел, вон и на ногах еле стоит.

– Александр Михайлович. 1890 года рождения. Статья... – и тут последовал внушительный перечень, чуть не из десятка статей. – Срок – 10 лет.

Судя по перечню, за обладателем числилось немало. Убийства, разбой и даже побег. Остальных статей я не знал.

Я покосился на отвечающего. Коренастый мужик, метрах в двух от меня. Отбарабанив этот неслабый список, он подмигнул мне оплывшим глазом.

«Ктой-то его так приложил?» – подумалось мне.

Перекличка продолжалась еще минут 15. Порядка 20 человек так и не откликнулись, из чего я сделал вывод, что им совсем не повезло.

Нас построили в колонну, автоматчики заняли места по бокам и сзади, и мы медленно потащились по дороге.

– Дядя Саша, – это ко мне подобрался давешний мужик с синяком под глазом. – Ты как?

– Хреново, – честно ответил я. – Башка болит, не помню ничего. Даже имя свое забыл.

– Ну, ты даешь! – восхитился он. – Как вообще жив-то остался, вагон-то ваш чуть не пополам разворотило. Пятерых вон вообще чуть не в куски порвало. Мы уж думали – копец тебе, тут, в воронке, и присыпят землицей. Ан, смотри, ожил!

– Ты, это... – прокашлялся я, – говорю ж тебе, память отшибло. Ты напой мне, что у нас тут вообще творится, глядишь, и я вспомню кой-чего.

– Неужто совсем ничего не соображаешь? – восхитился он. – Бывает же... Ну, слушай, коли так.

Рассказчик он оказался неплохой, но вот от его рассказов мне совсем поплохело. Угрозило же меня неведомым образом попасть в шкуру эка. Да еще какого!

Манзырев Александр Михайлович, кличка «Дядя Саша», за свою жизнь накуролесил столько, что советская Фемида наградила его званием особо опасного рецидивиста. Начал он сидеть чуть ли не при царе и продолжил это дело (с небольшими перерывами) уже при Советской власти. Общее количество честно заработанных сроков существенно превышало количество прожитых лет. Сидел он, то есть теперь я, уже года три, и ничего хорошего впереди не светило. Особенно учитывая то, что на дворе стоял 1941 год и нас эвакуировали в глубь

страны, подальше от фронта. Как раз в этот момент нас и накрыли бомбами немцы. Паровоз и несколько вагонов разнесло в щепки, часть заключенных погибла. А меня и еще нескольких прилично контузило близким разрывом. Насколько я помнил, особенно в этих случаях не церемонились, и, не подхвати меня соседи на руки, конвой без лишних слов добил бы меня, как неспособного к передвижению. Однако же почетное звание, присвоенное мне Фемидой, имело и обратную сторону. Бросить «заслуженного» зэка в данном случае было западло, вот соседи и стали приводить меня в чувство. Посильную помощь в этом оказал конвой, это им я был обязан пинком под ребро и синяком на опухшей морде. Говорливый мужик, отзывавшийся на кличку Крест, сунулся было помочь и тоже схлопотал по рылу. Куда нас вели, никто не знал. Что будет впереди, где мы находимся сейчас – полная неизвестность.

За разговорами время шло достаточно быстро, и вскоре на горизонте показались какие-то строения. Минут через 30 нас всех загнали в широко раскрытые ворота какого-то пакгауза. Колонна медленно втянулась внутрь, и заскрипевшие ворота отрезали нас от окружающего мира.

Выбрав себе место у стены, я уже было собрался присесть.

– Дядя Саша. – Этого шкета я не знал. Да и, собственно говоря, никого я тут не знал, но этого так и видел в первый раз.

– Чего тебе? Кто ты, вообще, такой?

– Иголка я! Там л ю д и тебя просят.

– Что за люди?

Шкет осекся:

– Так, это... Хромой, Барин, Красавец. Все *люди* собрались, тебя ждут.

– Ты все сказал? – Это нарисовался Крест. – Не видишь – в печали человек. Иди, родной.

Мы будем.

– Куда это? – спросил я Креста, когда шкет растворился в полумраке пакгауза. – Что за люди такие?

Он пожевал губами.

– Все воры серьезные. Я их краем знаю, на пересылке в соседнем бараке были. Но так, чтоб близко, – не был, ничего не скажу.

– А ко мне какой интерес? Я их тоже вроде не помню.

– Ну, ты даешь, дядя Саша! Кто у нас по рывкам специалист?

– И кто?

– Ну не я же! – заржал Крест. – Это у тебя четыре побега за шесть лет. Такого бегунка, как ты, еще поискать.

– И от меня им что надо?

– Уходить надо, – Крест вдруг перестал балагурить. – И скорее, а то, чую я, всем нам тут скоро амбец настанет.

– С чего бы это вдруг?

– А ты сам посмотри. Немец – вон он, рядышком. Пешком нам не уйти, а поезд... сам знаешь где. А у *этих* приказ – немцам нас не отдавать.

– Думаешь, пострелять могут?

– Да запросто! А то и просто сожгут. Ворота заперты, много нам тут надо? Бензином польют, и все.

– Да ладно тебе. Не слыхал я про такие зверства.

– И я не слыхал. Да и впредь слышать не хочу. А все же – кто их знает.

– Лады, пойдем, погуторим.

Шагая через лежащих на полу людей, я думал. 41-й год, начало войны. Ну, и что мы можем? Стукнуться к начальнику конвоя, мол, так и так, знаю я нечто крайне важное и серьез-

ное. Для победы нужное, так что ведите меня к самому высокому начальству. И что же он мне скажет? Да ничего хорошего. Ну откуда у закоренелого зэка может быть какая-то важная информация? Никаких вещей из будущего у меня нет, доказательств моего вневременного происхождения – тоже. Историю войны помню в общих чертах, конкретных дат не знаю. Где и что произойдет, могу только в общих чертах рассказать. Мало... Чертеж «калаша» нарисовать – за милую душу, только надо, чтоб чертеж этот в ГРАУ попал, а как? Научить солдат чему-то новому? Да запросто, только вот, опять же, надо к этим солдатам еще попасть как-то. В штрафники пойти? Так рано еще, да и не возьмут. С таким-то букетом статей?

В дальнем углу пакгауза на полу тлеет неяркий костерок. Чуть в стороне ото всех, поближе к костру сидело человек пять.

– Поздорову, бродяги! – присел я у костра. Краем глаза я отметил, что Крест к костру не подошел, сел в стороне. Народ потеснился, давая мне место. Кто-то протянул горячую кружку. Чисто машинально я глотнул. И глаза мои полезли на лоб. В молодые годы я, случалось, чифирь пробовал. Но такой! Однако же бросать кружку нельзя, не поймут. Зажав ее в руках, я, переводя дух, глотнул еще разок, уже осторожнее. Передал кружку кому-то невидимому в темноте. Так, похоже, все правильно. Никто не дергается пока. Молчите? Ну, и я помолчу. Это ж вы меня звали, вот и начинайте.

– Что скажешь, дядя Саша? – Худой, как щепка, человек, справа от меня, протянул к огню ладони.

– О чем?

– Что делать дальше будем, не надумал?

Интересно, и что же такое я должен был надумать? По всему судя, разговор не первый. А может быть, я ошибаюсь?

– Ноги делать надо, – вспомнил я Креста и его подозрения. – И скорее, а то всем хана.

Народ у костра слегка ожил, похоже, я сказал то, о чем они все думали. Или догадывались.

– А как? Не прикинул еще?

А на самом деле – как? Ну, стену мы не ломаем, это и ежу ясно. Потолок... высоко, не достать. Ворота. Двое ворот. В одни мы входили, там охрана. Вторые – не знаю.

– Что там? – кивнул я в их сторону.

– Голяк, – ответили сзади. – В щели видно – пулемет и трое часовых.

– Глухо. Завтра что будет, пойдем куда? Или тут держать будут?

– Не знаем. Слух был – в тюрьму переведут.

– С чего бы это? То гнали, гнали (тут уж я рисковал. Кто знает, сколько на самом деле длился этап, может, только сегодня утром и начался), то вдруг вдругорядь в тюрьму. Она, чай, не резиновая будет.

– Щербатый у ворот слушал, говорит, часовые гуторили.

– Немец далеко отсюда?

– Когда от вагонов шли, вроде пушки слышно было.

– Значит, рядом. Значит, тюрьма мимо кассы.

– И что же теперь?

Хороший вопрос. Я и сам бы не прочь это знать. Подумаем. Эшелон под нас не дадут, невелики птицы. Окопы копать – это вряд ли, не было такой практики, тогда отчего бы ей сейчас появиться? Пешком погонят? Может быть, хотя скорость у нас... Неужто и впрямь – кончат? И что? Бежать с зэками? К немцам? Ну, это еще бабушка надвое сказала. Мне бы только из-за колючки уйти, а там...

– Значит, так. С едой у нас что?

– Плохо у нас с едой.

– Насколько плохо?

– Совсем.

– Оружие?
– Ножи, штук пять.
– Негусто.
– Что есть.
– Тогда так. В город поведут – идем. Тихо идем и смотрим. Город знает кто?
– Да. Есть отсюда человек, судили тут.
– Смотрим, куда поведут. Если к вокзалу, идем не бузим. Если к тюрьме – тоже. А если за город... тут уж деваться некуда. Как крикну – все рывком в стороны.

Еще минут десять-пятнадцать мы посидели у костра, прикидывая все возможные варианты развития обстановки. Их и так было немного, а уж после того, как я высказался, стало еще меньше. На прежнее место я уже не вернулся, для меня постелили на досках какие-то тряпки, и я уснул.

Всю ночь мне снилась какая-то хрень. Я опять прыгал из окна, лаялся с узбеками и любезничал с официантками, которые угощали меня чифирем. Заснул крепко я уже под утро.

Разбудил меня гомон голосов. Ворота были открыты, и конвой выводил из них группу заключенных. Я поискал глазами хоть одну знакомую рожу, но таковых поблизости не оказалось. Отросшая щетина недвусмысленно намекала на утренний туалет. Ну да, а еще бы баньку. Да и кофе в придачу не помешал бы...

Снова заскрипели ворота, и ранее ушедшие вернулись. Они тащили с собой пару мешков и несколько баков. Еда! Ну хоть какой-то просвет в жизни наметился... Около вошедших эков сразу образовалась толпа, вспыхнула перебранка. Ну, посмотрим, сколь авторитетны мои вчерашние собеседники. Сумеют они хоть тут все упорядочить? Собеседники мои оказались на высоте. Гомон стих, и минут через пять выбежавший из толпы эк поставил передо мной миску с какой-то бурдой и положил несколько кусков хлеба. Ложка обнаружилась за голенищем сапога. Так, уже кое-что. Перекусив, я оставил миску на месте и двинулся поближе к воротам. Они были приоткрыты, и я рассмотрел на улице редкую цепь охранников. Ну, и где у них тут что? Пулемет вскоре обнаружился. И не один. Двое пулеметчиков с «ДП» сидели на крыше небольшого домика, метрах в 30 от ворот. Да, тут без мазы. До них не добраться. Тот, кто ставил охрану, был в своем деле человек знающий. Надо полагать, и с противоположной стороны сделано не хуже. Конвойные выкликнули еще несколько человек, построили их в колонну и увели. Потом еще и еще.

– Дядя Саша! – Один из вчерашних собеседников нарисовался как-то совершенно незаметно.

– Ну, чего там?
– Не пойму я. Народ куда-то ведут, никто ничего не говорит.
– И много уже увели?
– Да человек сорок.
– Ну, нас тут впятеро осталось, а то и поболее. Подождем пока, посмотрим.

В ожидании прошло часа три. Конвой привел назад часть ранее уведенных эков, и нас стали строить в колонну уже всех. Ага! Значит, этап будут выводить. Так оно и вышло, и вскоре мы медленно потопали на выход. При формировании колонны мои собеседники оказались недалеко от меня. Их сопровождало еще несколько типов, при взгляде на которых рука начинала машинально искать «ПМ». Колоритные морды, наколки на пальцах – впечатляло. Хотя я и сам, надо полагать, выгляжу не хуже. Во всяком случае, перстни на пальцах у меня вытатуированы весьма впечатляющие. Пройдя пару километров по улицам города, мы свернули куда-то по направлению к окраинам.

– Куда идем? – не обращаясь ни к кому конкретно, процедил я сквозь зубы.
– Миха говорит – к заводу. – Это кто-то незнакомый.

- Что еще за завод?
- Кирпичный.
- От города далеко?
- Говорит, что совсем на окраине.
- И за каким рожном нас туда ведут?
- Миха говорит, там «командировка» была, работали на нем раньше.

Колонна медленно втянулась между высокими кучами песка. Что-то не нравилось это мне. Нет, поведение конвоя не изменилось, такое впечатление, что их было даже меньше, чем вчера. Но какая-то заноза не давала мне покоя. Что-то не так, что? Я еще раз огляделся по сторонам. Точно, их стало меньше, почему? Пакгауз-то охранять уже не надо, зачем там охрану оставлять? Или там сделали временную пересылку? Они идут с карабинами, автоматчиков всего трое: один впереди, один справа и один сзади. Что за черт?

- Что-то тут не так, – повернулся я к соседу справа. – Где конвой? Почему их так мало?
- Так нам же и лучше, дядя Саша, легче сомнем.
- Ты, милоч, их совсем за дураков-то не считай!
- Так...

Выстрелы! Справа! Чей-то крик: «Давай, ребята!» И колонна взорвалась, народ бросился врассыпную. Куда, бараны недоделанные, кто кричал?! Увлекаемый толпой, я вместе со всеми побежал налево, в проход между кучами песка. Обернувшись, я видел, как автоматчики длинными очередями отсекают эков, пытавшихся побежать вперед или назад. Где-то сбоку бухали карабины. Загон! Это загон! Они нас гонят именно между песчаными кучами! Надо делать ноги, сейчас тут будет жарко. Но как? Через верх песчаной кучи – снимут, там я – мишень. Назад, под автоматы? Еще лучше. Лечь тут – тоже не вариант. Передо мной кучка эков добивала охранника, он пытался отмахиваться карабином, упал, и толпа навалилась на него. Вперед, скорее! Веером над головой прошла автоматная очередь, и добивавшие охранника эки зайцами бросились врассыпную, два или три упали. Черт, трудно бежать, клиент достался мне совсем не спортивного сложения. Вот, наконец, и выход... Все! В последний момент я успел нырнуть головой вперед в ложбинку между кучами песка, и выпущенная в упор с расстояния менее 30 метров пулеметная очередь прошла над моей головой.

- Товарищ капитан! Заключение Манзырев по вашему приказу доставлен!
- Идите.
- Есть! – и конвоир хлопнул дверью.
- Садитесь, – кивнул на стул мне хозяин кабинета. – Слушаю вас.

Я тяжело присел на стул, нога еще побаливала, и посмотрел на него. Капитан стоял у окна и курил, выпуская дым в форточку. Я впервые увидел его так близко. Во время всех наших предыдущих встреч у меня как-то не хватало времени его рассмотреть. Тогда, на заводе, после того как, орудуя прикладами, конвой согнал остатки колонны в кучку, он к нам не подходил. Стоял, так же вот курил и вполголоса что-то говорил стоящему рядом с ним лейтенанту. Да, и после этого, когда меня привели на заседание «тройки», как-то вот не было ни времени, ни желания его рассматривать. Заседание... 10 минут времени, простая формальность. Сержант-секретарь зачитал показания, и я узнал о себе немало интересного. К моим многочисленным грехам добавились агитация в пользу немцев, подготовка массового побега и, как необходимый атрибут, контрреволюционная троцкистско-террористическая деятельность. Теперь и я попал под 58-ю статью. Закономерный итог – высшая мера социальной защиты. По-русски – стенка. По возвращении в камеру я постучал в дверь и попросился на допрос. Терять было уже нечего, сидел я в одиночке, и опасаться недоуменных вопросов (а то и недвусмысленных действий) со стороны сокамерников уже не приходилось. Вообще, с момента так хорошо подготовленной ловушки на заводе (а в этом я не сомневался ни на минуту, прямо как по нотам

все было разыграно) я успел перекинуться едва ли парой слов с уцелевшими (за что и получил прикладом по ноге), после чего уже неделю сижу в одиночке. Кормят, на прогулку не водят, допрос был всего два раза. Не знаю, как следователю, а мне так с самого начала было ясно, что вся история с мнимым побегом – подстава со стороны конвоя. Среди эков у них наверняка были свои люди, да и сам маршрут был спланирован с умыслом. Стрелял, естественно, конвой, кричали, скорее всего, тоже они. «ДП» стояли на заранее подготовленных позициях. Одного взгляда было достаточно, чтобы все это понять. Стрелки залегли на верхушках песчаных куч и там нас и поджидали. Следователь, однако, добросовестно валял ваныку, задавая никому не нужные вопросы. Все мои попытки сказать что-либо не по теме жестко пресекались им с помощью кулаков конвоя. Мое мнение его не интересовало абсолютно, и в конце концов я, махнув рукой, подписал всю его писанину. Из нее явствовало, что я совместно с другими заключенными (следовал перечень ничего не говорящих мне фамилий) организовал устойчивую группу заключенных. Нашей целью являлась организация нападения на конвой, после чего мы планировали перейти на сторону немцев. Итогом всего этого и явилось заседание «тройки». Я не сомневался, что капитан и был истинным режиссером всей этой кровавой постановки.

– Итак? – прервал молчание капитан. – Вы хотели сообщить мне нечто важное?

– Да, гражданин капитан, хотел.

– Ну так говорите. Время у вас пока есть.

И я начал говорить. Возможно, моя речь выглядела не слишком аргументированной, где-то я перескакивал с одного на другое, но в целом старался держаться обдуманной мною еще в камере линии повествования. Капитан не перебивал, молчал, изредка делая пометки на бумаге. Потом перестал, снова закурил и до самого конца моего монолога бумагу более не трогал.

– Это все?

– Нет, гражданин капитан, я еще много чего сказать могу. Только нужно специалистов привлечь, мне некоторые вещи трудно будет вам пояснить.

– Не сомневаюсь в ваших талантах рассказчика. Что-то, а говорить вы умеете. В вашем деле это хорошо описано. Читать это я и раньше читал, а вот так слышу впервые. Интересно и убедительно это у вас выходит. Я даже и сам сначала поверил было. Вас подводит незнание конкретных деталей и общей оперативной обстановки.

– Так я же и объясняю вам, что...

– Не трудитесь. Я все понял. На вашем месте я и сам постарался бы быть максимально убедительным. Другого-то выхода у вас нет. И в иное время я бы, возможно, и направил вас для вдумчивого допроса специалистами, но...

– Так направьте! Вам же это еще и зачтется!

– Поздно, Александр Михайлович. Поздно. Железная дорога немцами перерезана, а самолет для вас никто не даст. Отправлять же с вами специальную группу у меня нет ни возможности, ни желания. Да и другие обстоятельства этому мешают, увы.

– Так вы что же, считаете, что я все вру?

– Возможно, что и не все. Какие-то вещи вы могли слышать, что-то сами домыслили, а что-то и откровенно придумали. Все работавшие с вами ранее оперативники отмечают ваш незаурядный талант и способности. Аналитических способностей за вами ранее не замечалось, так и необходимости у вас к этому не было. А тут ситуация для вас критическая, вот и открылись некоторые, ранее ненужные, грани вашего таланта. Интересно, не сталкивался я раньше с такими людьми, тут все больше откровенно прямолинейные типы попадают.

Как-то он странно выражается. Несвойственно это для обычного опера. Хотя кто его знает, много я ТОГДАШНИХ оперов видел? Учителя у нас были из СТАРЫХ еще волкодавов, так у них и уклон был больше в другую сторону. Боевики, не опера. И про таких зубров (а это точно не заяц!) они нам не рассказывали.

– Вам бы ко мне раньше подойти, Александр Михайлович. Может, и сработались бы мы с вами, очень даже возможно, да...

– Но, гражданин капитан, я ж вам говорил, что...

– Не считайте меня глухим! Склерозом я тоже не страдаю еще. Идите. Я подумаю над вашим рассказом.

Конвоир вывел меня из кабинета, и мы отправились обратным путем – в камеру. Шагая по коридору, я еще и еще раз прокручивал в памяти нашу с капитаном беседу. Где я допустил ляп? Ведь до какого-то момента он меня слушал внимательно, а потом? Что же я сказал? Или чего я НЕ сказал?

Прошел еще день. Канонада, ранее звучавшая фоновым шумом, усилилась. Стекла в окнах стали дребезжать. Судя по поведению охраны, они это тоже слышали, и это их не радовало. Еще день... Звуки боя слышались уже совсем недалеко, а от капитана не было никаких вестей. Я снова попросился на допрос, охранник молча выслушал меня и ничего не ответил. Уже смеркалось, когда в коридоре затопали шаги нескольких человек. Ну наконец-то, а я уж думал, забыли про меня совсем. Лязгнул засов.

– Манзырев?

– Александр Михайлович! 1890 года рождения. Статья...

– На выход! Вещей не брать!

А какие у меня вещи, кроме ложки и шапки? Ложка за голенищем, шапка на голове. По узкой лестнице мы спустились во внутренний двор. Там, в углу двора, я увидел несколько знакомых лиц. Крест, надо же! Я думал, его еще на заводе убили, не видел я его в толпе уцелевших. А, вон еще одна знакомая рожа, еще один... так здесь, выходит, всех уцелевших собрали, зачем? Неужто этап, куда? Раньше не могли, что ли, тут уже чуть ли не уличные бои идут, еще по дороге завалят, и все.

– Так, заключенные, внимание! В одну шеренгу становись!

Мы все вытянулись неровной шеренгой вдоль стены. Напротив нас стояла такая же редкая цепь охраны, почему-то с «наганами» в руках.

Будут стрелять? Но капитан же говорил мне... Ну, вот уж хрен! Просто так я не сдохну! Рыкнув что-то нечленораздельное, я рванулся вперед, одновременно смещаясь слегка вбок, сбивая прицел...

– Огонь!

Нестройно грохнул залп – мимо! То-то же! Знай на...

Удар, толчок, и я полетел куда-то в темноту...

– Дядя Саша, да не кисни ты так! А то, на тебя глядя, и у меня на душе кошки скребут! – Это опять Крест. Сидит, балабол, на подоконнике и смотрит в окно. – Вон, глянь, опять медсестры куда-то пошли. Точно тебе говорю, вон та, черненькая, на меня смотрит. Ух и доберусь я до нее!

– Доберусь, доберусь... Ты сам-то сначала отсюда выберись, а уж потом по медсестрам шнырай.

– Нет, ну как ты, дядя Саша, можешь одним словом всю малину опоганить! Ну тебя к лешему, еще накаркаешь! – Крест неуклюже спрыгнул с подоконника и заковылял к двери. Ему досталось – пуля прострелила ему ляжку навывлет, вот он и ходит боком. Видимо, мой отчаянный рывок внес свои коррективы – охрана стреляла второпях и, наверное, поэтому мазала. Мне тоже «повезло» – одна пуля задела мне бок и еще одна скользнула по черепу. Повезло, только кожу содрала. Но по башке приложило изрядно, я пришел в себя уже тут, в госпитале. Уже у немцев. Словоохотливый Крест поведал, что немцы ворвались в тюрьму через полчаса после расстрела и, кроме нас двоих, подобрали еще и Барина. Ему досталось тяжелее, и, по слухам, его увезли куда-то на операцию. А мы лежим в отдельной палате, с часовым у двери. Смотрят за нами, в принципе, неплохо, медсестры местные – из города, а вот врач немец – Гот-

либ Карлович. Тоже, кстати, местный, но у немцев в авторитете. Врач, кстати, вполне серьезный, дело свое знает отменно, и порядок у него тут истинно немецкий. Первое время нас даже из палаты не выпускали – только в туалет, благо он в трех шагах от двери. Потом режим смягчился, разрешили выходить во двор, правда, под зорким оком часового. Так что, когда Кресту охота покурить, мне приходится тащиться с ним во двор. Там он тут же начинает распускать хвост и клеиться к медсестрам, но пока безрезультатно.

По утрам, в 11 часов, к нам приходит лейтенант Майер из комендатуры и в течение двух часов внимательно выслушивает наши ответы на его каверзные вопросы. Вот тут уже отдувается Крест. Рана на голове для меня в данной ситуации оказалась божьим даром, кошу под потерю памяти. Хотя особенного интереса для немцев я не представляю. Из захваченных документов они уже выяснили, что я в течение последних трех лет из зоны не вылазил. Да и до этого был на свободе нечастым гостем. Так что ценность моя в оперативном плане близка к нулю. Другое дело – Крест. Этот угодил в зону за полгода перед войной, а до этого куролесил по крупным городам. Так что ему есть что рассказать. Майер внимательно выслушивает его болтовню и что-то записывает. Лицо у него абсолютно непроницаемое, и понять, что же он думает на самом деле, невозможно. Поэтому представить себе наше будущее ни я, ни Крест пока не можем. Прикидываем разное, но пока никаких очевидных перспектив не видим. Память мне услужливо подсказывает, что такими кадрами немцы не разбрасывались, особенно в начале войны. Ну ладно, Крест еще им подойдет, а вот меня куда? В разведшколу – возраст уже не тот, да и здоровье... Я уж молчу про внешность и особые приметы. Только тут я рассмотрел тело своего персонажа и внутренне присвистнул. Помимо звезд на плечах, на теле была расписана вся его «тяжкая» жизнь. И чего там только не было... Да, одной татуировки «СЛОН» в советском тылу за глаза хватит, чтобы меня первый же мент начал трясти как грушу. А уж прочий иконостас... Майер даже привел фотографа, чтобы тот запечатлел всю эту «красоту». Так что этот вариант отпадает, а жаль! Тут уж я мог покуролесить на все сто! Добраться бы только до своих, а там... А там меня ждет перспектива нерадостная. Ориентировки на меня давным-давно имеются в любом горотделе, и вдумчивый опер достаточно быстро установит, что за птица к ним залетела. Памятуя мой разговор с капитаном, я не питал иллюзий относительно своей способности объяснять необъяснимое. Особенно сотрудникам НКВД. Да и последний приговор, который мне успели вынести, тоже не давал повода для веселья. Наверняка все бумаги по этому поводу успели уйти в тыл и соответствующим образом где-то учтены. Вот поймают меня территориальные органы НКВД и на вполне законных основаниях поставят к стенке. И ничего я им не докажу. Вот приговор, вот клиент – пожалуйста бриться! Даже и допрашивать не будут, им и так все уже будет ясно.

Сегодня вместе с Майером появился еще какой-то деятель. В отличие от Майера, всегда затянутого в военную форму, пришедший был одет в неплохой костюм. И, по местным меркам, был, видимо, достаточно крут, так как даже невозмутимый Готлиб Карлович как-то слегка стушевался и быстро исчез из палаты.

– Здравствуйте, господа. – Деятель присел на стул, где обычно располагался Майер. Тот сегодня занял позицию у двери, где часовой заранее поставил еще один стул.

– Как ваше здоровье, господин Манзырев?

– Получше уже, могу вставать и ходить, хотя голова еще болит временами. Повязки сняли, и рана в боку уже не так беспокоит.

– А ваше, господин Козырев? – Это он уже к Кресту.

– Дак... Нога еще болит, но сидеть тут уже без дела надоело. И так почти полтора месяца здесь кантуемся.

– Что, простите? – деятель приподнял бровь.

– Ну, сидим тут, прямо как на следствии.

– Это вы правы, – кивнул головой пришедший. – Следствие действительно имело место быть.

– Так... Что ж расследовать, мы ж тут все в бессознанке были, когда ваши войска пришли?

– Видите ли, – деятель обращался уже к нам обоим, – обстоятельства вашего попадания в госпиталь действительно были весьма драматическими. Не скрою, это сыграло свою роль в том, что вы попали именно сюда, а не в лагерь для подозрительных лиц. Да, мы проводили проверку. И могу вам сообщить, что мы ее окончили.

И что? Что он вдруг молчит? Чего такого им удалось накопать? А что-то накопили, это очевидно. Где же я прокололся? А в том, что прокололся именно я, сомнений не было никаких. Крест тараторил как по писаному и, в отличие от меня, тему знал досконально. Сейчас он начнет меня колотить, и тут уж не отбрешешься больной головой и потерей памяти. Этот деятель – не чета Майеру, видно хватку оперативника. Вон и сел так, что глаза у него в тени, а нам солнышко из окна прямо по рылу лупит. И какие мы имеем на руках козыри? Татуировки и мое уголовное дело? Так это они уже все изучить успели. И что у нас еще есть? Похоже, что ничего, кроме вилки под матрацем. Я ее чисто инстинктивно приватизировал еще неделю назад. Как чуял... Странно, вот и Крест напрягся, он что, тоже где-то накосячил?

– У нас еще осталось несколько вопросов к вам, господа. Это нужно для того, чтобы понять – что нам с вами делать дальше? Своих уголовников у нас хватает и без вас, и факт того, что вы сидели в тюрьме, еще не делает из вас борцов с Советской властью как таковой. Как это говорится? Враг моего врага – мой друг? Так будет ли моим другом человек, обворовавший моего врага? С таким же успехом он может обворовать и меня. Что вы скажете на это, господа?

– Гражданин начальник! – Это Крест. – Я...

– Можете называть меня господин Райнхельт. Я представляю здесь Гехаймстаатсполицайамт. Вам знакомо название этой организации?

Гестапо. Час от часу не легче. Им-то что от нас нужно?

– Да, – сказал я. – Слышал кое-что. Это покруче нашей уголовки будет.

– И существенно, – кивнул головой Райнхельт. – Надеюсь, вы понимаете, что наша организация пустяками не занимается?

– Понимаю.

– Тогда – вопрос: кому пришла в голову идея побега?

А в самом деле – кому? Кто задавал основные вопросы по теме? Хромой, так... То, что творилось снаружи, отслеживал Красавец – он к воротам ходил. Кто-то из них? Нет. Когда Хромой спрашивал, он вбок косился. Так, а кто у нас там сидел? Не, Красавец этот от меня справа был, Хромой напротив, и смотрел он... Барин! Точно, он! Они все с ним после переговоров, причем по очереди. Крест – он может знать. Нет, не может, его к костру не подпустили, вернее, сам не подошел, правильно – не по масти он. Но все же, все же... Ну, хоть глазом подмигни, недоумок! Нет, смотрит, куда он смотрит? Интересно... Тут же второй этаж, а он еще прихрамывает. Или это он комедию для меня и немцев разыгрывает? Зачем? Ему-то чего бояться? Значит, есть что-то за душой, есть.

– Ну? – Это Райнхельт. – Мой вопрос слишком сложен для вас?

Майер расстегнул кобуру. Незаметно для нас (ну, это он так думает). Про окно забыл? А там как в зеркале все отражается. Значит, вопрос серьезный, и Майер это знает. Нельзя лохануться, нельзя! Еще раз: что я знаю про Барина? Да ни хрена я не знаю, кроме того, что он жив остался. Ранен тяжело (насколько?), и его увезли на операцию. А почему тут не оставили? Врачей нет? Ерунда, Карлович – хирург от бога. Значит, еще что-то есть, чего мы не знаем, почему? Так, кто еще мог? Да кто угодно мог. Ладно, еще раз. Хромой, Красавец убиты (Хромого я точно сам видел, а Красавец рядом с ним был, будем считать, и ему кирдык), и толку от них чуть. Взять авторство на себя? Не покатит, Крест помнит наш разговор. Не сдержится,

выдаст себя, и тогда нам обоим кранты. Барин, Барин... Стали лечить, значит, нужен он им. Не факт, нас тоже лечат. Ладно, примем это за аксиому – он им нужен.

– Барин. Побег – его мысль. Потом, конечно, мы все думали, как и что.

– Так. – Райнхельт кивнул. – Вы говорите, что идея побега принадлежала Барину?

– Да.

– Но конкретной разработкой занимались вы?

– Я.

– И как же так вышло, что побег не удался? Ведь у вас большой опыт в делах подобного рода?

– Не знаю. Думаю, что кто-то настучал.

– Да, здесь вы правы. Донос действительно был, и мы его нашли в бумагах НКВД.

– И кто же это там был, такой языкастый?

– Зачем это вам?

– Даст бог, встретимся, побазарим. Только вот не завидую я ему после такого базара.

– Вы его знали, как Иголку.

– Б...! – не выдержал Крест. – Поймаю – на клочки порву!

– Да? – прищурился Райнхельт. – Ну, как говорится, бог вам в помощь. Только вот, чтобы поймать, надо сначала поймать (правильно я говорю?) такую возможность. А для этого надо как минимум оказаться на свободе в полном здравии.

Опять за рыбу гроши! Так это еще не все его сюрпризы? Похоже, что так.

– Теперь вопрос к вам, господин Козырев. Где ВЫ были во время попытки побега?

Опа! Крест еле заметно дернулся. Со стороны это было незаметно, но, просидев с ним в одной палате полтора месяца, я уже научился замечать малейшие нюансы его поведения. Есть попадание, что-то он занервничал.

– Да со всеми вместе и был.

– Разве? А вот Барин утверждает, что вас в колонне не было.

Так, значит, Барин уже чего-то утверждает. Значит – может говорить, и немцы его допросили уже. А был ли Крест в колонне? Я его не видел, но это не значит, что его там не было. До этого он все время около меня вертелся, а тут – пропал? Почему? Шестерки близко не подпустили? Вариант... могли, в принципе. Что я получу, если подтвержу версию Барина? Ничего, только вызову подозрение к себе. Крест вроде как мой приближенный, во всяком случае, на разговор я пришел с ним. А Барин? Ему я чем смогу навредить? Помочь я ему уже помог, вот как Майер расслабился, теперь можно и Кресту. Пусть помнит, кому свободой обязан.

– А меня что, тоже в колонне не было?

– Ну, в отношении вас, господин Манзырев, никаких сомнений нет. Ваше участие во всех событиях доказано и задокументировано.

– Ну так вот – я Барина не видел. Хромой – тот рядом был, убили его около меня. Красавец вроде тоже, еще кое-кто (Черт! Сейчас он спросит – кто?), а вот Барина я не видел. А Крест со мною рядом идти и не мог, не по чину ему. В стороне он был.

– Был?

– Да, был.

– Вы в ЭТОМ уверены?

Эх, попала нога в колесо – пищи, а беги!

– Уверен.

– Хорошо. Еще вопрос, господин Козырев. По заключению врача в вас стреляли сверху вниз, сзади. А стрелки НКВД находились перед вами. Как вы можете это пояснить?

Крест аж взмок, на лбу появились мелкие капельки пота. Надо помогать...

– Позади от нас, справа, была вышка, – я почесал затылок. – По-моему, оттуда тоже стреляли.

Райнхельт открыл папку, которую он держал в руках, и принялся листать бумаги.

– Да, на плане вышка отмечена. А что вы скажете, господин Козырев?

– Да не помню я. Могли и сзади стрелять, и спереди тоже. Я сейчас и не припомню всего. Как он, – кивнул Крест на меня, – бросился, так такая каша заварилась!

– Ну что ж, благодарю вас, господа. У МОЕЙ организации больше к вам вопросов не имеется. Все дальнейшие вопросы, связанные с вашим трудоустройством, будет решать ведомство лейтенанта Майера. До свидания.

– До свидания, господин Райнхельт! – чуть не хором ответили мы оба, стремясь вложить в свои слова максимум уважения. Не столько к нему самому, сколько к его конторе. Не оборачиваясь, он кивнул головой и вышел.

Майер пододвинул стул и сел поближе к нам. Кобура у него была уже застегнута (когда только успел?).

– Итак, господа, займемся вами.

Он раскрыл папку.

– Господин Козырев, в отношении вас у нас есть определенные намерения, но об этом – чуть позже. А пока – как вы смотрите на работу в полиции?

– Да с превеликим нашим удовольствием, господин лейтенант! Порядок обеспечим, не сумлевайтесь!

– Хорошо, с этим все ясно. А вы, господин Манзырев?

Так, в довершение ко всему – теперь еще и полиция. К нашим после этого – ни ногой. Кончат враз, даже и не мяукну. А если по своим стрелять придется? А ведь придется...

Я поднял руки и продемонстрировал Майеру свои татуированные перстни.

– Хороший из меня полицейский выйдет? С таким-то иконостасом?

– Да! – Похоже, что Майер смутился. – Это действительно меняет дело. Но что же тогда с вами делать? Других возможностей мы не рассматривали.

– Машину водить могу. В Соловках на продскладе работал, учетчиком, там и научился (авось не проверят. Да и не станут уже, после гестаповской проверки-то).

– Продсклад? Это интересно. Попробуем найти вам работу у бургомистра или в отделе снабжения продовольствием.

Майер захлопнул папку и встал:

– До свидания, господа. Выздоровливайте. Ефрейтор Гершвин подготовит для вас соответствующие документы, одежду и решит вопрос с проживанием.

Радиограмма

Получен сигнал 6

Начальнику ... отдела капитану тов. Маркову А. Т.

Сегодня в 03.40 от группы ст. лейтенанта Грабова получена следующая радиограмма (текст прилагается).

Начальник смены лейтенант Коробицын В. В.

Начальнику отдела подполковнику

тов. Шергину В.А.

Получено сообщение от «Рыжего».

Проверку прошел, легализовался, к работе приступил.

Старший группы капитан Нефедов В.А.

*Начальнику ... отдела абвера полковнику
фон Мееру.*

Проведенная проверка подтвердила достоверность сведений, сообщенных «Лесником». Прошу Вашего разрешения для привлечения его к работе отдела.

Заместитель начальника ...отдела полковник фон Хорн.

Вот уже две недели я числюсь сотрудником управления продовольственного снабжения тыла. От щедрот немцев мне перепала небольшая квартира недалеко от центра города. Мебель и все прочее в квартире осталось, видимо, от прежних хозяев. Так что тратить деньги на обстановку не пришлось. Благо в качестве подъемных мне выдали месячный оклад. Негусто, но на жизнь вполне достаточно.

Вместе со мной эту ниву старательно вспахивают три дамы дореволюционного склада и двое сотрудников мужского пола – Геннадий Михайлович и Виктор Францевич. Назвать их мужчинами как-то язык не поворачивается. Нет, они далеко не голубые, но, глядя на прилизанные волосы и вкрадчивые манеры общения, мне все время кажется, что есть у них что-то общее с посетителями гей-клубов современности. Мое появление внесло сумятицу в уже сформировавшийся мирок. Некоторые специфические обороты моей речи в сочетании с внешностью приводят наших барышень в предобморочное состояние. Поэтому, когда начальство предложило мне взять на себя работу с населением, я был только рад. Сидеть в конторе давно остобрыдло.

Кстати, о начальстве. Им у нас является пожилой немец – лейтенант Беренмайер. В общем, довольно безобидный дядька лет 50. Целыми днями он занимается своими бумагами или пишет длинные письма домой. Сентиментален и очень любит своих дочек, их у него трое. Показывал фотографии – действительно симпатичные девчонки. Совершенно не воспринимаю его как врага.

Надо, однако, отдать ему должное – Беренмайер далеко не так прост, каким кажется с первого взгляда. Вспоминая свой первый к нему визит, я до сих пор не устаю удивляться его умению актера.

А выглядело это так.

В самый первый день, получив от Майера направление, я решил, что все вопросы моего дальнейшего существования (по крайней мере, на этом этапе) решены. И бодро потопал по указанному адресу.

О своей будущей работе я имел самое отдаленное представление. Мне она казалась чем-то средним между работой завхоза и экспедитора. И о том, и о другом я имел только самые общие представления. Поразмыслив, я пришел к выводу, что за образец надо брать Серегину работу в ресторане. Продукты покупать мы ездили вместе, и некоторый опыт в этом у меня был.

С этой мыслью я и толкнул дверь.

По коридору пробежал какой-то хилый мужчинка в клетчатом костюме.

– Эй, любезный!

– Вы это мне? – удивленно изогнул бровь клетчатый.

– Ну, вроде бы тут никого больше и нет?

Мужчинка осмотрелся по сторонам, словно рассчитывал найти в этом узком коридоре еще кого-нибудь, на кого можно было бы спихнуть нежданного визитера. Не найдя такового, он вернулся взглядом ко мне.

– Что вам угодно?

- Угодно видеть здешнего начальника – лейтенанта Беренмайера.
- Вы записаны на прием?
- Нет.
- Тогда вам нужно будет сначала подать заявку. Это можно сделать по вторникам и четвергам. После ее рассмотрения вам сообщат дату приема и время, на которое он назначен. Обычно приемы происходят в понедельник и в пятницу.
- И откуда я узнаю это время?
- Вон там, впереди, вторая дверь справа. Обратитесь к Наталье Германовне. Заявку можете подать ей.
- И как долго мне этот ответ ждать?
- Не знаю. Это зависит от занятости господина Беренмайера.
- Интересный фокус! А жить где я буду все это время? И жрать тоже чего-то надо.
- Вот что, любезный...
- Ко мне обращайтесь, как положено! – вспыхнул клетчатый. – Господин Крайнов!
- Ну, во-первых, я этого не знал. Во-вторых, вы же мне не представились...
- Потрудитесь не указывать МНЕ, как я должен себя вести! Я на службе, между прочим, а это – серьезное НЕМЕЦКОЕ учреждение!
- Но вы сам, как я вижу, не немец?
- А вот это – не ВАШЕ дело! И вообще – кто вы такой и что вам тут надо?
- Я уже несколько минут пытаюсь вам это объяснить.
- Вы отрываете меня от важных дел!
- Ну, ладно, клоп! Достал ты меня вконец. Посмотрим сейчас – какие у тебя нервы.
- Я к вам из комендатуры, от лейтенанта Майера. По указанию господина Райнхельта, он направил меня сюда. Для повышения эффективности работы вашего учреждения.
- Фамилия лейтенанта Майера мне знакома, – кивнул головой Крайнов. – А кто такой господин Райнхельт? Интересы какого ведомства он представляет?
- Господин Райнхельт работает в гехаймстаатсполицай.
- ?
- В гестапо.
- Из Крайнова словно вытащили стержень, он как-то весь обмяк.
- Э-э-э...
- Вот предписание.
- Через минуту я был в кабинете Беренмайера. Доставив меня в кабинет к нему, Крайнов прямо-таки растаял в воздухе.
- Здравствуйте, господин лейтенант!
- Присаживайтесь, господин, – Беренмайер заглянул в предписание, – Манзыров.
- С вашего позволения, господин лейтенант, – Манзырев.
- Возможно. Я не очень хорошо произношу русские имена.
- Я присел на стул.
- Слушаю вас, господин Манзырев.
- Вот те, бабушка, и Юрьев день!
- Так это Я должен ему что-то объяснять?
- Знать бы – что именно?
- Видимо, мои чувства в этот момент ясно отобразились на лице, и Беренмайер это увидел.
- Как немецкий офицер, я, безусловно, уважаю мнение ведомства господина Райнхельта. Однако, смею заметить, что интересы ЕГО ведомства и МОЕГО учреждения лежат несколько в разных плоскостях. Так что я не вижу, чем именно могу быть полезным его ведомству.
- Меня направили к вам на работу.
- Как сотруdnика ведомства господина Райнхельта?

Интересный вопрос. И что отвечать? События выглядят в глазах лейтенанта сотрудником гестапо был, что и говорить, велик. Но, но, но... не будем зарываться.

– Нет. Как ВАШЕГО сотрудника.

– Вот как? Но я, простите, не вижу, в какой сфере мы могли бы использовать ВАШИ способности. Насколько я осведомлен, такие *художества*, – он кивнул на мои наколки, – в Советской России не давались просто так?

– Да. Это так.

– Человек, рискнувший нарисовать такие вот *уколки*, не имея на это права, звался... ерш?

– Ерш.

– Так. И какова была бы его судьба?

– Могила, скорее всего.

– Значит, вы, господин Манзырев, – не ерш?

– Нет.

– То есть вы имели проблемы с законом?

– С советским законом.

– Пусть так! Но – вы не *политик*?

– Не политический.

– Неважно. Вы не борец с режим, вы – уголовник. Так?

– Так.

– Но вор в Россия и вор в Германии, все равно – вор. Зачем вы МНЕ?

– Я полагаю, господин Райнхельт тоже это рассматривал, прежде чем написать данную бумагу.

– Я не вижу тут его подписи. Есть подпись лейтенанта Майера, это – не гестапо.

– Он исполнил приказ.

– Гут. Хорошо. Он исполнял свой приказ, я исполняю свой. Мой приказ – данное учреждение работать как часы. Ферштейн?

– Точно так, господин лейтенант.

– Господин Райнхельт – начальник в своей организации, лейтенант Майер – в своей. Здесь – начальник я.

– Понятно, господин лейтенант.

– Гут. Интересы рейха требуют, чтобы солдат был одет, сыт и здоров. Мы даем солдату еду – это важно! Здесь наше ведомство так же важно, как ведомства господина Райнхельта и господина Майера. Ферштейн?

– Так.

– Если я требовать от всех – делай так, а не иначе – это интерес рейха!

– Точно так.

– Каждый начальник на своем месте – представитель интересов рейха. Мой приказ – для вас все равно что приказ фюрера. Каждый немецкий начальник на своем месте требует соответствующего уважения. Фюрер – в Берлине, я – здесь!

– Понял.

– Вы имели большой ранг там – среди вор. Значит, с людьми говорить можете. И можете их убеждать, что он должен делать хорошо. И что делать он не должен. Так?

– Да. Я умею говорить с людьми.

– И убеждать.

– И это тоже.

– Интересы рейха могут требовать некоторых отхождений от принятых правил, вы должны уметь это объяснить людям. Они будут думать так. Он был вор – он работает на Германию. Не воровать, а работать! Германия умеет внушать почтение к своим законам!

– Точно так, господин лейтенант.

– Гут. Вы будете работать здесь. Вы будете ездить по деревням и убеждать старост – работать надо правильно. Не воровать! Помните, здесь я – Райнхельт, здесь МОЕ слово – закон и порядок! А я всегда смогу убедить господина Райнхельта и лейтенанта Майера, что прав был я, а вы ошибаетесь. Я работаю тут не первый год и в своем деле специалист не хуже их!

– Понятно.

– Я понимаю, что вы оказали определенные услуги ведомству господина Райнхельта. Мы это ценим. Ваши услуги на данном месте работы тоже будут оценены соответствующим образом. Мы умеем ценить преданных работников. Но мы также умеем карать нерадивых сотрудников. Это – ясно?

– Да, господин лейтенант. Мне все ясно.

– Можете быть свободны сегодня. Зайдите в секретариат – вам дадут направление на квартиру и деньги на первое время, я распоряжусь. Господин Крайнов скажет вам, какие еще обязанности, кроме основных, надо исполнять.

Впервые вижу, как свои корыстные интересы обставляются интересами государства. Век живи – век учись! Надо же – запрячь вора выбивать продовольствие из старост! Да еще и тонко намекнуть на необходимость взяткобрания.

Втянувшись в работу, я с удивлением обнаружил у себя талант взяточника. Причем делать для этого мне ничего не пришлось. Просто в какой-то момент я отметил, что мои манеры докапываться до мелочей при заключении контрактов оппонентами воспринимаются совершенно однозначно – как намек на взятку. И, хотя все документы у нас подписывает лично Беренмайер (надо полагать, что большую часть взятки он кладет себе в карман), на нашу долю тоже перепадает. И неслабо. Берут у нас все.

Для поездок по деревням и селам Беренмайер выделил мне автомашину. Старая советская полуторка, надо полагать трофейная, с мрачным, неразговорчивым водителем. Зовут его Хасан, он откуда-то из Татарии. Как попал сюда – неизвестно, на эту тему он не распространяется. Любитель поспать, когда бы я ни пришел к машине, он всегда дремлет. Как он при этом ухитряется содержать ее в порядке – не знаю. Но машина всегда на ходу. Ко мне он относится с уважением и опаской. Когда он впервые узрел мой «иконостас», в его глазах промелькнуло нечто, похожее на страх. Но я себя с ним веду ровно, и вскоре он опять пришел в свое привычное, полусонное состояние.

Видел Креста. Этот пройдоха недолго топтал землю рядовым полицаем. Кому и что он умудрился сунуть, не знаю, но теперь он занимается выдачей каких-то справок. И, надо полагать, мало уступает мне на взяткобрательском фронте. По случаю встречи мы с ним нажрались до отупения. Так что утром я с трудом сообразил, где нахожусь. Оказалось, что на квартире у какой-то подружки Креста. Какой гадостью он меня напоил? Остается надеяться, что я не бухнул ничего спяну. Помню, что Высоцкого я им петь пытался, но вот спел или нет? «Ванинский порт» точно пел. Но это вроде как совсем в тему. Странно, пить я старался немного, что ж меня развезло-то так?

Во время своих поездок по деревням я продолжал искать какие-либо контакты с подпольем. Но увы... Преуспеть мне в этом плане не удалось. По понятным причинам говорить об этом напрямую со своими деревенскими контрагентами я не мог. Да и хорош бы я был в их глазах! В основном я контактировал со старостами и близкими к ним сельчанами. Понятно, что и среди них наверняка были люди, связанные с подпольем. Только вот как их найти? Видя мое непоказное рвение на работе, любой здравомыслящий человек уже давно сделал бы для себя все положенные выводы.

Время шло. Дни неторопливо ползли один за другим, а я продолжал свои безуспешные поиски. В принципе, ничто не мешало мне выйти вечером на улицу (благо ночной пропуск у меня был) и задавить по-тихому парочку фрицев. И чего бы я этим добился? Не так давно

немцы уже расстреляли десяток заложников, когда какой-то парень пальнул из винтовки в ефрейтора. Даже добить не сумел толком. Но это ничего не изменило. Заложников все равно расстреляли.

В пятницу вечером, чуть позднее обычного, я возвращался домой. Сегодня у нас был «пьяный день» – кто-то из подрядчиков привез несколько бутылей самогона, и вся мужская часть нашего «коллектива» (Геннадий + Виктор и я) его дегустировали. Удовольствия эта процедура мне не доставила, но отказываться тоже было не с руки. Вот и завис на лишние полтора часа. Так что домой шел уже затемно. Фонари не горели, до комендантского часа уже оставалось не так много времени, так что я торопился. Обычно я иду домой не торопясь, выбирая места посветлее и почище. А тут решил срезать и пошел напрямик. Уже подходя к дому, я вдруг притормозил. Что-то было не так... Фонари в городе вообще редкость, но мне в этом случае повезло. Напротив моего дома был какой-то склад или что-то в этом роде. И у него на стене висел фонарь. Иногда по вечерам там что-то грузили или разгружали, и свет горел всегда. Но сегодня фонарь потух. В принципе, в этом не было бы ничего особенного, если бы не одна неприятная черта. К подъезду дома я подходил через подворотню, и фонарь ее хорошо освещал. Сейчас там было темно, и почему-то мне это не нравилось. Весь мой прежний боевой и прочий опыт резко встал на дыбы. Как-то вовремя погас этот фонарь...

А если так? Сделав крюк, я обошел свой дом по дуге. Небольшой забор задержал меня на пару минут, и я осторожно подкрался к подворотне, но уже с другой стороны. Как это было у Стругацких? Бесшумных засад не бывает. В точку! В подворотне кто-то был. И был не один. Я слышал, как они переминаются с ноги на ногу. «Холодно! – злорадно подумал я. – Небось в ботиночках клиент. Вот ножки и того, замерзли». Судя по звуку, клиентов было не менее двух человек. «А если кто-то из них одет потеплее? Тогда трое. Или больше?» Кто были эти странные визитеры? Скоро комендантский час, жители по улицам ходить не будут. Полиция? Так зачем им прятаться? Немцы? Ну это вообще бредятина, что они тут потеряли? Дверь в мой подъезд из подворотни не просматривалась, и это натолкнуло меня на некоторые мысли. Попробуем так...

Несколько минут потребовалось мне, чтобы тихо отвязать веревку, на которой моя соседка днем сушила белье. Привязав ее за дверную ручку, я осторожно вернулся на свой наблюдательный пост.

«Начали!» И я дернул за веревку. Моя входная дверь громко хлопнула.

– Черт! Он что, стороной прошел?

– Как? По воздуху, что ли?

– А через забор! (Ты смотри, угадал!)

– Может, вышел кто?

– Так где же он? Куда пошел? (Точно, шагов ведь не слышно!)

– Иди под дверь послушай, если он пришел домой – сегодня ждать бесполезно, он ночью не ходит. (Интересно, значит, за мной следили?)

Послышались шаги, и из подворотни появился первый клиент. БУМС! – это подобранное мною полено встретилось с его головой. Несильно, но основательно. Минут пять он точно не боец. Топот ног, и из подворотни вылетело еще двое.

«И чегой-то у нас в руках? Пистолет? Не помешает, сюда давай... А грубить и драться нехорошо, на тебе ответного! Раз! Один готов... Второй? Где ты, родной? Вот он, и тоже с пистолетом. «Наган»? Тоже не помешает, давай».

Я оглядел «поле боя». Трое успокоенных налетчиков разлеглись в живописных позах. Причем первый уже шевелился и пытался встать. Я осмотрел его. Кроме ножа, у него ничего не было. «Эх, расстроится соседка утром! – думал я, разрезая похищенную веревку на куски. – Надо будет ей как-то это компенсировать». Через пару минут вся троица была надежно упакована, и я пинками погнал их к себе в квартиру. А куда ж еще мне было их девать?

Затолкав и затащив злодеев в квартиру, я рассадил их на полу, лицами к входной двери, а сам уселся сбоку от нее так, чтобы видеть всех троих. Пока они окончательно приходили в себя, я достал из тумбочки бутылку самогонки и щедрой рукой плеснул себе граммов 300. Прихлебывая обжигающую жидкость, я оглядел всю троицу. «Ну, вот этот будет у нас «Длинным», этот – соответственно – «Худым». А тот, с синяком на рыле, – «Сизым». Очухались уже вроде бы, пора и поговорить...»

– Ну?

– Что – ну? – Это Длинный.

«Невежливый какой! Ну-ну, не я первый начал...» Примерившись, я аккуратно заехал сапогом ему под ребро. Тот охнул и выматерился. За что и получил еще разок.

– Уяснил? Я тебя по матери не посылал!

– Да ты чего, дядя! – Это уже Худой включился. – Налетел, трендюлей наставил, а теперь еще и нукаешь!

– Ага. Вы, значит, себе мирно курили, а тут я – такой весь из себя злодей, вас отметелил жестоко. А вы все белые и пушистые. А на кой тогда вам, белым и пушистым, такие вот игрушки? – и я покрутил на пальце «наган».

– Так время-то какое?

– Какое?

– Так война ж...

– А ты – солдат? Какой армии?

– Не солдаты мы, – разлепил губы Длинный. – Мы больше по своим делам.

– И что ж это за дела такие, что надо с пушкой меня в подворотне караулить? Ты когда дальше врать будешь, имей в виду – разговор я ваш слышал.

– Так *деловые* мы. Погугорить пришли.

– Ты, милочка, когда врать будешь – подпрыгивай. Для *разговора* со мной два ствола не надобно. Я вот весь открытый и на виду, а ты – кто? Обзовись – тогда, может, и поговорим.

Троица переглянулась, видимо, на этот случай у них домашних заготовок не было.

– Молчим?

– ...

– И правильно, потому как никого из местных *деловых* ты не знаешь и соврать так, чтобы я поверил, не можешь. (Я их, правда, и сам не знал, но, похоже, угодил в точку – Длинный молчал.)

– Ты еще мне Советской властью прикинься, пострадай меня смертью неминуемой...

Опа, а вот это я попал! Ребятишки беспокойно заерзали. Так, ну на подпольщиков они похожи, как баран на весло. Почему? Да, *сытые* они. Город под немцем уже, почитай, месяца два, а по их мордам и не скажешь, что на паек живут. Значит – что? Значит, жрут они сытно, а кто у нас сейчас жрет? Да, и пахнет от них СИГАРЕТАМИ, а не простым табаком, – где берут? Так, ну-ка подпустим мы им шпилечку...

– Ну а если ты и советская власть – на фиг вы тут меня караулили?

– Сказали же тебе, поговорить надо было, – вступил в разговор Сизый. – Неясно, что ли, разъяснять надо?

Так, и этот тоже грубиян. Мало тебе синяка на рыле? Ну, получи и ты... Сизый зашипел, но, помня полученный Длинным урок, от матерной ругани воздержался. А ведь интересно, откуда у него в голосе командные нотки? Это сейчас, когда ТАК говорить очень немногие себе позволить могут. А ведь он не врет и не рисуется, он ТАК говорить привык. Немец? Вряд ли... Да и зачем я им нужен? Подполье? Проходили уже... Тогда – кто?

– Советской власти – почет и уважение! – Ободрились? – Зря, ребятушки, это вы рано... За приговор мой последний, незаслуженный, да еще за всякие «радости» я, конечно, всей советской власти не отомщу. Но вот отдельным ее представителям – очень даже могу.

Погрустнело ребятишкам, даже очень. Да и что тут мудрить? Послать вербовщиков к моему персонажу – это совсем умом тронуться надо. Грохнуть? Это возможно. Но почему – я? Немцы и не хрюкнут над моей могилой. Крест – вот это ближе к цели, его можно. И даже нужно – он враг явный и очевидный.

– Я вот сейчас что сделаю? Сам об вас рук марать не буду. Не по масти это мне. А вот на улицу вас вытащу да посередке и разложу. Тут скоро патруль полицейский пойдет (кстати, о патруле – где он?), он тут все время ошиивается. Склад стережет (я, кстати, сегодня его не видел, а раньше, бывало, и здоровались), вот и будет ему подарочек. Они – власть, вот пускай у них голова и болит, кто вы такие. Тем более уже полчаса как комендантский час наступил, а пропусков у вас нету.

А они не боятся! Даже и расслабились. Значит – что? Не будет патруля? Или пропуска есть? Нет пропусков, я проверял. Патруль их знает? Откуда? А почему свет не горит?

– Да не знаем мы местных никого, – снова вступил в разговор Длинный. – И пропусков у нас нет, это ты верно сказал. Сами тут недавно. Из Минска я, а они вот из Гродно. Из *деловых* один я, они так – потом пристали.

– Кого в Минске знаешь? (И как я его проверю, если совет?)

– Васек – «Заячья губа», Колян – «Лекарь».

– Не слышал про таких (есть – нет, как проверить?), сидел я, в зону вести не очень идут быстро (а теперь уже ты меня не проверишь!).

– Ну, звиняй, дядя, больше ничего тебе сказать не могу, я из Минска никуда и не вылезал больше, других не назову.

– А ко мне зачем пришли?

– Наколку дали, мол, при деньгах фраер, на еде сидит.

– Кто дал?

– Карась один, мы его прижали тихо-тихо, а он пустой. Обделался и тебя слил – мол, говорит, я сам пустой, а этот взятки гребет лопатой.

Положим, не лопатой, но гребу. Как и все в нашей конторе. Похоже? Может быть...

– Ты это видел? – протянул я к нему руки. – Похож я на фраера?

– И как я все это ночью рассмотрю? Мы тебя днем только издали пасли. Издаля что увидишь?

– Что, и ночью тут были?

– Два раза. Позавчера и третьего дня. Фонарь мешал, мы его сегодня и кокнули.

– А патруль где?

– Я ему лекарь? Ушли куда-то.

– Как же вы после дела уходить хотели, без пропусков-то? У немцев на этот счет строго!

– Как-нибудь дворами бы ушли. Раньше вон ходили – и ничего. Они не весь город пасут, только центр да и склады на станции.

Так, похоже, ничего из них я не выну. На этом они упрутся и будут талдычить одно и то же. Ничья. Кончать их? А если они тут с подстраховкой? Врассадку допросить – куда двоих девать? Одного – в другую комнату, третьего на кухню? Поздно, раньше надо было это делать.

Показалось мне или на лестнице скрипнули ступени? Четвертый? Один? Так заодно уж и пятый, и шестой тогда. Их страхуют – кто они?

– Значит, так, граждане вы мои непонятные...

Щелчок! На лестнице кто-то есть!

– И что мне с вами делать прикажете? Удавить вас или ментам сдать, как коммунык недобитых?

– Отпустил бы ты нас? – Это Худой. – Вон шишек и так уже насажал, чего с нас тебе еще надобно? Денег – так нету, ушло уже все, жрать-то надо?

– Курево есть?

– Вон в кармане кисет, больше нет ничего.

Кисет оказался набит табаком. Обыкновенный самосад. А где же сигареты ваши, мыши съели?

– Все?

– Ну, ты даешь! Вагона с куревом, уж извиняй – нету!

Подстава! Чья? Кто там – за дверью?

– Лады. Вставайте и гуляйте отседова. Руки сами развяжете, чай, зубы есть. Патруль – не моя забота, да и ушел он, как вы сами говорили.

– А стволы вернешь?

– Может, тебе еще и денег на дорогу отсыпать? Совсем оборзел? Спасибо скажи, что своими ногами идешь, а то я ведь и передумать могу.

– Все-все! Заметано – уходим.

Троица нападавших гуськом потянулась к двери. Показалось мне или по лестнице кто-то быстро спустился вниз? Закрыв за ними дверь, я кинулся к окну. Чуть приподняв голову над подоконником, я смотрел в сторону подворотни. Вот внизу скрипнула ступенька (тихо дверь открыли, молодцы!). Один силуэт крадучись пересек двор. Второй, третий... все? Нет, не все...

Утром я был невнимательным и озадаченным, так что Беренмайер даже сделал мне замечание. Извинившись, я сослался на недомогание, чем дал ему повод еще минут десять говорить на тему излишних возлияний (и откуда он все знает? Не иначе, стучит кто-то) и их вреда для работы. Наконец, он смиростивился и, озадачив нас всех неотложными делами, ушел в свой кабинет – писать очередное письмо. Погрузившись в полуторку, я сказал Хасану: «В полицию». Тот спокойно кивнул головой, в полицию мы ездили часто, оформляли бумаги и заказывали сопровождение для обозов с продовольствием.

На входе в здание никаких проблем не возникло, меня там уже неплохо знали. Подойдя к дежурному, я попросил отыскать Креста. Через пару минут меня проводили к нему в кабинет.

– Ну, здорово!

– О, дядя Саша! – Крест встал из-за стола. – Какими судьбами к нам?

– Да есть тут одно дело... – Я присел на стул. – Ты тут не шибко занятой?

– О чем базар? Для тебя – так всегда свободен.

Я осмотрелся. Кабинет у Креста был небольшой. Стол, два стула и шкаф около окна. Сам Крест выглядел невыспавшимся, помятым каким-то. Надо же! Опять он с фингалом.

– Ктой-то это тебя так?

– Да с бабой своей спьяну поцапался, – поморщился он. – Вот и...

– Это еще хорошо, что ей не утюг под руку подвернулся, – язвительно заметил я. – А то б загремел ты опять к Карловичу, как пить дать.

– Да уж... С них станется, могут и утюгом...

– Да ладно, хрен с ней, с бабою твоею. Тут, видишь ли, вопрос какой...

Я рассказал Кресту о ночной встрече, опустив, правда, некоторые подробности и свои наблюдения. Выложил ему на стол оба ствола.

Крест озадаченно почесал в затылке. Происшедшее его как-то напрягло, он задумался и минут пять сидел молча, вертел в руках карандаш.

– Да, дядя Саша, задал ты мне задачу...

– Какая тебе-то задача? Я их наладил отсель, больше уж не придут.

– Так чего ж тебе от меня тогда надо?

Я пощелкал пальцем по стволу «нагана».

– Вот такая штукенция мне нужна. Официально!

– Так ить... Это ж не моя компетенция, дядь Саш!

– Слова-то какие мудреные ты научился выговаривать! Твоя – моя... Короче – нужен правильный ствол.

– Да зачем тебе-то? Ты ж «законник», тебе ствол и в руки-то впадлу брать?

– А ну как эти бараны тут не одни? Да и коммуняки недобитые тоже ведь где-то есть, а? И надо мной, и над тобой «вышка» висит, забыл?

– Сложно это все...

– Так я и к Беренмайеру напрямую пойти могу. Расскажу ему все, он и звякнет твоему бугру. Только вот я же по-тихому хотел. А опосля Беренмайера шум пойдет. Немец наш – аккуратист, бумаги любит, вот и пойдет писать губерния. Оно ТЕБЕ надо?

– Ладно, – Крест встал из-за стола. – Пойдем.

Он сгреб оба ствола и рассовал их по карманам.

Начальником полиции был у нас в городе мрачноватый мужик кулацкого склада. Мы с ним встречались как-то раз в комендатуре. Тогда он произвел на меня какое-то нехорошее впечатление. Веяло от него чем-то опасным и нехорошим. Вот и сейчас он оглядел нас обоих тяжелым взглядом и нехотя кивнул мне на стул:

– Присаживайтесь.

– Что за дела? – Это уже к Кресту.

Тот кратко изложил суть дела, упомянув о моей просьбе.

– Где оружие? – спросил начальник.

– Вот. – Крест положил стволы ему на стол.

– Все?

– Все.

– Дела... – Начальник посмотрел на меня тяжелым взглядом: – Как это вам так удалось?

– Что удалось?

– Их же трое было и с оружием.

– И че? Впервой, что ли? Баклан – он и со стволом баклан.

– Так зачем вам, в таком случае, оружие? Вы ж их голыми руками слепить можете?

Да твою ж мать! Родной совок! Прямо как дома! Ну, точно – наш инспектор разрешилочки. Может, и его сюда как-то зашвырнуло? Видимо, на моем лице явственно отразился ход моих мыслей, и начальник это усек.

– Ладно, в порядке исключения...

Короче, через два часа я вышел из полиции с «наганом» в кармане и с разрешением на его ношение. Крест сгонял дежурного в комендатуру, и там эту бумагу подписали у кого-то из немцев. Его несколько удивил мой выбор, он предлагал мне «Вальтер ППК», но я отказался, мотивировав свой отказ незнанием данного ствола.

Да, «наган» не самое современное оружие, зато не оставляет гильз, и еще у него есть некоторые плюсы, о которых я Кресту не сообщал. Чтобы не травмировать его психику...

Радиограмма

Получен сигнал 3

Начальнику ... отдела капитану тов. Маркову А. Т.

Сегодня в 02.30 от группы ст. лейтенанта Грабова получена следующая радиограмма (текст прилагается).

Начальник смены лейтенант Коробицын В. В.

*Начальнику отдела подполковнику
тов. Шергину В.А.*

Получено сообщение от «Рыжего».
В отношении меня проведена повторная проверка.
До выяснения обстановки прошу на связь со мной не выходить.
Об изменении обстановки сообщу.
Старший группы капитан Нефедов В.А.

*Начальнику ... отдела абвера полковнику
фон Мееру.*

В отношении лиц, указанных «Лесником», проведены контрольные оперативные мероприятия. Сведения подтвердились. Прошу Вашей санкции на переход к следующей фазе операции.
Заместитель начальника ... отдела полковник фон Хорн.

Время шло.

Я мотался по области, обзаводился связями и делал понемногу небольшие запасы всяких полезных вещей. В бывшей МТС слесаря выточили мне некоторые потребные для ремонта полуторки запчасти. Правда, узнай Хасан, что на нее можно привинтить самодельный ПБС (прибор бесшумной стрельбы – в просторечии называемый глушаком), он был бы немало удивлен и озадачен. Заботясь о его душевном здоровье, я не стал посвящать его в такие тонкости.

В пятницу мы были в Михайловке. Большая деревня километрах в тридцати от города. Тамошний староста отличался прямо-таки безудержной страстью к мухлежу. Он постоянно что-то у кого-то выменивал и перепродавал. Немцы – и те имели с ним какой-то сложный и многоплановый бизнес. Слава богу, возраст у него был уже преклонный, и шансов стать лет через пятьдесят олигархом у него уже не было. Он уже не раз делал мне тонкие намеки, и только мои опасения погореть с ним на пару, удерживали меня от того, чтобы сообщить об этих выгодных предложениях Крайнову. В нашей конторе он был главным доверенным лицом Беренмайера. Меня он со дня нашей первой встречи недолюбливал, но, памятуя, от кого я пришел, не ссорился.

И в этот раз, закончив все официальные дела, староста предложил мне передохнуть.

– Все равно уже ночь скоро, куда ехать-то на ночь глядя? А тут и компания достойная будет и перекусить найдем.

В чем-то он, пожалуй, и прав. Да и контакт с ним получше установить не помешает. Знает он много, с ним и немцы откровенничают.

– Лады, Пал Кузьмич. Кто в гости будет?

– Начальник полиции нашей, Виктор Федорович, заместители его, моих пару-тройку ближних. Да и все. Неужто хорошие люди не найдут о чем поговорить, да и как отдохнуть?

– И то правда. А то я тут за делами и от общества отвык. Как бирюк в норе, право слово!

– Ну, Александр Михалыч, вы уж и скажете – бирюк! В самом соку мужчина!

– Не нахваливай меня, чай, не девка. Когда народ-то будет?

– Через часок все и подъедут.

– Так я пока у тебя в той комнатухе прилягу, не возражаешь?

– О чем разговор, Лексан Михалыч, о чем разговор! Там и кровать есть, и все, что надо. Проспал я, пожалуй что, и побольше часа. Разбудили меня голоса, доносившиеся из горницы.

В комнате уже был накрыт стол, и за ним сидело человек восемь гостей.

– Александр Михалыч! – вскочил староста. – А я уж будить тебя наладился!

– Спасибо, однако ж я и сам встал.

– Так и садись, как раз уж все и подошли. – Староста подвинул мне стул и щедро плеснул самогонки.

– Ну, честной компании здоровья и удачи! – и я махом опрокинул стакан.

– Эк! – начальник полиции аж крякнул. – Здоров ты, Михалыч!

– Не жалуюсь, – и я стал выбирать на столе закуску.

Стол был накрыт, по местным меркам, суперкрутой. Окорок, квашеная капуста, мясо, в общем, пожрать можно было от души.

Застолье потихоньку-полегоньку разгоралось. Ко мне подсел начальник полиции:

– Лексан Михалыч, по душам поговорим?

– Ну, отчего ж два умных человека, Виктор Федорович, по душам поговорить-то не могут? Давай, говори, что накипело-то?

– Да есть у меня вопросик один...

– Отчего ж один-то?

– Остатние я и сам решить могу, а тут помощь твоя потребуется. Я вот в сомнениях ходил, ну как к тебе подойдешь? Ты ж у нас человек непростой, вон, говорят, и с гестапо дружишь?

– Было дело, чуток пособил я им.

– Загвоздочка тут у меня имеется.

– Ну так?

– У нас тут последнее время не все хорошо идет. Мерзавцы какие-то по лесу рыщут, да и в деревнях завелась какая-то сволота...

– Так а я ж тут при чем? Это – не мой огород. Тут ты, Федорыч, главный пахарь.

– Да вот приехал к нам тут *сверху* инспектор...

– Немец?

– Не папуас же!

– Ну и?

– Меня тут на *должность* пророчат, смекаешь?

– Наверх?

– Туда.

– Так в чем вопрос?

– Все эти мелочи мне картину портят. Вывести их в одночасье, откровенно тебе скажу, не могу. А немец об этом напишет. И все! И амбец месту ожидаемому. Выход, однако, есть.

– Ты не тяни, по делу говори! – Я щедрой рукой плеснул собеседнику самогонки. Себе тоже, но существенно меньше.

– *Подход* к немцу я нашел. Денег он, падла, не берет. Но вот от продуктов – не отказался. Семья, видишь ли, у него!

– И много ему надо?

– Вагон.

– Нехило! Аппетит у него, скажу я тебе, отменный! Только где ж я ему столько упру?

– Не надо переть. – Начальник полиции покосился на старосту. – Тут уже все решено.

– А в чем затык?

– Вывезти все это надо. Тут моей власти не хватит. Железная дорога мне не подчиняется.

– Мне тоже.

– А Беренмайер это сделать может?

Может ли это сделать Беренмайер? То, что собирает наша контора, частично вывозят в рейх. Это так, я сам сопровождал машины на станцию, где их при мне разгружали прямо в вагоны. Бумаги на груз подписывал сам Беренмайер.

– Может.

– *Подойдешь?*

– Мой в чем интерес?

– В *дале* будешь. Мы ж тут не святым духом кормимся, смекаешь?
– Лады. Готовь свой вагон. Когда надо?
– Дня три. Потом мы его на станцию подадим, тут уж твой выход будет.
– В понедельник я иду к Беренмайеру. Он тоже *захочет*. Но он деньгами берет, в курсе?
– Знаю, умные люди просветили уже. Скажешь сколько. К тебе в понедельник вон тот оглоед в город подкатит, ему и скажи. Он же и денег привезет. Не подведешь?
Я расстегнул рубашку и продемонстрировал ему свой иконостас.
– Как думаешь, если бы я *слово* не держал, заслужил бы такой?
– Силен ты, Михалыч, – одобрительно покачал головой начальник полиции. – Говорили мне, да не верилось как-то...

Во время дружеского застолья с полицейскими я разжился у них некоторым количеством патронов к «нагану». Ну кто ж виноват, что нас всех спьяну потянуло стрелять по бутылкам? Хорошо хоть не стали рыбу глушить. Была и такая идея, но после того, как я утопил в реке гранату, от этой идеи отказались. (Долго же я потом за ней нырял...)

Подполье словно нырнуло в тину. Никакие мои поиски ни к чему хорошему не привели.

Нет, кто-то где-то постреливал и расклеивал листовки, но все это происходило где-то в отрыве от меня.

С Крестом почти не видимся, только на бегу иногда удается перекинуться парой слов. Он опять холостякует, его баба куда-то исчезла. Вот он и зовет меня на вечерние посиделки. Его повысили, теперь он какой-то маленький начальник – имеет в подчинении аж четырех человек. Я пообещал заглянуть и отпраздновать сие событие.

Выбрав момент, я подошел к Крайнову и вкратце передал ему просьбу начальника полиции. Впервые Крайнов посмотрел на меня с уважением.

– Я сообщу господину Беренмайеру о вашем предложении.

– Это не мое предложение. Это...

– ЗДЕСЬ его озвучили вы. Значит, это – ВАШЕ предложение. Подождите.

Через пару часов Крайнов заглянул ко мне в комнату и показал глазами на коридор.

Я вышел. Крайнов ждал меня у двери.

– Господин лейтенант сказал – две тысячи марок. Не оккупационных.

– Две?

– ДВЕ. Не считайте меня дураком, воровать у ТАКИХ людей.

– Я этого и не говорил. Но задаром у нас ведь никто не работает, не так ли?

– Так. Просто имейте в виду, что есть и ДРУГИЕ способы заработка. И у каждого они свои. У вас вот – отыскался один. У меня – другой. Господин Беренмайер *не мешает* нам работать. Это подразумевает и ответную любезность с нашей стороны.

– И каковы размеры... э-э-э... любезности?

– Половина.

– В смысле?

– Из ста заработанных марок вы *можете* предложить господину Беренмайеру пятьдесят.

– Могу или должен?

– Это уж вы будете решать самостоятельно. Но не забывайте, что все мы – местные жители.

– Я не местный.

– В данном случае это неважно. Мы – русские, а он – немец. И является нашим начальником. Я настоятельно не рекомендую вам хитрить с господином начальником.

– Учту. И каким же образом я могу выразить свою благодарность начальнику?

– Но вы же носите ему документы на подпись?

- Как и все мы.
- Вот и ответ.
- Спасибо. Я, признаться, не сразу уловил все тонкости ЗДЕШНЕЙ работы.
- А вы и сейчас еще не все знаете. Да и не нужно это вам.

Через пару часов ко мне в дверь заглянул давешний «оглоед». Я кивнул и показал рукою во двор. Захватив папку с бумагами, я вышел через пару минут.

- Беренмайер сказал – две тысячи рейхсмарок.
- Ни хрена себе у него аппетит!
- Ну я же предупреждал...
- Хорошо, я передам.

Против моего ожидания, названная сумма была воспринята спокойно. Надо же, оказывается, и у немцев коррупция даже и тогда была весьма развитой. Навряд ли Беренмайер был досадным исключением из общего правила. Через день «оглоед» привез мне толстый пакет.

- Здесь все. Виктор Федорович просил узнать – когда?
- Обожди тут. Мне к Беренмайеру через полчаса идти, я все и выясню.

Зайдя в туалет, я накинул крючок и развернул пакет. Точно – две тысячи рейхсмарок. Ну что ж, будем учиться давать взятки. Брать у меня уже получалось, а вот давал я впервые.

- Положив деньги в папку, я отправился к Беренмайеру.
- Разрешите войти, господин лейтенант?
- Входите. Что у вас сегодня?
- Документы *на подпись*, – и я положил папку ему на стол.

Беренмайер невозмутимо открыл папку и просмотрел ее содержимое.

– Оставьте, я после посмотрю. Сейчас же направляйтесь на станцию и отыщите там гауптмана Крюгера. Он отвечает за формирование составов. Скажите ему, чтобы подготовил нам место в ближайшем эшелоне, уходящем в тыл. Сообщите ему конечную станцию доставки груза.

- Он не будет удивлен моим вопросом?
- ВАШИМ – будет. Вы скажете ему, что это – МОЕ поручение. Вам все ясно?
- Точно так, господин Беренмайер.
- Можете быть свободны.

Ни хрена ж себе пельмень! Вот тебе и скромный лейтенант-интендант! Хотел бы я на его домик в Германии посмотреть... И внутри побывать...

На станции я достаточно быстро отыскал гауптмана. Он сидел в отдельном кабинете и носа на улицу не казал. С окружающим миром он общался посредством рыжей секретарши, которая заодно была и переводчиком. Выслушав мое сообщение, Крюгер открыл толстую складскую книгу и перевернул несколько страниц. Кивнул головой и что-то сказал секретарше.

- Господин гауптман распорядился проводить вас к площадке погрузки.
- Зачем?
- Это приказ господина гауптмана. – Секретарша надела шубейку и двинулась к двери.

Волей-неволей я пошел за ней. После нашего запирания в пакгауз я на станции больше не был и поэтому с интересом посматривал по сторонам. Судя по всему, в пакгаузах немцы держали что-то взрывчато-неприятное. Повсюду висели таблички «раухен ферботен». Насколько я помнил – эти надписи запрещали курение. Из открытой двери пакгауза показались солдаты, несущие какие-то ящики. Ноги их были обуты в валенки. Интересная деталь! Там, значит, что-то весьма огнеопасное находится... Поставые только провожали нас взглядом, видимо, рыжую тут знали.

Вот и площадка погрузки.

Секретарша бойко затараторила с каким-то пожилым немчиком. Он только головою в ответ кивал.

– По всем вопросам отправки вагонов вам следует обращаться к господину лейтенанту Грубберу, – повернулась она ко мне. – Вам ясно?

– Но меня направили к гауптману.

– Господин гауптман распорядился, чтобы в дальнейшем вы излагали порученные вам указания господину Грубберу. Не следует отвлекать господина гауптмана по таким пустякам. Господин Груббер достаточно понимает русский язык, чтобы вы могли ему пояснить ваши вопросы.

– Теперь ясно.

– На воротах скажете, что у вас поручение к господину Грубберу. Вас пропустят сюда или проводят. По остальной территории станции без проводящих передвигаться запрещено.

– Понятно.

– Ваш сегодняшний вопрос уже разрешен. Господин Груббер выдаст вам соответствующее предписание. На основании которого вы и должны обеспечить подачу вагона в указанное время.

Вот так и началась моя деятельность посредником при темных делишках лейтенанта Беренмайера. На станции я теперь бывал достаточно часто, ибо, поразмыслив, он спихнул на меня практически все станционные дела. Я не возражал, ибо уже успел присмотреть на территории станции некоторые, интересные для меня, *мелочи*. Часовым моя морда тоже примелькалась, меня уже не дергали каждый раз при входе на станцию и не заставляли ждать сопровождающего к Грубберу. В принципе я уже и мимо них сумею пройти на станцию тогда, когда это будет мне нужно. В очередной свой визит я засыпал в карман полушубка горсть четырехконечных шипов из своих закров. Проходя по площадке погрузки, я нечаянно (ну, подвернулась нога на льду, вот руками-то и взмахнул, чтобы не упасть...) рассыпал их прямо перед колесами грузовиков.

Время, наконец, замедлило свой бег, и у меня появилось чуток свободного времени. Созвонившись с Крестом (у него теперь и свой телефон есть, правда, только рабочий), мы договорились вечером оттянуться.

Перед самым комендантским часом Крест нагрянул ко мне в гости. Приволок две бутылки шнапса и кое-какую закуску. Шнапса у меня не было, но вот по части закуски я его обставил, и существенно. Все равно пришлось догонять самогонкой, и к двум часам ночи мы все отрубались.

«Холодно, черт. Снег скрипит, точно ниже 10. Но нет худа без добра, не один я тут мерзну. Я-то ладно, двигаюсь как-никак, а вот вам, ребятки, тоскливо. Шинель немецкая – это вам не русский тулуп! Вот и ходим, руками похлопываем. Погоди, милоч, вот скоро зима всерьез долбанет, тогда и померзнешь. Если доживешь... Так, не вынесла душа поэта, спрятався-таки от ветерка. А мы ползком, бочком... Ага, вот и ворота. Что у нас тут? Замок? Виси, дорогой, виси, ты нам не помеха, нам сюда не надо... Вот и грузовички стоят. Я их сегодня видел уже, грузили их немцы чем-то сильновзрывчатым. И уехали бы, но вот незадача – пробило ему оба передних ската, а вечером как чинить? Холодно уже и темно. Только через час и управились. А тут незадача – орднунг, после 21 часа выезд машин запрещен. Вот и остались они тут до утра, ничего, хоть поспят в тепле. Где тут у нас кардан? А, вот он, туточки. Так, теперь растяжечку сюда. Тяжеленькая, ну не зря же к гранате еще и две шашки тротиловые прикручены? Цепляем веревочку к кардану, остороженько, хорош! А теперь – ноги мои, ноги, несите меня, куда? Домой, куда ж еще?»

– Дядя Саша!

– Ох... Ну что тебе, родной? Дай глотнуть...

– На службу пора!

– Несло б ее кочками! Чего мы такого вчера сожрали? Башка как котел, не помню ни хрена!

Я с трудом приподнял голову... Крест стоял около кровати, уже одетый по форме, и тербил меня за руку.

– Да все уже, все... встаю.

На улице прилично подморозило, снег хрустел под ногами.

– Ты куда сейчас?

– На станцию, вон и машину уже прислали, – Крест кивнул в сторону подворотни. Там уже стояла старенькая «эмка».

– О! Ну, так и меня по дороге подвези, а то топай тут по морозу. А чего там стряслось-то?

– Да посты дополнительные выставить надо, сегодня утром эшелон какой-то пришел важный.

– А-а-а... Ну, это меня не касается.

Похрустывая колесами по свежему насту, машина бодренько катилась к станции.

– Слышь, – тронул я Креста за рукав. – Давай наискосок проедем, там короче будет.

– Добро, – повернулся он к водителю. – Давай...

БУХ! БЗЫНЬ! Ви-и-и-у!

Там, где только что стояли станционные здания, в небо поднялась стена черного дыма.

Над нашей головой со свистом пролетела какая-то железка. Земля дрогнула, и тяжелая ударная волна вдавила нас в сиденья...

*Коменданту ... гарнизона подполковнику
Линдерману*

Докладываю Вам, что в результате произведенного расследования по факту взрыва гарнизонных складов инженерного имущества установлено следующее:

1) Проводившаяся за 2 суток перед взрывом проверка несения службы солдатами 34-го охранного батальона нарушений не выявила.

2) Проверяющим – майором Акселем было указано на недопустимость нарушения правил погрузочно-разгрузочных работ, вследствие чего на погрузочной площадке отмечались случаи нарушения правил погрузки-разгрузки инженерного имущества. В том числе – взрывчатых веществ. Отмечена стоянка автомашин в недопустимой близости от здания.

Отмечены случаи отогревания замерзших двигателей открытым огнем.

3) Командиру 34-го охранного батальона майору Майерлингу было дано письменное указание об устранении выявленных недостатков.

4) Проведенный осмотр не выявил никаких признаков подготовки диверсий и следов проникновения на охраняемую территорию посторонних лиц.

С учетом вышеизложенного полагаю, что имевший место взрыв явился трагическим следствием нарушения установленных правил эксплуатации.

Радиограмма

Сегодня утром, в 07.10, на станции ... произошел взрыв гарнизонных складов вооружения и боеприпасов. Станция разрушена практически полностью. Ее восстановление займет длительное время. Вследствие этого

поезда будут вынуждены следовать по обходной ветке, что создает выгодные условия для проведения на ней диверсий. В момент взрыва на станцию прибыл артпоезд с имуществом для тяжелой артиллерии. Поезд взрывом уничтожен, артиллерийские орудия серьезно повреждены. Общее число погибших при взрыве немецких солдат превышает 130 человек, количество раненых уточняется. Потерь среди мирного населения не имеем, т. к. станция обслуживалась силами 6-го железнодорожного батальона немецко-фашистских войск.

Радиограмма

Благодарим за успешно проведенную операцию.
Предоставьте списки отличившихся при этом лиц.

Радиограмма

Направляю список лиц, принимавших участие в планировании и организации.

*Коменданту ... гарнизона подполковнику
Линдерману*

Обращаю ваше внимание на неудовлетворительную организацию порядка в городе и на прилегающей территории.

Так, только за последнюю декаду месяца на дорогах произошло 2 дорожно-транспортных происшествия с участием автотранспорта оккупационных войск. При этом погибло 2 и ранено 11 военнослужащих вермахта. Произведенным осмотром мест происшествия установлено, что аварии произошли в результате разбрасывания на опасных участках дороги специальных шипов.

За указанный период времени в городе и окрестностях пропали без вести 4 офицера и 3 нижних чина из числа расквартированных в городе воинских подразделений. Проведенной проверкой их тел не обнаружено. Сведений об их местонахождении до настоящего момента не получено.

Предлагаю вам принять все необходимые меры для исключения в будущем аналогичных случаев.

*Начальник ... гарнизона
полковник фон Леер.*

Как ни странно, большого шума взрыв не наделал.

Усиленные патрули болтались по всему городу около недели, потом все вернулось на круги своя. Крест мимоходом обронил, что взрыв произошел из-за нарушения техники безопасности при погрузке боеприпасов.

Зато в городе стали появляться листовки. В первый раз я заметил их на рынке. Надо отдать должное полициям, просекли их и собрали быстро, минут за 30. Я специально сел на скамейку в скверике неподалеку от рынка, чтобы понаблюдать за этим процессом. Почему? Да

уж больно интересно мне было. Листовки появились днем, при большом скоплении народу. Шаг рискованный, но эффективный. Часть листовок непонятным образом оказалась на земле, хотя я не видел, чтобы их кто-то разбрасывал. Одна была приклеена на борт грузовика. Вот это-то меня и заинтересовало более всего. Я видел этот грузовик, еще когда он въезжал на рынок. И никто к нему не подходил. Понятно, что водитель вряд ли приклеил бы листовку на свою собственную машину. Поняли это и полицейские, достаточно быстро его отпустившие. Но вот кое-что от их глаз ускользнуло. Листовки были разбросаны по пути следования этой машины! В кузове людей не было, значит – что? Водитель отпадает, кто тогда?

Через три дня фокус повторился, правда, на борта машин никто ничего больше не клеил. Но механизм разброса был тот же. К тому времени у меня уже были знакомые среди постоянных продавцов рынка (я им кое-что привозил на обмен из деревень). Они-то и рассказали.

Еще три дня – новая порция листовок.

Это уже стало интересным. Задержалась и полиция, видимо, руководящий кирпич долбанул-таки кое-кого по темечку. Патрулей на рынке стало больше. Но эта мера не помогла.

Полуторка наша внезапно потребовала ремонта (сказались на ней таки наши дальние поездочки), и Хасан отогнал ее в городской гараж. Дабы ускорить ремонт, я притащил заведующему гаражом пару литров самогона, который мы с ним и распили. После этого он самолично наведалься в ремзону и дал руководящие ЦУ слесарям.

– И побыстрее, ребяташки! – включился я в разговор. – А то нам завтра на рынок продукты подкинуть надо, да и оттуда кой-чего захватить.

Однако же успеть с ремонтом до завтра слесаря, как ни старались, не смогли. Машину выпустили из ворот только к обеду следующего дня. Не успели мы отъехать на пару километров, как я остановил Хасана.

– К конторе давай.

– Нам же сегодня в Михайловку?

– Да забыл я там кой-чего.

Подъехав к работе, Хасан, остановив машину, побежал в подсобку – дремать. А я, сделав крюк, вернулся к машине.

«Так, что у нас тут НОВОГО появилось? Кузов – чисто. Кабина – тоже. Где? А, вот оно – на подвеске».

Присобаченный проволокой, под кузовом висел бумажный пакет. Раскрыв его, я удовлетворенно хмыкнул. Так и есть, листовки. И до чего же остроумно придумано! При въезде на рынок – яма, машина прыгает на этом ухабе – пакет рвется по линии обвязки, и на землю вываливается камень. К камню привязана нить, которая и вытаскивает за собой листовки, одну за другой. Они прошиты по верхнему краю ниткой, и каждая листовка, выпадая, от нитки отрывается. (Я еще на рынке обратил внимание на странные надрывы бумаги.) Ну, пора уже и в гараж визит нанести...

Этого парня я заметил еще в первый визит. Он обслуживал другую «яму», но к нашей машине пару раз подходил (кстати, именно после одного из таких визитов на машине «вдруг» потек радиатор). Выбрав момент, я отозвал его в сторону:

– Эй, дружище, на минуточку тебя можно?

– Да, слушаю вас внимательно!

– Да вот тут одну штучку у нас в машине обронили, – протянул я ему раскрытую ладонь. – Чье бы это, не знаешь?

На ладони у меня лежал кусок проволоки и свернутый пакет из-под листовок.

«Опа! Есть попадание! Дернулся паренек».

– Да мало ли тут такого добра лежит...

– А такого? – продемонстрировал я ему катушку ниток с иглой. Катушку я одолжил утром у соседки, нитки на ней похожи на те, которыми были прошиты листовки.

Рука у парня инстинктивно дернулась к карману.

– Тихо, тихо, – придержал я его за руку. – Не торопись и не кипишуй. Разговор у меня к тебе есть. После смены, вон, лавочку видишь? Подходи, побазарим кое о чем.

Ждать пришлось долго, но парень пришел.

– Ты на ногах не стой, правды в них нету, – подвинулся я. – Садись, поговорим.

– Не о чем мне с вами говорить!

– Однако ж пришел? Значит, есть тема для разговора?

– ...

– Идея у вас хорошая, только вы это дело завязывайте.

– Не понимаю, о чем это вы?

– Давай ты не будешь совсем дураком прикидываться? Полицаи на моем месте с тобой разговаривать не стали бы. Ты б уже часа два как соловьем у них в подвале разливался бы. И убеждать бы тебя никто не стал. Дали бы по чавке пару раз, и все.

– Чего вам от меня надо-то?

– Ты сам мне и в болоте не уперся! Сказал тебе русским языком – с листовками завязывайте! Найдется умный кто, сопоставит способ разброса, частоту появления, да и сверит это со списком работающих в гараже. И все! И приплыли. Думаешь, я просто так к вам приказал? Листовки с интервалом в три дня появляются, значит, их либо печатают медленно, либо мастырить свою систему вы можете нечасто. Последнее я проверил – не катит, не фиг там и мастырить, делов-то на пять минут – пакет подвесить. Собираешь ты его в гараже и вешаешь уже готовый, так? Значит, листовки печатают не в городе и привозят их раз в три дня. Ты вот мне радиатор на хрена пробил? Листовок у тебя не было, чтоб мне повесить, я специально так подгадал свой приезд.

Парень убито молчал.

– Короче. С тобой мне базарить не с руки. Мне твой главный, пусть и не самый, нужен. Есть у меня к нему разговор. Вот бумажка, тут адрес мой. К ночи я почти всегда дома. Пускай смотрят, пасут, мне до фени. Пусть или сам придет, или пришлет кого серьезного. Усек?

– Да...

– Ну и бог тебе навстречу, бывай.

«Придут или нет? По идее – должны, я для них объект интересный и много чего сотворить могу. Один я тут не шибко делов наворочаю, хотя... Кое-что у меня в заглавнике есть. А как доказать, ежели что? Бумаги? Катит... А еще что? А больше ничего и нету...»

Они пришли ночью, через четыре дня.

Дверь я не закрывал и шаги их услышал заранее. Пришло их трое, один остался на лестнице, а двое вошли ко мне.

– Вы хотели нас видеть?

– Вас – это кого?

– В смысле?

– В прямом. Вы ж не сами по себе люди, за вами стоит кто-то?

– Мы представляем подпольный обком партии, вам этого достаточно?

«Мать, мать, мать! Прямо тебе кино – «Подпольный обком действует». Хотя вполне достоверно, может и так быть».

– Вполне.

– Итак, что вы хотели сообщить?

– Вы уже знаете, где я работаю?

– Да, вы работаете на немцев.

– Ну, Советская власть меня на работу не взяла. А жить как-то надо. Но вы правы, давайте ближе к делу. Я располагаю ценными сведениями о дислокации немецких частей, их численности и многом другом.

- И откуда у вас эти сведения?
- Не забываете – наша контора их кормит. Не только наша, естественно, но узнавать при этом что-то интересное вполне возможно. Кроме того, я располагаю возможностью свободного перемещения в городе и вокруг него. У меня есть автотранспорт.
- Это все?
- Нет. Не все. Есть и еще кое-что, что я могу сообщить уже на Большую землю.
- Почему не нам?
- Извините, но это не ваш уровень. Без обид, но некоторые вещи вы просто не знаете.
- Почему вы так в этом уверены?
- Вы не поймете... Я уже объяснял это представителям НКВД, но...
- ?
- Нужен выход НАВЕРХ. Не на самый, но уровень должен быть СЕРЬЕЗНЫМ.
- И как вы себе это представляете? Сюда должен кто-то прибыть для разговора?
- Нет. Переправьте меня на Большую землю, ясен пень – не в тюрьму.
- Это вряд ли. Никто не будет проводить такую сложную операцию для того, чтобы вывезти в тыл бывшего зэка.
- А то, что бывший зэк может знать что-то, что имеет значение для победы в войне?
- И откуда?
- У меня свои источники информации.
- А у нас – свои. И мы им верим. И по нашим данным, у вас не может быть ничего сверхважного, не тот у вас уровень.
- Значит, ваши источники ошибаются.
- Это беспредметный разговор. У вас есть еще что-либо, что вы можете сообщить нам? Конечно, есть! Я им тут до утра говорить могу! Я вспомнил капитана. Уж на что там был спец, так и то...
- Хорошо. Вы мне не верите. Что я могу сделать, чтобы заслужить ваше доверие, и тогда мы вернемся к этому разговору?
- Для начала вы получите листовки и разбросаете их.
- Где?
- У себя в конторе и в полиции.
- У вас с головой все в порядке?
- Вы отказываетесь?
- Нет. Но кого я ТАМ должен агитировать? Беренмайера? Начальника полиции? Или полицейских?
- Они увидят, что даже в их рядах есть патриоты Родины.
- И быстро их вычислят.
- Значит – вы трусите?
- Я не хочу ГЛУПО рисковать головой. Своей, ибо вы своей головой в данном случае не рискуете.
- Это задание Советской власти. Вы отказываетесь его выполнять?
- Я полагаю, что это ваша ЛИЧНАЯ идея. Или кого-то повыше. Акция, что и говорить, – резонансная. Только бессмысленная. И пользы от нее – ноль.
- Ну что ж... мы доложим о нашем разговоре. До свидания.
- Бумаги возьмете?
- Какие?
- Я вытащил из-за шкафа папку и передал ее главному. Он открыл и минут пять листал страницы.
- Откуда это у вас?
- Немцы «потеряли». А я – нашел.

- Где же?
- А вам не все равно? Второй такой там нет.
- Хорошо. Мы и это учтем.

Парочка визитеров вышла за дверь, и я услышал, как они затопали вниз по лестнице. Третий постоял еще минут 15 и тихонечко спустился за ними следом.

Радиограмма

Представителями подполья осуществлен вербовочный подход к Манзыреву Александру Михайловичу, 1890 года рождения. Ранее неоднократно судим. В настоящее время работает у немцев. Занимается продовольственными поставками. По нашим сведениям, он разочарован политикой оккупационных войск немцев и ищет контактов с подпольем. В предварительной беседе Манзырев дал согласие на сотрудничество.

*Начальнику ... отдела капитану тов.
Маркову А. Т.*

Сегодня в 05.30 от группы ст. лейтенанта Грабова получена следующая радиограмма (текст прилагается).

Начальник смены лейтенант Коробицын В. В.

*Начальнику отдела подполковнику
тов. Шергину В.А.*

От группы ст. лейтенанта Грабова получено следующее сообщение.
Текст прилагается.

Старший группы капитан Нефедов В.А.

Старшему группы капитану Нефедову В.А.

Немедленно прекратить все контакты с Манзыревым А. М. Наблюдение снять.

Начальник отдела подполковник Шергин В.А.

Радиограмма

Под Вашу личную ответственность, с получением сего немедленно прервать все контакты с Манзыревым А. М. Наблюдение снять. Об исполнении доложить.

Радиограмма

Направляем Вам полученные оперативным путем документы отдела связи штаба ... армии.

Они больше не придут.

Сейчас я это понял окончательно. Во время последнего визита в гараж я выяснил, что интересующий меня парень там больше не работает. Надо полагать, что дома его тоже уже нет. Снова пустота. И снова я один. Хасан... по большому счету, тоже не сахар. Да, он исполняет свое дело, но лишь пока считает это нужным. Выгодным для него. Наверное, было ошибкой передать им папку с бумагами. Но хоть так они попадут к нашим. Попадут ли? Стоило ли ваньку валять, рисковать башкой, добывая ее? Не знаю... Теперь я уже ничего не знаю. На автомате тащу свои служебные обязанности, на автомате...

В-в-з-з-ж!

– Твою мать! Хасан! Заснул?!

– Зачем так сказал? Сам смотри...

Поперек дороги раскорячилась машина. «Мерседес», надо же... Солдат с автоматом указующе машет рукой, указывая на обочину. Остановимся, мы законопослушные.

– Хальт! Стоять!

– Стоим уже, стоим!

Невысокий лейтенант, припадая на ногу, подошел к нашей машине. Грамотно подошел, сектор обстрела автоматчику не закрывает, однако.

– Папир! Документы!

– Битте, – я протягиваю ему наши с Хасаном бумаги.

Немец внимательно их листает и, удовлетворенно поцокав языком, возвращает назад.

– Надо помощь! Туда! – и он показывает рукой на «Мерседес».

Надо так надо. Вылезает из машины и идем к легковушке. Краем глаза замечаю еще одного автоматчика, этот стоит сзади полуторки. Во как! Их двое? Подходим к машине и видим поодаль, в кювете, лежащий на боку мотоцикл. У «Мерседеса» спущены оба передних колеса.

– Ремонт! – показывает лейтенант.

Так, значит, колеса чинить? А что у них тут произошло, интересно? Ага, в коляске пулевые пробоины, вон покойничек лежит. Интересно, партизаны постарались, выходит? Я протянул руку к двери «мерса».

– Цюрюк!

– Машина тяжелая, господин офицер! Не поднять, а так колесо не снять. Надо, чтобы пассажиры вышли.

Лейтенант подошел к двери, приоткрыл и что-то сказал. Потом повернулся и махнул рукой автоматчикам. Один из них подтянулся ближе и не сводит с нас внимательных глаз. Второй закинул автомат за спину и наклонился к машине. Вот там у них кто! Из машины, припадая на ногу и опираясь на лейтенанта и автоматчика, выбрался еще один немец. Высокий, седой, в шинели с красными отворотами. Генерал! Из-за руля выбрался еще один, ага, ефрейтор. Водила, стало быть. Тоже кривится, видать, досталось и ему. Однако багажник открыл и инструментами поделился. Хасан присел ниже и заработал домкратом.

Так, сколько их тут? Генерал, лейтеха, два солдата и водитель. Все? Вон в канаве еще один, этот уже отбегался. Еще есть кто-нибудь? Судя по всему – нет. Что они тут делали в такую рань? Штаб корпуса? Километров 30 отсюда. Туда ехали? Возможно, даже очень возможно. Мало охраны? Отчего ж, хотя...

– Шнель, шнель!

Вот, блин, черт нетерпеливый! Хасан уже снял колесо и занялся его разбортовкой. Автоматчик переместился вбок, не нравится ему монтровка в Хасановых руках. Так, а где генерал? Вон он, у нас в кабине сидит. Лейтенант рядом стоит, говорит что-то. А остальные где? Черт... не вижу, ждем, ждем.

Через полчаса мы закончили возню с колесами, и вся процедура повторилась в обратном порядке. Генерал оперся об солдата и лейтеху, а водила полез в багажник – укладывать ото-

бранный назад инструмент. Остался незанятым только недоверчивый автоматчик, уж больно Хасан ему не понравился. Я кашлянул. Звякнула об асфальт уроненная Хасаном монтировка, и взгляды всех присутствующих на долю секунды отвернулись к ней.

Ках!

Отброшенный пулей, автоматчик выронил из рук оружие.

Ках!

Сунулся головой вперед водила.

Ках! Ках!

Рухнули на землю лейтеха и второй солдат.

С неожиданной резвостью генерал сунул руку в карман шинели. Ках! Все, отбегался...

– Зачем так? – Хасан недовольно посмотрел на покойников. – Большой офицер был, искать скоро будут.

– Большой офицер – и деньги большие, так?

– Так. Но все равно зря это. Скоро их искать уже будут, что делать станем?

– Вон в кювете один уже лежит, это ведь не наш?

– Нет.

– И эти тоже.

– Хм...

– В лесу точно следы есть, гильзы найдут. Пусть их и ищут, а нас тут не было. Давай делом займись, только быстро.

Хасан в темпе полез шмонать немцев, а я, переложив «наган» в правую руку, стал выбивать пустые гильзы из барабана. Перезарядившись, я проверил машину. Так, барахло. Это что? Хасану, он до золота падок. Ага, а вот эти бумажки мне очень даже кстати будут. И эти тоже. И эту папочку сюда же.

Через пять минут, оставив за спиной горящий автомобиль, мы в темпе двигались к городу.

Да, вот уже достаточно времени мы с Хасаном потихонечку отлавливаем одиноких (и не очень) немцев. Хасан свято уверовал в мое уголовное прошлое. Сам он, оказывается, тоже успел отсидеть пятерик за разбой. И поэтому практически сразу поверил в то, что я это делаю исключительно из-за денег. Поскольку почти все деньги, взятые у немцев, я отдаю ему, он счастлив. И будет молчать, как рыба. Во всяком случае, пока. С его точки зрения, все равно кого грабить. Разницы между русскими и немцами он не видит, для него все они – одинаково неверные. Я, кстати, тоже. Но я ему пока нужен. Вопрос только в том – надолго ли? Это еще хорошо, что он не знает всего остального...

Убитый генерал оказался неслабой фигурой – заместитель командира корпуса. Хай тут же поднялся изрядный, немцы две недели утюжили леса всеми доступными способами. Даже авиация чего-то там бомбила. В городе резко затянули гайки, увеличили количество патрулей, и, если бы не ночной пропуск, мне бы стало совсем кисло. Крест похудел и осунулся, ему стало не до пьянок. С утра и до поздней ночи бегает по городу, проверяет посты. Даже Беренмайер прочел нам лекцию о бдительности. Подполье тоже притихло, видимо понимая всю серьезность момента. Листовок больше не появлялось, стрелять тоже перестали. За все это время мне только и удалось, что задавить на станции какого-то гауптмана. Пользуясь тем, что большая ее часть до сих пор лежит в развалинах, я заныкал его в руинах печально знакомого мне пакгауза. Сразу его там не отыщут, а когда найдут...

Вечерами я сижу и разбираю «наследство». Его тоже накопилось преизрядно, так что солдатские зольдатенбухи пришлось отложить в отдельный пакет. Генеральские бумаги тоже занимают немало места, жаль, что моего знания немецкого не хватает для их тщательного изучения.

Начал вести нечто вроде боевого журнала, где пытаюсь систематизировать свои «подвиги». Получается плохо, некоторые вещи подзабылись, да и писать я не силен.

Пользуясь болезнью Хасана (ногу он подвернул на обледеневшей лестнице), я единолично на полуторке совершил вояж в сторону фронта. До него далеко, километров триста как минимум, может уже и больше, не знаю точно. Нашел в один из выездов разбомбленный хутор и перетащил туда часть запасов. Мог бы и больше, но Беренмайер грузит меня не по-детски. Он тут собрался домой, в отпуск на Рождество. Вот и хочет притащить своим дочкам побольше всяких приятностей. Поэтому мы и бегаем, как намыленные.

В одну из своих поездок по деревням я заметил на улице знакомое лицо. Ба, да это же тот самый парень из гаража. Надо будет заглянуть сюда на огонек (староста тут любитель выпить) да и невзначай им поинтересоваться...

Собираясь в очередную поездку, я уже обдумывал слова, которыми припру его к стенке, когда ко мне постучалась одна из наших «барышень» и сообщила, что меня вызывает шеф. Опять за рыбу гроши! Ну что ж ему еще надо-то?! С этими мыслями я постучался в дверь Беренмайера.

– Войдите!

Я распахнул дверь.

– Присаживайтесь, господин Манзырев. – В кабинете шефа кроме него находилось еще трое. Незнакомый мне майор и два солдата.

– Здравствуйте, господин майор, – сделал я шаг к столу. – Меня господин Беренмайер вызывал.

– Вас вызывал я. Господин Беренмайер любезно предоставил нам свой кабинет. Позвольте ваше оружие?

Так! Это уже хреново. И что я могу сделать? Один солдат стоит спереди слева, второй справа от меня. У переднего кобура расстегнута, между нами стул. Правого не вижу, он чуть сзади стоит. Майор сидит за столом – что у него там? Рывок? Куда? А если еще и в коридоре кто-то есть?

– В портфеле «наган». Принести?

– Не трудитесь. Генрих! – майор указал головой на дверь. Так, сейчас один из солдат выйдет, их будет двое. Шанс!

Правый солдат приоткрыл дверь и, что-то сказав, вернулся на свое место.

Вот как? Он знает русский язык? Обычный солдат, даже и не унтер? Да и в коридоре кто-то есть. Перекрыли хорошо. Что делать, зачем они тут? Им что-то от меня нужно, это очевидно, но что?

Стук в дверь. Генрих подошел к двери и принял в руки мой портфель.

Обходит он меня грамотно, ближе двух метров не подходит. Рискнуть? «Наган» в портфеле, я могу его сбить с ног, вырвать портфель, и тогда... Что тогда? Тот, что слева, будет стрелять. Будет, вон у него правая рука напряжена. Майор смотрит с интересом, глаза прищурены... С интересом? Чего он ждет? Провоцирует на прыжок? А вот те хрен! Я остался сидеть.

Майор тем временем вытащил из портфеля «наган» и положил его на стол. Вытащил разрешение и стал его просматривать.

А «наган»-то лежит в полутора метрах от меня! Успею достать? Успею. И из портфеля вынимать не надо, вот он. Стволом ко мне повернут... А в барабане-то пусто! Разрядили, пока несли?

– Что ж у вас, господин Манзырев, оружие в таком состоянии? Вон, в крошках каких-то, не вычищен?

Господи, да ему-то какое до этого дело? Еще один инспектор разрешиловки по мою душу? С таким эскортом? Не складно.

– Так лежит и есть не просит. Я ж его и не вытаскиваю никогда.

– А стреляли где и когда?

– Ну... был грех с полицейскими, день рождения отмечали чей-то. Ну выпили, как водится... Вот и...

Майор покивал головой. Видимо, про это он знал. Интересно, выходит, за мной смотрели?

– Ну, впрочем, это не мое дело. У вас есть во что переодеться? – Он кивнул на мою одежду: – Во что-нибудь более приличное?

– Да. Есть дома костюм, и пальто хорошее я купил. Сходить?

– Вот и хорошо. Нет, ходить никуда не надо, мы заедем к вам домой.

– Господин майор! Я же на работе, мне сейчас ехать надо.

– Не волнуйтесь. Лейтенант Беренмайер в курсе.

– А...

– Вам придется проехать с нами. У НАС есть к вам несколько вопросов.

У НАС? У кого это – у нас? Мундир общевоинской, по-русски говорит без акцента. Комендатура? Я всех их знаю, да и не стали бы переодевать, я там и в таком виде бываю часто. Гестапо? Райнхельт? Не знаю, в каком он там звании, но майора за мной точно бы посылать не стал. У солдат повадки опытных телохранителей или боевиков. Охрана майора? Возможно... Но кто он тогда такой?

Между тем мы вышли на улицу. Перед крыльцом стояло две легковушки. Майор сел в переднюю. Меня вместе с обоими солдатами усадили во вторую. Краем глаза я заметил Хасана, он провожал нашу процессию удивленным взглядом. Так, его не взяли, значит, про наши с ним фокусы не знают. Уже хорошо! Машины вырулили со двора, и к нам спереди и сзади пристроилось еще и по мотоциклу. Неслабо! Вот это эскорт! Покойный генерал – и тот с одним ехал. Что же за птица этот майор?

Подъехали к дому. Солдат открыл мне дверь, и вместе с ними обоими я поднялся по лестнице. Входная дверь ко мне в квартиру была открыта...

Солдат подтолкнул меня в спину, и мы вместе вошли ко мне домой.

Там уже были гости. Еще два солдата и некто в штатском расположились за моим столом и просматривали содержимое чемодана, который раньше лежал под кроватью. Мое появление не вызвало у них никаких эмоций, они спокойно продолжали заниматься своим делом. Только штатский, окинув меня взглядом, кивнул моему сопровождающему.

– Нам туда, – показал я рукой. – Костюм в шкафу. Пальто – вон, на вешалке.

– Одевайтесь, – солдат говорил на хорошем русском языке. – Не стесняйтесь, женщин тут нет.

Ну, нет так нет. Не торопясь (а куда мне было спешить?), я переоделся. Взял из шкафа новые ботинки, надел пальто.

– Могу я взять что-нибудь из вещей?

– Например?

– Бритву, помазок. Я же не знаю, как надолго мы едем, не хотелось бы отсвечивать небритой мордой.

Солдат переглянулся со штатским, и тот еле заметно помотал головой.

– Укажите, что вам нужно, и мы это привезем.

– Вон бритва и помазок в коробке. Мыло на умывальнике в кухне. Я бы хотел взять еще и запасную рубашку.

– Отложите ее, и мы все захватим с собой.

– Вот эту.

– Хорошо. Это все?

– Да, все.

– Тогда пойдемте.

Мы вышли во двор. Майор стоял у головной машины и курил.

– Вы готовы?

– Да, готов. Как долго нам ехать?

– Прилично. Поспать успеете.

– Генрих, – это уже к сопровождающему. – Долго там еще?

– Нет, господин майор, уже заканчивают.

– Поторопите их, нам еще ехать.

– Слушаюсь, господин майор!

Через пять минут мои «гости» спустились во двор. Штатский подошел к майору и минут десять что-то ему рассказывал. Передал какой-то пакет. Наконец, майор кивнул головой, и их беседа закончилась. «Гости» направились к подворотне, а майор кивнул мне на автомобиль:

– Садитесь, пора ехать.

– Квартиру бы закрыть, господин майор...

– Не волнуйтесь, ничего не пропадет. Садитесь!

Пожав плечами, я полез в машину.

Пропетляв по городу, наша кавалькада выехала на шоссе, и машины прибавили скорость. Ехали мы действительно долго, я успел задремать и проспал, наверное, не меньше часа. Видимо, отъехали мы прилично, ибо пейзаж за окном был мне явно незнаком. Пару раз нас останавливали посты, из передней машины им что-то показывали, и к нам они даже и не подходили.

Но вот уже, похоже, и цель поездки.

Машины остановились перед глухими воротами. Справа и слева от ворот тянулся в лес высокий забор. Скрипнув, ворота распахнулись. Надо же – шлюз. Машины въехали в него, и ворота закрылись за нашей спиной. Ни одной живой души я не видел. Открыв дверь, солдат вышел из машины и кивком головы предложил мне сделать то же самое. Из неприметной двери сбоку вышло четверо солдат. Быстро и деловито они осмотрели наши автомашины. Еще двое, так же молча, проверили документы у всех, кроме меня. Такое впечатление, что меня они вообще не видели. Закончив проверку, солдаты скрылись за дверью, и внутренние ворота распахнулись перед нами. За воротами опять был лес и узкая дорога между деревьями. Метров через 200 мы выехали на просторную площадку, где уже стояло несколько автомашин. Все, конец пути. Водитель заглушил двигатель, и мы все вышли на улицу.

– Туда, – солдат указал рукой на двухэтажное здание в конце площадки.

Мы все вместе (майор шел впереди) подошли к зданию. Автоматчик на входе, проверив документы у майора, щелкнул каблучками и вытянулся. Майор, два солдата и я поднялись по лестнице на второй этаж и, пройдя по коридору метров 20, остановились у обитой кожей двери. Майор поправил фуражку и постучал в дверь.

– Херайн! (Войдите!) – Майор открыл дверь.

– Господин полковник! Разрешите доложить – господин Манзырев по вашему приказанию доставлен.

– Пусть зайдет. Вы свободны, господин майор.

Я вошел. Дверь за моей спиной тихонько щелкнула, и сопровождающие остались в коридоре. Большой, метров 50, кабинет, хорошая кожаная мебель. Радиоприемник в углу на низком столике. Хозяин кабинета стоял ко мне спиной около окна и курил в форточку.

– Садись... дядя Саша, – сказал он, не оборачиваясь. – Поговорим?

Он повернулся к столу и загасил сигарету в пепельнице.

– Здравствуй... Барин. Или тебя уже как-то иначе ТУТ называть надо?

– Нету больше Барина, дядя Саша. Нету. Кончился весь, еще там, во дворе.

– Так кто же ты теперь? И что это вообще тут за шарашка?

– Полковник Генрих Ланге. Военная разведка – абвер. Слышал?

- Да откуда ж. Полковник... Эх, залез-то! Не страшно?
- Не залез, дядя Саша. Вернулся. Домой.
- Так, подожди... Ты немец, значит?
- Чистокровный. Всегда им был и им же и помру.
- Во, значит, как... А что же ты тогда на зоне-то делал? Туда-то ты как попал?
- Разные бывают случаи, дядя Саша, разные. Иногда и чужое на себя брать приходится, чтобы живым остаться.
- Не понимаю, – я помотал головой. – Не слыхал я раньше про такие штуки.
- И я, дядя Саша, много про что не слыхал. Однако вот пришлось научиться.
- Ты и по-русски, как я, говоришь, а выходит – немец.
- Не нравится?
- Непонятно. Странно как-то и непривычно.
- Тут каждый второй так говорит. Майор вон, так тот вообще в школе учителем работал.
- В школе?
- Ну да. В Белостоке. В обычной средней школе, детей до войны учил.
- А потом, значит, к вам пришел.
- Не пришел. Вернулся.
- Как ты?
- Как я. Только не так кроваво это у него вышло.
- Да уж, – я скрипнул зубами. – Если б не эта ... Если б не Иголка... Попадись он мне...
- Не только тебе, дядя Саша, не только тебе. Он бы здесь у меня пол насквозь бы прогрыз, аж до подвала, веришь?
- Верю. Злой ты, как я погляжу.
- Не злой я, дядя Саша. Справедливый. А что у нас по справедливости за предательство полагается?
- Пику в бок – и в аут.
- Хм-м... Ну так тоже можно. Хотя и другие способы есть. Пить будешь?
- Буду, конечно. У тебя тут, поди, не самогоном поят?
- Обижаешь... В таких хоробах – да самогон?
- Ланге потянулся рукой к столу, что-то там нажал. Из не приметной двери, справа, беззвучно возник коренастый солдат. Быстро расставил на приставном столике рюмки и тарелочки с закуской. И так же беззвучно исчез. Мы присели к столу, и Ланге плеснул мне водки. Себе тоже налил, и мы, не чокаясь, выпили.
- Слышь, Барин... Тыфу ты, даже и не знаю, как тебя сейчас величать-то?
- Наедине и Генрихом можешь. А на людях – господин полковник.
- Ага, понял. Ты вот скажи, на кой я тебе сейчас-то сдался? Сызнова бежать ты вроде уже и не собираешься?
- Ты мое хозяйство видел?
- Откуда же? Мы только по этой дорожке через лес проехали, и все. Ничего я, кроме леса и ворот, не видел.
- Тут у меня народу нехило. Даже и твои знакомые есть.
- Это какие же у меня ТУТ знакомые есть? Откудова им тут взяться-то?
- Ланге усмехнулся, снял телефонную трубку и бросил туда несколько слов.
- Вот сейчас и посмотришь.
- В дверь постучали.
- Разрешите? Господин полковник, унтер-офицер Дьяченко по вашему приказанию прибыл!
- Я обернулся.
- На пороге стоял... Длинный. В немецкой военной форме.

– Знакомы? – усмехнулся Ланге.

– Видел я его, – ответил я. – Не убедил он меня.

– Это почему же?

Так, про сигареты и сытость помолчим, слишком уж нетипична такая подозрительность для бывшего эка. Или в норме?

– Говорит он не так. А второй, которому я поленом заехал, тот командные нотки в голосе прятать не научился. А сам даже и не в законе. Не по масти ему так борзеть, молод ишшо.

– А ведь еще что-то есть, – прищурился Ланге. – Да?

– Есть, – кивнул я головой. – Он мне тогда сказал, что они лампочку кокнули, так?

– Так, – подтвердил Дьяченко. – А что тут неправильно?

– А то, что она через два часа снова горела.

– Так постовые и ввернули новую лампочку.

– Ага! И НОЧЬЮ осколочки подмели? Я специально утром посмотрел, не было там ничего. Договорились вы с ними, вот они свет и погасили.

Дьяченко открыл рот и снова его закрыл. Промолчал.

– Понял? – посмотрел Ланге на него тяжелым взглядом. – А на ТОЙ стороне такой ляп в могилу тебя сведет. Да и не одного тебя. Свободен!

Дьяченко молча козырнул, повернулся через плечо и вышел.

– Остальные тоже твои?

– Мои, – кивнул Ланге. – Но этот старший был.

– Ну, те вообще лохи.

– Знаю. Вот и займись ими, дядя Саша. Да, и кроме того, сколько у тебя побегов?

А сколько их? Крест вспоминал про четыре, но, надо полагать, это не все. А, была не была!

– Восемь.

– А жмуров?

– Не считал, но десятка два точно есть.

– Да ну?

– Ну, может, и больше.

– Тебе и карты в руки. Жизнь ты знаешь, *порядок* тоже. Вот и натаскай ребятишек моих. А я уж в долгу не останусь. Мое слово крепкое.

– Чему я их учить должен?

– Как по жизни себя ПРАВИЛЬНО вести. Что кому говорить, как себя вести на зоне и в жизни. Чтоб ни один опер не расколол, что перед ним не ээк...

– Ну, это смотря какой опер будет. Ежели такой, как тот капитан, – то тут и мне ловить неча.

Ланге помрачнел, плеснул нам обоим водки.

– Такой – вряд ли. Он такой же капитан, как я генерал.

– Не понял?

– А он и не опер вовсе. Он по мою душу приехал. Из контрразведки он.

– А чего ж он тогда в капитанских петлицах форсил? И все вертухаи перед ним тянулись?

– Ему зеленкой лоб кому помазать – как тебе чихнуть. Меня он искал, точно тебе говорю. Знали они, что в этапе немецкий разведчик, да не знали кто именно. Вот и шерстили всех подряд.

– Во как...

– Да. Не прорвись тогда мотоциклисты к тюрьме вовремя – кирдык нам всем был бы.

– Вот, значит, как оно все складывается... Да уж, поговорил бы я с ним ТЕПЕРЬ.

– Опоздал, дядя Саша. Они, когда на прорыв пошли, под пулемет попали, вот его и... Не рассчитали они, с расстрелом затянули. Им бы нас по камерам кончить, а так... Все по порядку сделать хотели, вот и упустили время.

– Так, я слышал, и тебе досталось?

– Было дело. В ногу прилетело и уже лежащему – в руку.

– Эх...

– Да. Хорошо, врача быстро организовали, а то истек бы я там кровью, и все.

Мы помолчали.

– Так как, дядя Саша? Пойдешь к нам?

– А куда ж я теперь-то денусь? Взялся за гуж... Два раза все едино к стенке не поставят, так что нет у меня другого пути.

– Ну, к стенке тебя ТЕПЕРЬ поставить не так уж и просто будет. Абвер своих не сдает.

– А как я на работе все объясню? Меня вон с каким конвоем повезли-то?

– А так и объясни. Возили, мол, на допрос.

– Это на двух-то машинах?

– Так и не лоха какого кончили. Целый генерал погиб.

– Это ты, случаем, не про того, которого партизаны из леса подстрелили?

– Про него. Только не партизаны это были.

– А кто ж тогда? Говорили, что из леса напали.

– Ага. И по воздуху, как птички, сто метров пролетели, снегу не помяв.

– Не понял?

– Стреляли по нему действительно из леса. Солдата одного положили. Ты вот скажи мне, смог бы ты из своего «нагана» за сотню метров человеку в лоб попасть?

– Да и я не смогу, и никто другой не сможет.

– Вот. А из леса никто к дороге не подходил, следов нет, снег нетронутый лежит. Значит, несколько человек работало. Одни его тормознули, а как встали машины, так другие и добились.

– Вот оно, значит, как...

– Вот так. Ищем мы их, тут они, где-то совсем рядом сидят. Генерал внезапно выехал, про поездку никто чужой не знал.

– Интересно, а ты-то откуда это знаешь? Вы ж, как я понял, – разведка? А тут скорее гестапо искать должно, это ж вроде как их дело-то?

– Они и ищут. Только генерал от нас выехал, смекаешь?

– Ух ты... – Вот тебе и ух. Ладно. С этим все.

Ланге встал и прошелся по кабинету.

– Представление я на вас сегодня же и отправлю. Не обижайся, порядок такой. Кандидатуры ваши должны сначала в Берлине утвердить, потом уж и наше ведомство здесь приказ издаст. Будешь готовить таких вот, – он кивнул головой на дверь, – как этот Дьяченко, лопухов. Чтоб не слишком уши развешивали. Жить будешь тут. В городе, как я понимаю, тебя ничего не держит?

– Нет.

– Вот и славно. Но недельку поживешь дома, пока не утвердят твою кандидатуру. Ходи на работу, живи, как обычно. Будет приказ – перевести тебя в гебитскомиссариат.

– Это еще куда?

– Тебе не все едино? Далеко это. На самом деле – сюда тебя привезут.

– Понял.

– Тогда все. Машина внизу, отвезут тебя домой.

Я поднялся и сделал несколько шагов к двери.

– Дядя Саша!

Я обернулся. Ланге держал в руках пакет. Тот, который передал майору штатский.

– Подойди-ка сюда...

Я подошел к столу. Ланге высыпал из конверта пачки денег и поворошил их рукой.

– Душевно тебя прошу, дядя Саша, завязывай с этим делом.

– С каким?

– Взятки брать переставай. Хватит уже, и так вон сколько нахапал. А то, в случае чего, и мне тебя отмазать трудновато будет. Этого нигде не любят, у нас тоже. Понял?

– Да не дурак, соображаю.

– Ну, будем считать, что и этот вопрос закрыли. – Он пододвинул мне деньги: – Забирай свое добро. Давай, готовься, память освежай. У меня на вас большие планы имеются.

Машина стояла напротив дверей. Когда я вышел на улицу, выскочивший солдат открыл мне дверь и предложил садиться. Все повторилось в обратном порядке. Дорога между сосенок, шлюз, молчаливый досмотр – и вот мы уже катимся по лесной дороге. Спать мне уже не хотелось, и я смотрел в окно на проплывающий мимо пейзаж.

Неужто пронесло? Призрак толстого северного зверька ехидно подмигнул мне из леса. Какое там! Первая же лекция будущим курсантам, ну, максимум – вторая, и этот призрак будет вполне материален. Да любой из них знает о жизни в СССР больше меня в несколько раз! А про жизнь в зоне – так и на несколько порядков. Это мне ПОКА везло, никто с расспросами не лез. Первый же прокол (а в том, что он будет скоро, я не сомневался ни минуты) – и все. Заманчиво, конечно, – попасть в разведшколу и передавать данные своим. Только как передавать? Связи у меня нет и не будет. Попасть в школу – я, положим, попаду. Да только вот в каком качестве? В качестве инструктора спецподготовки – самое мое, только кто ж меня туда возьмет-то? Я и своей-то темы не знаю абсолютно, а тут вдруг на другую, не менее серьезную, замахнусь. Симулировать разве потерю памяти? Интересная амнезия получается. Часть памяти стерла, а часть – добавила. Да, и весьма специфическую часть, надо отметить! Бред. Немцы не лохи, и на мякине их не провести. И никакой Ланге тут не поможет, наоборот, будет первым в рядах сомневающихся. Вывод? Надо делать ноги! И скорее! Пока он там будет свои представления писать... Представления... писать... Представления?! Есть еще кто-то!

«У меня на вас большие планы имеются...» Точно, есть второй, а может – и третий.

Ланге говорил уверенно, так, словно не сомневался в нашем согласии. Да, скорее всего, так и есть. «Представления писать... писать...» Значит – беседа уже была, согласие получено? Он не сказал – беседовать, значит, это уже не нужно. Кто они? Он говорил так, словно я знаю этого (этих?) человека. Кто это может быть? Мои сослуживцы? Чушь. Знакомые? Так нету их. С кем я тут еще контактировал, кого знает еще и Ланге? Крест. Он единственный, кроме нас с Ланге, выживший при расстреле. Значит – Крест...

Радиограмма

Получен сигнал 8.

*Начальнику ... отдела капитану тов.
Маркову А. Т.*

Сегодня в 03.40 от группы ст. лейтенанта Грабова получена следующая радиограмма (текст прилагается).

Начальник смены лейтенант Коробицын В. В.

Начальнику отдела подполковнику

тов. Шергину В.А.

От группы ст. лейтенанта Грабова получено следующее сообщение.
Выполнения основного задания под угрозой.

Прошу разрешения на операцию прикрытия по варианту 2.
Старший группы капитан Нефедов В.А.

Старшему группы капитану Нефедову В.А.

Разрешаю операцию прикрытия по варианту 2.
Начальник отдела подполковник Шергин В.А.

Радиограмма

Проведение операции разрешено.

Мое возвращение на службу было воспринято всеми сослуживцами как воскрешение из мертвых. Один только Беренмайер (умная голова, однако!) быстро сложил $2 + 2$ и с расспросами ко мне не лез. Надо полагать, что начальственные флюиды как-то были уловлены и всеми окружающими. Так что серьезной работой меня не грузили, я мотался по городу, инспектировал отдельные объекты и готовился к большому драпу. Проинспектировал свои запасы, даже прикупил на рынке (втридорога и из-под полы) канистру бензина. Выбрав время, наведлся в полицию. Крест тоже куда-то исчез, знакомые полицейские сказали мне, что его услали куда-то с проверкой. Жаль! Не удалось поговорить. Выразив его сослуживцам свое сожаление по этому поводу, я понесся дальше. Единственным утешением явилось то, что и у них я выпытал еще литров десять дефицитного топлива. Разумно решив не дожидаться окончания недельного срока, я запланировал свой отъезд на вечер пятницы. Как минимум субботу и воскресенье немцы меня не хватятся, а в понедельник я уже буду далеко.

Наконец, в пятницу я подписал у Беренмайера необходимые бумаги, отправил Хасана на заправку и сказал ему подъехать к дому часов около 19. Мысленно со всеми попрощавшись (и пожелав им колес в бок), я потопал домой. Как бы все ни сложилось, а сюда я уже навряд ли вернусь.

Вот и знакомая подворотня, вот мой дом родной... Стоп! Я слегка замедлил шаг... Ну, вот и оно... Задержавшись еще на минутку, я переложил «наган» во внешний карман пальто и, не торопясь, вошел в дом. Так, лестница, площадка – никого (ну не до такой же степени там лопухи!), дверь... Есть! Предчувствия его не обманули! Вставленная мною ранее в щель между дверью и косяком щепка лежит на полу. В квартире кто-то есть! И, как мне кажется, я знаю, кто это...

Так, в прихожей пусто. Кухня... тоже никого, комната... так... ладно. Однако же я домой пришел или куда? «Наган» на стол, пальто на вешалку, сапоги... стоп... Еле слышное движение сзади, щелчок...

– Здорово, Крест.

– Догадливый ты, дядя Саша.

– Поживи с мое, научись.

Я медленно повернулся назад. Крест стоял у двери. Не ошибся я, однако. «Наган» в руке, смотрит мне в грудь.

– Что, так стоять и будем?

– Можно и присесть. – Не опуская револьвера, Крест свободной рукой нашарил стул, подтянул к себе и сел. Я сделал шаг в сторону и опустился на табурет.

- Ну, зачем пришел?
- Ты Ланге видел?
- Видел и знаю, что он и тебя приглашал.

Есть! Крест дернулся. Но виду не подал, так же насторожен и цепок. Глаза его внимательно отслеживают каждое мое движение.

- Откуда?
- Он сам и сказал.
- Врешь!
- А ты у него спроси.
- И спрошу.

– Ну да, так он тебе и ответил. Категории весовые у нас с тобой разные. Если я для него почти равный, то ты где-то там, внизу. Не будет он с тобой ТАК говорить.

- Что разное? – Даже револьвер в руке дрогнул.
- Ага, не ожидал от зэка таких слов? Подожди, то ли еще будет!
- То самое, родной. Ты, надеюсь, за дурака меня не держишь?
- Нет. И раньше так не думал. Ты у нас человек непростой.
- Знал бы ты, милоч, насколько непростой.

- Вот и расскажи.
- Ну да. А ты потом меня шлепнешь.
- А я и без того это сделать могу.

- Ну, скажи, что я тебе такого сделал? Дорогу перешел? На твое место у Ланге нацелился?
- Есть! Попал! То-то он так дернулся! Спекся парень, теперь уже яснее на горизонте стало.

А еще один заходик?

- Так ты успокойся, не пойду я к нему.
- Чего так?
- Не с руки это мне. Да и другие причины есть. Мне здесь делать нечего.
- А где же?
- А то ты недогадливый стал?

– Ты загадками-то мне не говори, – шевельнул он стволом «нагана». – Что тебе еще Ланге говорил?

- Молчать буду – стрельнешь?
- Не будешь ты молчать.

– А вдруг? Терять-то мне нечего. Мне-то при любом раскладе терять неча, а вот тебе... ты ж к нему в непонятках не пойдешь, тебе ясность нужна. Без этого страшно. Да и не простят тебе ошибки.

- Доиграешься ты, дядя Саша. Вот как поговорят с тобой люди опытные...
- Все! Съел!

Р-р-а-з! Пущенный сильной рукой табурет врезался Кресту в плечо, опрокидывая его на спину. «Наган» вхолостую шелкнул бойком, но было уже поздно...

Привязав его к стулу, я сходил на кухню и налил себе воды. Поднял табурет и уселся напротив связанного Креста. Задрал ему штанину и осмотрел рану на ноге. Ну да, как я и думал.

- Может, хватит тебе дурака валять? Очнулся уже, вон веки дрожат.
- ...

– Молчишь? Ну ладно, я не гордый. Ты помолчи пока, а я поговорю. Ты по какой линии у нас идешь? НКВД? ГУГБ? ГРУ?

Крест открыл глаза и удивленно на меня посмотрел.

– Ты не удивляйся, я много чего знаю. И про подставу вашу с побегом и расстрелом, и про Ланге. Я не знаю, сами вы этот побег затеяли или все же зэки его спланировали, но ты про

него знал. А нужно тебе было позарез вместе с Ланге к немцам попасть, так, чтобы в доверии у него быть. Убегил он сам – и что? Попал бы ты к немцам, кто б тебя к нему на пушечный выстрел пустил? Подходов в зоне ты к нему не имел. Он и не вспомнил бы тебя вовсе. Значит – не нужен был тебе УСПЕШНЫЙ побег. А вот проваленный – самое то! Вот и увел тебя утром конвой вместе с другими. И назад ты вернулся уже в тюрьму. И там уже с нами вместе комедию на суде ломал. Не так?

– Заговариваешься ты. В меня же стреляли со всеми вместе.

– Вот! Я все ждал, когда ж ты про этот козырь неубиенный вспомнишь! Стреляли, это так. Вместе, но не в тебя. Помнишь, Райнхельт спрашивал, как так вышло, что у тебя раневой канал сверху вниз, не как у всех?

– Так с вышки же стреляли. Он и на плане ее видел.

– Он на плане, а я – наяву. И чтобы ты ТАКУЮ рану получил, должен ты был бы не от нее бежать, а к ней. И встать под ней почти вплотную, да еще и извернуться так, как не всякий гимнаст сумеет. У тебя пуля прошла через правую ляжку по направлению от левого плеча к правой пятке, а вышка справа стояла. Это ж какую ты позу должен был принять, чтобы тебя ТАК ранили?

Крест угрюмо молчал.

– Я уж и не знаю, как в Ланге попали, так же, как в тебя, или иначе как, но проверку МЫ все прошли. И вот как итог – он на месте, а ты с ним рядом? Так? Да не так! Дядя Саша тебе поперек горла стоит, более опытный и для Ланге более интересен. А значит – я тебе не нужен и убирать меня надобно, так? Опять молчишь? Лады, я те еще и добавлю. Синяк свой на морде помнишь?

– Так баба это...

– Под два метра ростом твоя баба! – И я описал ему внешний вид Дьяченко. Риск, да, но вряд ли Ланге стал бы посылать две разные группы. Скорее всего, одни и те же работали. Похоже, попал, вон он как скривился-то.

– Не знаю, как ты из ЭТОЙ проверки вылез, но, видимо, сумел как-то. Раз Ланге тебе поверил – и эту проверку ты прошел. А вот баба твоя, видать, услышала что-то не то, вот ее и... Сызнова молчишь?

– Да все это твои домыслы.

– Да лопух ты псковский, я ж тебя и весь твой кодлан, как щенков сопливых, за нос по городу уже три дня таскаю! Ты домой ко мне отчего сегодня пришел? Оттого, что знали – далеко ехать хочу, бензином я где только не запасался, только б твои сослуживцы усекли! А есть у тебя и там стукачок, есть! И в конторе моей кто-то есть. И секли вы за домом, знали, что нет меня тут. Вот я укачу неведомо куда, а вернусь – вот оно предписание! И все, и рухнула твоя задача! А за ней следом и башка твоя полетит! Не достанешь ты меня у НЕГО за забором.

– Врешь ты все, дядя Саша. Повезло тебе, «наган» осечку дал...

– Вот же ты лопух безголовый! – Я вскинул «наган» и трижды нажал на спуск. Револьвер трижды сухо щелкнул. – Убедился? Да у него в барабане вареные патроны! Я их перед домом зарядил, когда тебя в квартире усек.

– Это каким таким макарон?

– А то, что в пустом доме стекла никогда не замерзают, ты знал? А меня дома два дня как нету, и замерзнуть им не с чего. А тут подхожу – здрасте, замерзли. Вот я и знал, в какой комнате ты сидишь и «наган» на стол положил, чтобы ты его хапнул, а не свой ствол!

Чтобы успокоиться, я стал перезаряжать «наган». Искоса я посматривал на Креста, и мне он не нравился. Не так он себя ведет, не так! Есть у него козырь за пазухой.

Какой?

– Чего ты хочешь, дядя Саша?

– А! Вот, наконец, заговорил по-нормальному. Мне твоя школа, может, и интересна бы была, но не сейчас. Мне ТУДА надо. К руководству вашему. И чем скорее – тем лучше. У меня и тут подарки хорошие припасены, и там для вас много чего имеется.

– И что?

– Вот ты недоверчивый какой! Ладно. Чуток поясню.

Станция рванула – это ты помнишь?

– Помню, а как же.

– Моя это работа.

– Да ладно заливать-то!

– Не веришь?

– Нет.

– Тады смотри. Я на ней перед взрывом был, муку привозил на кухню. Да вот и рассыпал невзначай такие вот подарки – я достал из-под приподнятой половой доски несколько четырехгранных шипов. Вот машина с взрывчаткой колеса-то и пропорола. А пока чинились – все, выезд закрыт. Приказ у них, машины с взрывчаткой в темное время суток по городу ездить не должны. А ночью я туда визит нанес, да гранату ему под кузов и подвесил. А к кардану веревочку. А веревочку к чеке. Дальше объяснять надо?

– Нет.

– И еще у меня есть чем похвастаться. Но это уже руководству твоему. Другим не скажу, не поверят. А школу твою себе забирай, мне туда лезть нельзя.

– Что так?

– Есть причины. Не приди ты сегодня, я бы все равно туда не пошел, смотался бы.

Крест замолчал. Думал он недолго.

– Ты же все равно уезжать собрался?

– Да.

– Ну и поехали.

– И куда же?

– Ты к руководству хотел? Вот к нему и поедem.

– За линию фронта?

– Так далеко не надо. Они под городом сидят. Генерала недавно завалили, слышал ведь?

– Как не слышать, из-за этого сколько шума было.

– Вот – их работа.

Вот это сюрприз! Но если так, задача облегчается. Они наверняка могли видеть то, что творилось на шоссе. Пусть даже и издали. Значит – проще разговаривать будет. Хороший козырь!

– Коли так – пошли.

– Ты бы мне руки развязал, что ли?

– Это чтоб ты меня еще разок приголубил чем-нибудь тяжелым? Ладно, шучу. Только ствол пока не верну, извини...

Я переоделся, вместо пальто надел полушубок, обувь тоже поменял на более теплую. Крест не мешал, сидел на стуле и о чем-то думал. Так, все ли я взял? Хабар свой... Думал с Хасаном подобрать. Сейчас? Ну, смотря как пойдем, можно и по дороге прихватить.

– Готов? – повернулся я к Кресту.

– Да, я давно готов, тебя только и жду.

– Ну, тогда и пойдем.

Мы вышли в подъезд. Креста я пропустил вперед. Спустились по скрипучим ступенькам и вышли во двор.

– Ну, куда дальше?

– За мной иди, – буркнул Крест и направился к подворотне.

За тобой так за тобой. Комендантский час еще не наступил, но уже было темновато, а в подворотне опять – хоть глаз коли. Опять лампочка не горит... Опять?! А сейчас – по какому поводу?

Скрип снега под ногами – Крест кашлянул. Вспышка! Еще одна! Выстрелы ударили прямо мне в лицо. Черт! Засада! Стрелять? Свои же! Швырнув вперед саквояж с бельем, я перекатом кувыркнулся назад-вбок. Саквояж грохнулся о стену, и в ту сторону сразу ударило несколько выстрелов. Стреляйте-стреляйте – меня там нету. Еще кувырок, на ноги, прыжок – опомнились! Меня рвануло за левое плечо, бли-и-и-н! Бегом туда! Проверенным путем через забор, в переулок, теперь в подъезд. Мимо протопали ноги – ищут? Ну хватит уже, ребята. Я вытащил из кармана «наган», взвел курок. Войдут – получают по ногам. Надоело уже бегать. Но Крест – вот сволочь! Теперь понятно, что у него была подстраховка на случай осечки. Так кто кого переиграл? Однако – я жив. Значит, итог пока в мою пользу. Тихо, не слышу их. Ушли? Или где-то рядом? Рядом! Это постовые со склада! Точно, там полицейский пост. Потому и стреляют, не опасаясь. Значит – люди Креста. Понятно, почему света нет. Ничего, подождем, время еще есть... Хасан! Он должен уже скоро подъехать. Нельзя, чтобы они его перехватили, это мой шанс выбраться сегодня из города. Кое-как перетянув шарфом левую руку (слава богу, задело не сильно), я осторожно выбрался на улицу. Прислушался – тихо. Тихонечко, бочком-бочком, вдоль стеночки...

Через час я прыгал на перекрестке – ждал Хасана. Время от времени приходилось отступать в тень, по улице проходил патруль. Вот, наконец, впереди тускло моргнули фары – Хасан. Если его и удивило, где я его жду, то удивления он не высказал.

– Заедем к нам в гараж, – сказал я, залезая в машину.

– Зачем?

– Прихватим кое-что.

Хасан молча кивнул и повернул к гаражу.

Наш сторож давно уже привык к тому, что Хасан приезжает и уезжает в разное время, и вопросов не задавал. Тем более что ему иногда перепадало кой-чего от щедрот наших.

В гараже я и хранил основной хабар. Об этом никто не знал, место для тайника я выбирал особо тщательно.

Так. Документы берем все. Оружие? Все не унести. Автомат. Как раз «МП-38» и подойдет, патроны и гранаты, еще пару пистолетов – хватит. Остальное пусть ждет своего часа. Деньги? Львиная доля у Хасана, тут немного. Берем, помехой не будут. Все? Все. Отобранное уместилось в два вещмешка. Оттащив добро в кузов, я попросил Хасана перевязать мне руку. В его глазах мелькнуло удивление, но он ничего не сказал. Через полчаса мы выехали из города.

Не без тревожных ощущений и предчувствий я предъявил документы на полицейском посту у выезда из города. Подсознательно я продолжал ожидать от полиции какой-либо гадости. Кто его знает, Креста, может, уже кинул инфу на все посты? Но обошлось. Или я преувеличивал его возможности, или он до сих пор искал меня около дома, неизвестно, но полицейские пропустили нас беспрепятственно. А дежуривший на посту немец, так тот и вовсе не выглянул из будки караула. Возможно, Крест просто не ожидал от меня такой наглости, вот и не озаботился передачей информации. Так или иначе, но уже через час мы были достаточно далеко от города.

Еще два поста в деревнях мы тоже проехали с минимальными затруднениями. Я слегка приободрился и повеселел, перестал стискивать рукоятку «нагана» за поясом. На развилке дорог я указал Хасану новый маршрут, и мы свернули в сторону от привычных ему путей-дорог. Еще час езды, и я начал прикидывать, под каким предлогом отошлю его домой. Вот, преодолев небольшой мост, мы поднялись на горку, на которой находились развалины поселка. Здесь у меня была сделана закладка из всяких полезных в настоящий момент мелочей.

– Притормози, – сказал я Хасану.

Скрипнув тормозами, машина остановилась.

Я приоткрыл дверь и привстал на пороге. Тихо... Немцев тут не было, ближайший гарнизон находился километрах в пяти. Повернувшись к кузову, я свободной рукой скинул на землю один мешок и потянулся за вторым.

И в этот момент что-то твердое уткнулось мне в бок.

– Оставь вещи, – тихо и невозмутимо проговорил Хасан. – Тебе не надо.

Я опустил взгляд вниз.

В руке Хасана был зажат пистолет, ствол которого и упирался мне в поясницу.

– Это что?

– Ты собрался бежать?

– Нет, у меня тут дело.

– О котором я ничего не знаю?

– Ты и так раньше знал не обо всем, и тебе это не мешало.

– Раньше тебя не забирали немцы. Раньше ты не ходил подстреленный. Раньше мы сюда не ездили, это уже не наш район.

– Не было надо – и не ездили.

– Врешь, – Хасан покачал головой. – Я спрашивал женщин на работе, куда едем. Это место осталось сзади, километров тридцать.

– Они не могут всего знать, мне Беренмайер приказал лично.

– Оставь мешок в кузове. Спустишься и открой тот, что на земле. Оружие положи на сиденье. Делай все медленно, чтобы я всегда видел твои руки.

Положив «наган» на сиденье, я осторожно спустился на землю. Подойдя к мешку, я расшнуровал его горловину и наклонил ее в сторону Хасана. В мешке были папки с документами и трофейные зольдатенбухи.

– Что во втором?

– То же самое.

– Деньги?

– Дома лежат.

– Опять ты врешь. Ты ранен, к доктору не пошел. Домой не пошел, даже я тебя там лучше бы перевязал. Ты отчего-то решил убежать и ничего не сказал мне. Я вернусь один, и меня поставят к стенке.

– Если ты меня застрелишь, то, опять же, вернешься один. И тебя поставят туда же.

– Я простой водитель, оружия у меня нет. Привезу тебя и скажу, что это были партизаны.

– Так что ж не стреляешь?

Хасан улыбнулся:

– Ты умный. Ты не просто так везешь эти бумаги. Ты всегда брал себе бумаги и документы, денег мало брал. Значит, есть кто-то, кому они нужны, и этот кто-то не пожалеет денег. Я хочу знать, кто это и как его найти. Что ему сказать и сколько он должен заплатить?

– Зачем мне это тебе говорить?

– Тогда я просто тебя убью. Не скажешь, я прострелю тебе ноги и руки и все равно узнаю. Только это будет тебе больно. Так что лучше говори сам.

– А если я совру?

Хасан снова улыбнулся. Нехорошая это была улыбка, недобрая.

– Попробуй.

– Хорошо. Я не буду встречаться с заказчиком. Он подозрителен и тоже не верит мне. Деньги лежат здесь, в тайнике. Я должен оставить там документы. Но ты не сможешь их взять, тайник заминирован.

– Но ты – можешь?

– Да, я знаю, как снять мину. Но ты должен пообещать, что не убьешь меня, дашь уйти. Я хочу уйти отсюда, в городе уже стало плохо.

– Что будет, если ты не оставишь документов и сбежишь с деньгами?

– Он сдаст меня немцам. Я этого не хочу, они и так уже что-то подозревают. А я уже стар, чтобы бегать как заяц еще и от них.

– Ты что-то придумал. Ты хитрый, но и я тоже не дурак. Повернись спиной.

Делать нечего, придется выполнять. Он сидит в кабине, с боков и сзади закрыт, спереди ствол, не подойти. Я медленно повернулся, не опуская рук.

– Держи.

Около моих ног упала веревка.

– Обвяжи ее вокруг пояса.

Пока я обвязывал веревку, Хасан сбросил из кузова второй мешок.

– Бери их и иди вперед. Не дергайся и не дури. Я, конечно, не такой стрелок, как ты. Но вблизи не промахнусь.

Делать было нечего, и, взвалив мешки на плечи, я потопал вперед. Метров через триста мы подошли к разбитому дому.

– Это здесь. Там, в доме, есть подвал и в нем тайник.

– Мина где?

– Не знаю. Может, она тут вообще не одна, может, тут все вокруг заминировано. Знаю, как сделать, чтобы она не взорвалась.

Ага! Это Хасану не понравилось! Он оглянулся по сторонам, ища место для укрытия. Подойдя ко мне, он приставил ствол пистолета к спине и начал ощупывать меня свободной рукой.

– Что ты делаешь?

– Ты хитрый, вдруг у тебя второй ствол есть? Отойдешь туда и выстрелишь, когда я не буду видеть твоих рук.

Да, Хасан, ты, конечно, прав – я хитрый, но второго ствола у меня с собой нет. Правда, от этого тебе не легче... Проворот на месте, и пистолет в руке Хасана бабахнул в пространство! Удар локтем, захват, еще поворот – вот уже пистолет в его руке упирается в бок хозяину. Приглушенный телогрейкой, выстрел был совсем негромким. Хасан обмяк и сполз на землю. Перехватив его пистолет, я выстрелил еще раз. Все...

Я опустился на землю, продолжая сжимать в руке пистолет. Хасан... Надо же, вот ведь какие мысли зрели у него в голове все это время... Если бы не его патологическая жадность... Однако надо что-то делать. Тайник хорош, но придется его бросить, если немцы найдут тут труп Хасана, то как минимум осмотрят все вокруг и по следам придут сюда. Если найдут труп... Найдут, но не здесь!

Быстро убрав мешки в тайник, я отволок труп Хасана к машине и погрузил его в кабину. Доехав до спуска к реке, я остановился и пересадил его за руль. Отойдя от машины, я дал по кабине пару очередей из автомата, превратив ее в решето. Двигатель еще работал, и, когда я, слегка потеснив Хасана, включил передачу, машина рывком дернулась вперед. Так, теперь подправим рулем... Я спрыгнул на землю, проводив ее взглядом. Проломив перила, машина грохнулась с моста в реку.

Радиограмма

Операция по варианту 2 удалась частично. Объект был ранен, и в настоящее время его местонахождение неизвестно. По имеющимся данным,

впоследствии погиб при аварии автомашины. Проверка этих сведений в настоящее время производится.

*Начальнику ... отдела капитану
тов. Маркову А. Т.*

Сегодня в 03.40 от группы ст. лейтенанта Грабова получена следующая радиограмма (текст прилагается).

Начальник смены лейтенант Коробицын В. В.

*Начальнику отдела подполковнику
тов. Шергину В.А.*

От группы ст. лейтенанта Грабова получено следующее сообщение.
Текст прилагается.

Старший группы капитан Нефедов В.А.

*Старшему группы капитану
Нефедову В.А.*

Организовать поиск Манзырева А. М. При обнаружении – ликвидировать.

Операцию «Снег» – продолжать по ранее утвержденному плану.

Начальник отдела подполковник Шергин В.А.

Радиограмма

Под Вашу личную ответственность с получением сего организовать поиск Манзырева А. М. При обнаружении – ликвидировать. Ориентировать на это все Ваши агентурные возможности и прочие силы. Об исполнении доложить.

Ориентировка

Органами НКВД СССР разыскивается особо опасный рецидивист – Манзырев Александр Михайлович, 1890 года рождения. Ранее неоднократно судим. Приговорен судом к высшей мере социальной защиты – расстрелу. Вооружен. Особо опасен при задержании. Возможно его появление в прифронтовой полосе и в зоне ответственности фронтовых отделов контрразведки. При обнаружении Манзырева или при получении сведений о его местонахождении – немедленно сообщить об этом в вышестоящий орган. Принять все меры по обнаружению Манзырева А. М. и его задержанию. При невозможности задержания – ликвидировать. Словесный портрет Манзырева А. М. прилагается.

В тайнике я отсиживался три дня. Опасения мои оказались напрасными, немцы развалины не осматривали. Видимо, осмотр грузовика их вполне устроил. Пробив лед, машина погрузилась почти по крышу, так что они вполне могли посчитать, что мой труп уволокло течением, дверцу-то я оставил открытой.

У меня было достаточно времени, чтобы прикинуть дальнейшие действия. Возвращаться в деревню, где я видел парня из гаража? Нереально, это почти 200 км. Пешком, сквозь посты? А если кто-то узнает «погибшего»? Отпадает. Да и где гарантия, что он еще там и согласится устроить мне связь с подпольем? Вспомнив Креста, я покачал головой. Нет, подполье меня не примет, это очевидно. Уходить через фронт? Это уже ближе к истине. Нахрапом лезть – глупо, надо тщательнее разведать обстановку, для этого надо отсюда уходить. Ждать, пока фронт придет сюда сам? Насколько я помнил историю, ждать пришлось бы около года, а то и более. За это время ценность моей добычи будет ничтожной. Да и еды у меня не хватит на такой срок.

Кстати, о добыче. Времени хватало, керосин в лампе еще был, и я подробнее рассмотрел результаты своей деятельности. Насколько хватило моих скудных знаний немецкого языка, бумаги генерала содержали в себе перечень каких-то мероприятий, что-то в них говорилось и об абвере, и еще о каких-то неведомых мне конторах. Бумаги прочих офицеров были, конечно, менее ценными. Но, на мой взгляд, и в них было кое-что интересное. Толку, правда, от них тут не было ни малейшего. Надо идти через фронт. Приняв это решение, я уже более спокойно выжидал установленный себе срок для выхода. Попутно писал в своем «боевом журнале» все последние события. Креста я упоминать не стал, Ланге тоже, мало ли... Жизнь – она штука странная, долбанут меня где-нибудь, прочтут немцы мою писанину...

На четвертый день я выбрался наружу. С собой, кроме оружия и запаса продовольствия, я тащил только самые важные бумаги. Все прочее осталось в подвале. Вход я замаскировал, засыпал мусором и обломками. Поставил маячок. Мало ли, вдруг не сам вернусь.

За три дня мне удалось пройти километров 60. Немцев на дорогах было немного, мороз делал свое дело. Автоколонны я слышал издали и успевал заныкать где-нибудь. Посты немцы ставили на перекрестках больших дорог и в деревнях, приходилось все это обходить стороной. Сил это не прибавляло, и надо было уже думать об организации дневки. Пора уже было отдохнуть и отоспаться, желательно в тепле. На следующий день я обратил внимание на какие-то странные звуки, но особого значения этому не придал. И только к вечеру, соорудив себе ночлег в небольшом лесочке, я вдруг понял – это пушки! Или еще что-то, но явно взрывчатое. Значит, фронт уже не так далеко, если я слышу взрывы.

На другой день взрывов я уже не слышал, но настроение было уже приподнятым, и я бодро потопал дальше.

Еще день пути, и вот уже погромыхивание стало более явственным. Еще день, и вот оно уже было слышно постоянно. Однако же и идти стало труднее, немцев на дорогах прибавилось, да и мне уже требовалось отдохнуть. Решение вышло неожиданным.

Пустившись утром в путь, я около 11 часов обнаружил, что по моим следам движется группа «охотников» примерно из 10 человек. Разрыв между нами составлял около полутора километров, и это мне совсем не понравилось. В отличие от меня, «охотникам» не было нужды прятаться от немцев, и рано или поздно они меня нагонят. Осталось неизвестным, почему они вдруг пустились за мной в погоню? Заметили ли мой костерок на ночлеге, или какой-то из особо бдительных постовых увидел вдали подозрительного человека? Не знаю. Но теперь это было уже неважно. В запасе у меня оставалось не более двух часов, после этого они выйдут на дистанцию прицельного выстрела, и тогда – все. Прижмут огнем, окружат, и хорош. Надо было искать место для засады. Минут через 20 я нашел то, что требовалось. Тропа шла вдоль холма, справа от нее был довольно крутой склон высотой метров 15. Слева от тропы была воронка, в нее-то я и поставил первую растяжку, метров через пять впереди по ходу – вторую. Пробежав по тропе метров 100, я резво свернул вправо, в овраг, и уже по нему вернулся назад метров на 200. Выбрав куст погуще, я залег в него и приготовил автомат для стрельбы. Еще полчаса, и на тропе появились «охотники». Девять человек. Так, пятеро с винтовками, пулеметчик, три автоматчика. Ну что ж, ждем-с...

Ждать долго не пришлось. Гулко бухнула первая растяжка! Привстав на колено, я короткой очередью срезал двоих замыкающих. Эхо от взрыва смазало звук очереди, и «охотники» не поняли, откуда именно по ним стреляли. (На это я и рассчитывал.) Оставшиеся в живых бросились к ближайшему укрытию. Второй взрыв подтвердил, что наши мысли в этом отношении совпадают. На какое-то время наступила тишина. Воспользовавшись этим, я сменил магазин в автомате.

Теперь ждем. Тишина прерывалась только стоном и руганью с тропы – кого-то ранило. Прошло еще минуты три, и вот над тропой нарисовался первый силуэт. Как я и ожидал, немец пополз наверх. Правильно, там обзор лучше, вот они и думают, что стрелок засел там. Умно, сначала назад отполз, а потом уже и наверх. Вот уж и мимо меня прополз, старается. Дождавшись, когда он отползет от меня метров на 15, я выстрелил еще раз. Отползался, голубчик. После чего я пополз уже сам. Лежащие около воронки немцы меня видеть не могли, я был под склоном. Вот если бы они встали... Но они продолжали лежать. Вот я уже почти на одном уровне с воронкой. Ориентируясь на ругань немца, я бросил три гранаты. По центру, левее и правее. Сместившись еще вперед, я приподнялся над тропой, готовый стрелять. Но стрелять оказалось не в кого. Первая растяжка положила двоих, еще трое подорвались в воронке, один лежал напротив моей засады. Так что последнюю гранату можно было бы и не бросать.

Немцы оказались неслабыми. Хорошая экипировка, теплое белье. Запас продуктов тоже был весьма кстати, мои продукты уже кончались. Приятным сюрпризом оказалась карта – один из автоматчиков оказался офицером. Пополнив боезапас и прихватив кое-что из снаряжения, я потратил еще минут 30, минируя трупы и расставляя растяжки вокруг. Ну вот, теперь надо ложиться на дно, немцы дружно встанут на уши и будут рыть землю весьма тщательно.

Выдержка из сводки происшествий от 1941 г.

Отмечена возросшая активность разведподразделений противника на участке... Так ... во время преследования обнаруженного одиночного партизана, поисковая группа лейтенанта Вернера попала в хорошо подготовленную засаду. Преследуемый партизан вывел группу на минное поле, на котором и подорвалась часть группы. Оставшиеся были расстреляны при попытке отхода. После чего нападавшие заминировали также и тела погибших солдат, что привело к потерям среди вышедших на помощь группе солдат 132-го пехотного полка. Наши потери в результате этого столкновения составили 1 офицер и 16 нижних чинов убитыми и 5 ранеными....

*Командиру 132-го пехотного полка полковнику
фон Венцелю*

РАПОРТ

Докладываю Вам, что в результате осмотра места боестолкновения противника с группой лейтенанта Вернера установлено следующее:

1) Согласно заключению командира саперной роты оберлейтенанта Хашке, минирование местности и тел погибших солдат вермахта произведено нестандартным способом с использованием штатных ручных гранат и подручных средств. В двух случаях было произведено минирование веток кустарника и деревьев. Метод инициирования заряда в этих случаях

не установлен. Следует отметить, что именно в этих двух случаях и были понесены максимальные потери среди солдат полка. По мнению оберлейтенанта, примененная методика установки зарядов отличается от принятой в вермахте и от используемой противником.

2) Тщательное изучение следов, оставленных противником, указывает, что все эти действия (минирование и последующий обстрел группы) были выполнены одним человеком. Следы оставлены обувью неармейского образца.

3) Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что боестолкновение произошло с хорошо подготовленным противником, обладающим опытом ведения боя в невыгодных для себя условиях против превосходящих сил. Таким противником мог быть один из уцелевших бойцов уничтоженной ранее советской разведгруппы.

4) Полагал бы целесообразным организовать активный поиск в прилегающих лесах на предмет обнаружения и задержания уцелевших бойцов противника.

Начальник штаба 132-го пехотного полка подполковник Гюнце.

Оторвавшись от места боя километров на пять, я решил слегка передохнуть и перевести дух. Заодно и изучить повнимательнее доставшуюся мне карту. При внимательном рассмотрении выяснились две вещи. Приятная и не очень. Приятным было то, что до фронта осталось километров 70. Неприятности были куда более существенны. Стало ясно, откуда по мою душу взялись давешние «охотники». Оказывается, я, как баран на заклание, пер прямо по отведенному им маршруту. По карте это было совершенно очевидно. Более того – таких групп вокруг меня шло еще несколько. Все они стартовали от красного кружка на карте. Там явно было что-то важное или интересное для них. Раз уж это место так пометили, то сделали это не просто так. Однако соваться туда в мои планы не входило. А вот поправить и скорректировать маршрут с учетом полученных сведений я был просто обязан. Радиостанции у данной группы не было, будем надеяться, что и у других тоже их нет. Значит, быстро скорректировать маршруты поиска они не успеют. И до наступления ночи у меня есть шанс оторваться от них.

Рассвет застал меня уже на ногах. Догадки мои оправдались, и до вечера немцы на хвост мне сесть не успели. Значит, у меня есть несколько часов форы и десяток выигранных у них километров. Это уже неслабый плюс! Прикинув по карте возможное направление дальнейших действий немцев, я решил рискнуть и попытаться пройти через лес по имевшейся там дороге. В случае удачи я выигрывал километров пятнадцать, срезая путь вокруг леса. Да и идти по лесу всяко лучше, чем по полю и опушке. В лесу хоть занываться можно, если что, а на поле – каюк.

Приняв это решение, я свернул на лесную дорогу. Следов на ней хватало, видно было, что пользуются ею часто. Поэтому я старался двигаться от одного укрытия к другому, внимательно осматривая дорогу впереди и прислушиваясь к каждому шороху. Часа через два такого передвижения мне послышались звуки выстрелов. Еще через полчаса они стали более отчетливыми. Прошло еще минут пять, и я услышал приглушенный рокот мотора. Мотоцикл! Двигается мне навстречу.

Что делать? Я еще мог скрыться в кустах. Пораскинем головой. В лесу выстрелы – кто-то кого-то гонит. Скорее всего – в роли гонителей выступают немцы. А буде это и не так – все равно выпускать мотоциклиста нельзя. Так или иначе – он едет за подмогой. Мало мне немцев спереди, так еще и сзади подопрут. Да и в любом случае мотоцикл не помешает. Решено!

Прикрепив на ствол «нагана» глушитель, я залег в кустах. Еще несколько минут ожидания, и из-за поворота вылетел мотоцикл. Кроме водителя в коляске скрючился еще один немец. Так он еще и раненого везет! Ну извини, голубчик. Я вас сюда не приглашал. Чпок! И

мотоцикл пошел юзом по дороге. Водитель кулем рухнул на руль. Тот, что в коляске, даже не успел среагировать. Мотоцикл влетел в кювет, и пассажир кубарем вылетел в снег. Так, бегом, бегом, поспешаем...

Особо спешить оказалось некуда – пассажир приложился головой об пень. Врачебная и иная помощь ему уже более не требовалась. Водитель еще пытался шевелить руками, но второй выстрел его успокоил. Оттащив трупы немцев в кусты и наскоро их осмотрев (ничего интересного не нашлось), я выволок мотоцикл из кювета и развернул его в обратную сторону. Пару километров я ехал осторожно, прислушиваясь к выстрелам. Наконец, впереди на дороге что-то мелькнуло. Торопливо выключив зажигание, я осторожно притормозил. Спрыгнул в кусты и тихонечко, перебежками от куста к кусту начал продвигаться вперед. Так и есть, на дороге стоял грузовик. От вчерашнего картообладателя мне в наследство достался еще и полевой бинокль. В него я рассмотрел место стоянки получше. Так, так... Дорогу пересекает цепочка следов, снег выпал только утром, и они хорошо видны. Надо полагать, что и немцы слепотой не страдали. Значит, ехали они по дороге (между прочим, навстречу мне), увидели следы и поинтересовались – чьи? Хозяин следов (или хозяева? Скорее всего – хозяева, справа натоптана ложбинка – шел не один) оказался личностью неуживчивой и чая немцам наливать, по-видимому, не стал. Ясно, за что они обиделись. Ладно, смех потом, сейчас дело. Есть у грузовика постовой или нет? Сколько их тут всего было? Мотоциклисты – двое или трое, но двоих уже нет. В грузовике – сколько? Человек десять-двенадцать? Да и в кабине кроме водителя тоже кто-нибудь был. Итого – человек пятнадцать их будет. М-м-да... Пулемет из коляски мотоцикла они с собой унесли. Он там точно был, на коляске остались следы от сошек. Плохо, у них еще и пулемет. Где же часовой? Вон он, в кабине! Замерз, значит? Интересно, он там один или нет? Так, куда мы смотрим? А в сторону выстрелов и смотрим. Правильно, там враг, вон и раненого оттуда притащили. А тут у нас врагов нету, тут спокойно, вот и не верти головой, тебе это уже ни к чему... Чпок! Брызнуло осколками стекло. Готов... Минус три... Теперь уже и по следам пройти можно...

Следы цепочкой петляли между деревьями. Дорога осталась уже метрах в восьмистах, когда наконец-то в окружающем пейзаже обнаружились изменения. Выразились они в убитом немце, который лежал около тропы. Уже холодноватый, значит, прошло более часа. Дальше, дальше... Выстрелы тем временем стали реже, похоже, что бой подходил к развязке. Следы разошлись в стороны, значит, немцы рассыпались в цепь. Вон справа на снегу россыпь гильз – пулемет работал. Еще один немец, еще... Молодцы ребята, просто так не драпают!

Выстрелы внезапно смолкли, и я остановился, словно налетев на стену. Все... Не успел... Перекинув автомат за спину, я достал «наган» и перезарядил. Теперь надо идти тихо, стрельбы уже нет, и ничто меня не маскирует. Еще пара сотен метров, и еще один немец. А вот уже и не немец... Маскхалат, под ним полушубок, ватные штаны – наш! Россыпь гильз, стрелял отсюда, много стрелял. Чего ж не ушел? Вон в снегу у ноги кровь. Ранен был, вот и лежал. Деревья резко разошлись в сторону, и я остановился, не выходя на поляну.

Большая поляна и несколько стогов сена. Между стогами и лесом еще один немец, лицом вниз – убит. Опираясь спиной о стог, полулежит еще один в маскхалате – это уже наш. Халат на груди порван и окровавлен – этому помощь уже не нужна. Где немцы?

Гомон голосов – они там! Осторожно, прячась за стогами, я подобрался поближе. Присел, выглянул вбок. Метрах в десяти еще один немец, лежит навзничь, лицо разбито – стреляли в упор. Остальные столпились чуть дальше, шумят, похоже, что спорят.

Кто ж этого немца так?

Да вон он... Еще один боец в маскхалате, оружия нет, стоит у стога, за руки его держат двое немцев. Боец роста невысокого, на фоне здоровенных фрицев так и вовсе маленький. Лицо закопчено, на лбу ссадина – прикладом приложили?

Гомон между тем стих. Один из немцев вытащил из ножен штык и шагнул к бойцу. Что-то спросил, отсюда не слышать, ветер. Боец отрицательно покачал головой. Немец повысил голос, повторил. Угрожающе поднес штык к лицу бойца. Тот откинулся назад, сколько позволял стог. Так, а ведь он его сейчас зарежет! Ну вот уж хрен!

Сколько их всего? Двое держат бойца – не страшно, пока очухаются, поздно будет. Один со штыком, один сидит и перевязывает ногу. Еще трое стоят и смотрят, оружие у двоих в руках, пулеметчик поставил пулемет на снег. Все? Все.

Как их отвлечь? Чтоб сразу стрелять не начали? А ведь начнут, они еще в горячке, после боя не отошли. Срезать их очередь? Вариант, но бойца при этом могу задеть, он среди них стоит. Автомат – за стог. Работаем пистолетами. «Наган» за пояс справа, «браунинг» слева. Пошли!

– Камераден! Комм хир! – И все немцы разом обернулись ко мне. Подняв руки, я шагнул к ним навстречу. – Хильфе!

Должно быть, я являл из себя странное зрелище. Небритый здоровый мужик в полушубке с вещмешком в правой руке. Мешок-то их и заинтересовал больше всего. Оружия у меня видно не было, а вот мешок был явным диссонансом в общей картине. Неправильным он тут казался. Ствол или даже топор были бы к месту, а вот это...

– Битте, папир! – Не дав немцам додумать, я бросил мешок между нами. Не очень далеко от себя и не слишком близко к ним, так, чтобы это не посчитали за угрозу.

– Битте, – я кивком головы указал на мешок.

Немцы слегка озадачились. Тот, со штыком, убрал его в ножны и не спеша двинулся к мешку. Так, он старший. Пулеметчик поднял пулемет, но смотрит вправо, на лес. Ах так, у них и это распределено – кто и что страхует? Точно, вон один с винтовкой смотрит налево, а третий, соответственно, – на меня. Раненый – и тот винтовку поближе подтащил. Только двое конвоиров по-прежнему держат бойца.

Немец подошел ближе, покосился на меня, присел. Потянул завязки мешка – наверху лежала пачка зольдатенбухов.

– О! – удивленный возглас немца заставил всех наблюдателей обернуться в его сторону. Пора!

Прыжок влево, за немца, руки к стволам.

Бух!

И пулемет ткнулся в землю.

Чпок!

Опрокинулся на спину страховавший меня солдат.

Бух! Бух!

И еще одна винтовка брякнулась оземь.

Раненый упал навзничь и перевернулся, руки его дернули затвор.

Чпок!

Его опрокинуло на бок, он продолжал шевелиться. Ранен? На еще! Словил...

Сидевший около меня немец внезапно прыгнул! Не вставая и не поднимаясь на ноги, молодец! Только вот не на того напал. Я таких, как ты, столько уже видел... А вот так? Я кувыркнулся вперед, и немец пролетел мимо меня в пустоту. Ну, положим, не совсем в пустоту, там как раз стог нарисовался. Вот в него он с размаху мордой и зарылся.

На колено!

Конвоиры, наконец, опомнились и, отпустив бойца, потащили с плеч винтовки. Ну, прям детский сад... Вы б еще и по стойке «смирно» встали!

«Браунинг» отработал старый добрый никарагуанский «пампам». И еще раз. Все!

Ну, а где ты теперь, наш прыгун?

Вот он, стоит. А башкой приложился-то нехило! Вон с морды кровища так и хлещет. Это что ж там такое, в стogu, лежало-то?

Немец сделал шаг в сторону – «наган» дернулся за ним. Он остановился...

Что теперь делать-то будешь, родной? Руки поднимешь? Пленных резать – это завсегда, а вот самому-то каково в этой шкуре оказаться? Нервы у немца не выдержали.

Что-то крикнув, он зайцем прыгнул в сторону – к пулемету! Чпок... Не долетев, он зарылся в снег.

Теперь – все.

Я повернулся к бойцу. Он сидел на земле, видимо, ноги его не держали. Подобрал автомат, я подошел к нему, по пути проверив немцев – живых не было.

– Ну что? Оклемался?

Он кивнул.

Пошарив в мешке, я вытащил флягу с трофейным шнапсом.

– На, глотни. Это помогает.

Он кивнул головой. Взял флягу и сделал неожиданно большой глоток, поперхнулся и закашлялся. Глотнул еще раз и протянул флягу назад.

– Звать-то тебя как?

– Сержант Барсова. Марина...

Так это девчонка? Где были мои глаза?

Поднявшись, я осмотрел немцев. Где-то тут я видел... Ага, вот она!

– На, – я протянул ей флягу с водой. – Умойся.

Так и есть – девчонка. Молоденькая. Лицо было чумазое, да и кровь натекла из ссадины на лбу. Сразу и не поймешь. Интересно, немцы это просекли? После того как она умылась, стало видно, что на вид ей не больше 20 лет.

– Лоб шнапсом протри. Давай я тебе голову перебинтую, вон как тебе крови-то пустили.

Она скинула капюшон, сняла шапку. Короткая стрижка (прямо как у мальчишки), русые волосы. Господи, как их на войну-то берут?

– Да уж... Из тебя сейчас барс, как из меня поп. Тебе сейчас не Барсова подходит, а скорее Котеночкина.

– А вы – кто?

– Партизан я. Зови меня – дядя Саша.

– Вы тут один? Или...

– Один я. Выстрелы вот услышал и пошел посмотреть.

– И не боялись?

– Я на войне, дочка, больше лет провел, чем ты на свете живешь. Да ты и сама видела.

– А что ж вы с пистолетом-то? Их – вон сколько было, даже и с пулеметом...

– Да? Очень им это помогло?

– Так у вас же еще и автомат был.

– Из него я бы тебя вместе с ними и покосил бы. Сама-то не забоялась, поди? Этот – твой? – кивнул я на немца с разбитым лицом.

– Мой. Патроны вот только кончились, а то я бы так просто не далась... – Она наклонилась и подняла из снега пистолет «ТТ».

Затвор у пистолета стоял в заднем положении. Выщелкнув обойму, я убедился, что патронов в магазине не было.

– И куда его теперь? Патроны есть еще?

– Нет. Если только у ребят остались.

Осмотрев погибших бойцов, я набрал пару десятков патронов и одну гранату «Ф-1».

– Негусто. Это как же вы вот так, почти без патронов в немецком-то тылу воевать собирались? – Я отдал ей уже заряженный «ТТ» и оставшиеся патроны.

– Так мы тут уже месяц ходим, вот и кончилось уже все.

– Так вы что же – разведка?

– Да.

– Фронтовая или армейская?

Девушка покосилась на меня, перевела взгляд на немцев...

– Фронтовая.

– А ты, значит, радист?

– Да.

– И рация есть?

Она приподнялась и вытащила из стога вещмешок. Так вот обо что приложился головой немец!

– Связь с нашими есть?

– Нет. Батареи сели давно.

– Так зачем ее тогда таскать?

– Командир сказал, что батареи и еду нам доставят.

– А сам-то он где?

– Он с группой ушел, должен скоро быть.

– И давно?

– С неделю.

– Обожди-ка, – я вытащил трофейную карту. – На, посмотри, ничего тут интересного нет?

Она несколько минут рассматривала карту.

– А откуда это у вас?

– Вот тут, – я показал пальцем, – я вчера десяток немцев положил. Карту у них и взял. А вот этой дорогой они шли. По этим тропкам, видишь, другие группы ходят.

– Сюда наши должны были выйти, – ее палец указал на красный кружок. – Тут у немцев армейский узел связи.

– Похоже, что тут их и накрыли. Иначе с чего бы это немцы всполошились-то?

– Нет! Наши ребята все ловкие! Их так просто не поймать!

– Эти, – кивнул я в сторону погибших, – тоже небось не совсем лопухи были. И что? Против большой толпы фрицев небольшой группе не выдюжить.

– А вы сами-то?

– Ты меня с собою-то не равняй! Да и ребята ваши, не хочу худого слова сказать, мне тоже особо не противники. Я ТАКУЮ войну видел, что никому из вас и не снилась даже! Да и учителям вашим тоже! И то – в лобовую на толпу фрицев не полезу в одиночку. И в осиное гнездо, узел связи этот, тоже соваться не стал бы. Там немцев, чай, не рота сидит. И не первогодки, а солдаты опытные.

Она притихла.

– Кто сюда прийти должен? И когда?

– Не сюда. У нас точки встречи установлены. По четным дням – одни. По нечетным – другие. Вот ребята и ходили по очереди их проверять.

– И сколько бы вы еще так ждали?

– Пока помощь не придет.

– А если не придет?

– Должна прийти! Командир обещал!

– И где он теперь сам?

Наступило молчание.

– Ладно, – я встал и протянул ей автомат с подсумками: – Бери. Я вон пулемет прихвачу.

Отойдя к немцам, я в темпе обшарил их подсумки, набрал патронов. В ранце у пулеметчика обнаружилась одна пустая и одна заряженная лента. Ничего, время будет, и пустую снаряжу.

– Ну что? Потопали отсель?

– Ребят похоронить надо бы...

– Котенок (вот же, сорвалось!), у нас на хвосте скоро будет толпа разозленных фрицев. Я не очень-то хочу встретить их тут. Так что времени у нас нет, пора отсюда сваливать. Вот отойдем подальше, там уже и будем рассуждать, что и как.

Прихватив вещмешок с рацией, мы быстро ушли в лес. Я старался по возможности путать следы. Но вся надежда у меня была на вновь пошедший снег. Если повезет, то он присыплет наши следы.

В нехилом темпе мы отмотали около десятка километров. Ноги у меня уже начали гудеть.

– Все. Перекур, – опустил я на поваленное дерево. – Передохнем пару часов.

Достав из мешка банку консервов, я вскрыл ее ножом.

– Держи. У меня еще есть.

Несколько минут мы молча поглощали содержимое банок. Ноги стали понемногу отходить.

– Ну, что, Котенок (ну все, прилипло – не оторвешь!), какие у тебя планы на будущее?

– Наших ждать надо...

– Как сегодня? – Ее глаза начали подозрительно блеснуть. – Ну ладно, ладно. Успокойся, я тебя обижать не хотел.

– Ребят жалко... Ростовцев Ваня, тот, что в лесу остался, он добрый был. Шутил, конфеты мне таскал...

– А те, что на поляне?

– Тот, что у стога, – Миша Бронский, он из Ростова. У нас недавно, только перед выходом и пришел. А со мной рядом Володя Кашинский был, мы с ним вместе школу заканчивали.

– Да, не повезло им. Ну война, она все по-своему расставляет. Кому жить, а кому...

– Дядя Саша?

– Да?

– А вот на руках у вас что?

– Долго рассказывать, Котенок.

– А все-таки?

– Ты мне лучше вот что скажи. Что дальше делать будем? Твои ребята уже, скорее всего, не придут. Немцев тут скоро будет – как зрителей на Красной площади в парад. Не пройти им. Уходить надо.

– Куда?

– Через линию фронта, к нашим.

– Нет, дядя Саша. Вы идите, если вам надо, а я ждать тут буду. У меня приказ.

– Ну хорошо. Продуктов я тебе оставлю. Патронами поделюсь – есть у меня запас еще. В лесу как спать будешь? Костра вы ведь не жгли?

– Нет. В кучку ложились и менялись постоянно. Ветки вниз стелили и сверху тоже.

– Угу. И с кем ты теперь в кучку ляжешь? Медведя поднимешь?

Марина упрямо молчала.

– Ладно. Попробуем так. Командир твой какой тебе дословно приказ отдал?

– Не мне. Ростовцеву.

– Хорошо, пусть так.

– Ждать возвращения группы с разведанными. Получить посылку с продовольствием и батареями. По возвращении группы – передать нашим полученную информацию.

– А если группа не приходит?

- Ждать посылку, там будут указания.
- А если и этого не будет?
- Пробиваться к своим.
- Ну наконец-то, и полугода не прошло! Я-то тебе о чем талдычу уже целый час?
- Все равно. Я должна их ждать еще четыре дня.
- Ну, четыре дня – не вечность. Уже кое-что. Что же такого ваши ребята должны были с этого узла связи притащить? Молчишь? Ну, это твои секреты. У меня и своих хватает.
- Этих? – она снова кивнула на руки.
- И этих, и других. Смотри, – и я вытащил из вещмешка одну из генеральских папок. – Немецкий знаешь?
- Немного, в школе учила. И в разведшколе преподавали чуток.
- Тогда – поймешь. А я вздремну чуток.
- Чуток затянулся на пару часов. Сначала я еще слышал, как шуршала бумагами Марина, потом усталость все-таки взяла свое, и я уснул.
- Когда я проснулся, Марина все еще копалась в бумагах.
- Ну ты у нас и усидчивая! Я уж думал – и ты чуток вздремнешь.
- Дядя Саша, откуда это?
- Там такого добра еще до фига. – Я приоткрыл мешок, который лежал у меня под головой, и высыпал на снег зольдатенбухи. – Видела?
- Марина кивнула, в ее глазах мелькнуло удивление.
- Так вот – это не все. Если бы я сегодня не торопился – и у этих бы все забрал. Да и с собой не с руки все тащить – я же не трактор.
- Это вы их?
- Нет – Александр Македонский! Ну ты прям как первоклассник спрашиваешь. А меня про наколки пытаешь. На, смотри, – и я расстегнул полушубок. Приподнял свитер и распахнул рубашку. – Впечатляет?
- Да...
- Немцев тоже... впечатлило. Вот и лоханулись.
- Что?
- Прозевали они, говорю. А я и воспользовался.
- Так вы... вы – разведчик?
- Эх, Котенок, если б все так просто было... Ты себе и представить не можешь, чего я только не прошел за свою жизнь...
- Я понимаю. Есть военная тайна, и ее нельзя раскрывать.
- А кроме военных – других не бывает?
- Есть еще... государственная тайна есть – так зачем вы МНЕ все это говорите? У меня ж допуска такого нет?!
- А если это – и не тайна вовсе, но никто не поверит?
- Как это так? Не поверят? Так есть же те, кто видел... Всегда доказать можно.
- Можно. Да не все. И не всем. Ты вот, пока война не началась, во многое из того, что сейчас сама видела, раньше бы поверила?
- Да. Я вот не верила никогда, что можно такими жестокими, как немцы, быть. Пока не увидела, как они наших раненых добили.
- Ого! А девчушка уже успела кое-что повидать и запомнить. Вон руки как сжались!
- А то, что детьми и женщинами прикрываться можно – в это ты поверить можешь?
- От кого прикрываться?
- Ну, выставить их в окна, а самим из-за их спин стрелять.
- Да это ж... – У нее аж дыхание перехватило. – Это совсем нечеловеком надо быть!

– А я это – видел. И не раз. И как раненым головы отрезают, и много еще чего видел. Лады. Собирайся, пошли. Нам еще и ночлег устраивать надо.

Мы шли с ней по лесу, и я говорил. Должно быть, я устал держать в себе все эмоции, а может быть – просто понимал, что от нее мне не стоит ожидать какой-то подлянки. Я рассказывал ей про Афган, про Буденновск и Чечню. Про страшное слово «Норд-Ост». Она что-то невпопад спрашивала, ахала, сбивалась и сбивала меня. Удивлялась и бледнела.

– Но как же так, дядя Саша?! Вам в Москву надо, к Сталину!

– Ну, ты у нас неглупая девушка, вот и представь себе такую картину. Вылезает из леса некто, бородатый и в наколках, и говорит – везите меня к Сталину! Я великую тайну знаю! И дают ему личный самолет и везут – куда?

– В Москву!

– А на Колыму – не хочешь? Я даже тебе НИЧЕГО доказать не могу, а если кому посерьезнее? Говорил я тут с одним ОЧЕНЬ умным чекистом...

– И что он?

– Дал команду меня расстрелять. Не поверил.

– А вот это? – кивнула она на мешок у меня за спиной.

– А вот это – аргумент, Котенок. Серьезный и весомый. По крайней мере сразу меня не шлепнут, а сначала выслушают. Только для этого – еще дойти надо.

– Вотждемся ребят – и вместе!

– Твоими бы устами, Котенок, да мед пить... Ладно. Пришли мы, давай ночлег устраивать.

Облюбовав выворотень побольше, я начал устраивать там гнездо. Топорик у меня был. Нарубив несколько елочек, я, прислонив их к выворотню, сделал подобие шалаша. Марина тем временем резала лапник и выкладывала из него лежку внутри. Вплотную к выворотню я соорудил небольшой костер. Хорошо! Огонь горел чуть внизу, и со стороны его видно не было бы и так, да тут еще и елки его закрыли совсем.

– Все! Устраивайся на ночлег. Вон в мешке у меня пошуруй, там носки должны быть теплые, да и еще что-то подобное было.

Марина полезла в мешок и обзавелась некоторыми полезными ей вещами.

– Там еще пистолет лежит – возьми. Лишним не будет, патронов к «ТТ» у нас кот наплакал. А патронов к «вальтеру» там штук пятьдесят точно есть.

– Так у меня к нему кобуры нет.

– И не надо. Сунь его в карман, в левый, будет запасным.

– Так это вы так, с двух-то рук, стрелять можете. А я и не пробовала даже.

– Утром покажу. Это наука нехитрая, если голова соображает правильно. А сейчас – спать! Пока костер тепла нагнал – засыпай.

Я снял полушубок и уложил его на ворох лапника.

– Снимай свой и ложись сюда. А своим накроешься сверху.

– А вы как же?

– Дров подбросю и сбоку приткнусь. Поодиночке – вымерзнем к утру, а так и костер горит, и друг друга обогреем.

Ночью снег повалил совсем густо. Просыпаясь, чтобы подбросить дров, я слышал, как шуршат снежинки снаружи. Марина, как котенок, прижалась ко мне сбоку, и, вставая, я каждый раз осторожно ее сдвигал в сторону.

Под утро мне стали сниться какие-то непонятные сны. Серега в бане, почему-то с «СВД», узбеки с винтовками. Горящий бэтээр – где это? Афган? Чечня? Бородатый «дух» с пистолетом, который прятался за спиной знакомой девушки. Да это же Маринка! Я рванулся вперед... и проснулся. Утром подморозило, но в шалаше было относительно комфортно. Судя по тому,

что внутри было темно, снег засыпал нас весьма основательно. Костер потух, и, выбравшись из-под полушубка, я присел к нему, стараясь раздуть угли. Благо запас дров был внутри и вылезать наружу не было необходимости.

За спиной завозились.

– С добрым утром, Котенок!

– С добрым утром, дядя Саша!

– Не замерзла ночью?

– Нет, хорошо было, я даже сон видела.

– Мирный сон-то?

– Да, маму видела. Девчонок из школы.

– Надо же... А у меня все какая-то хрень снилась. Не отпускает война, даже и во сне.

Поройся там, в мешке, консервы давай, галет пачка должна быть – ее тоже тащи. Вода – во фляге. Котелок достань, воды согреем.

После перекуса я занялся военной подготовкой. Начал учить Маринку правильно ходить, смотреть. Показал ей, как работать с пистолетом с правой и с левой руки.

– Так, для начала – учимся ходить.

– Как это?

– Как и все – ножками. Встань в стойку, как если бы ты стрелять собралась.

Маринка приняла буденновскую стойку. Меня аж повело. – Так. Этот маразм забудь как страшный сон. Чтобы я тебя в такой неприличной позе больше не видел никогда.

У нее покраснели щеки.

– А что же тут неприличного, дядя Саша? У нас так все стреляют.

– Щас все начнут с моста вниз головой сигать, следом прыгнешь, за компанию?

– Нет.

– А тут что, голову включать не надо?

– ...

– Значит, так. Стоим ровно, не напрягаемся, ноги расставлены примерно вот так, видишь?

– Да.

– Покачайся туда-сюда. В ногах не должно быть напряжения, усталости. Они свободно двигаться должны. Попробуй повернуться на них влево-вправо.

Она повертелась.

– Ну как? Ногам не неудобно?

Подвинув ноги, она снова повернулась несколько раз.

– Вот так вроде бы ничего.

– Отлично. Теперь бери в руки пистолет. Я сказал, в руки!

– Так я же...

– В обе руки! Пистолет в правую, левой рукой его поддерживаешь чуть снизу.

– Так?

– Ну, примерно так. Руки не напрягай, слегка в локтях согни. Чтобы как пружинки были. Попробуй ими туда-сюда подвигать. Как птица клюет, так и пистолетом клюй. Постарайся им в сторону цели попасть.

Маринка попробовала. Получилось не очень.

– Еще раз. Ну, хоть что-то... Теперь смотри.

Я несколько раз повернулся из стороны в сторону. Вправо-влево, с приседом, кувырок назад, вбок.

– Понятно?

– Не все...

– Ну, с первого раза – и все понять, тут голова как у Карла Маркса нужна. Смотри еще раз. Попробуй повторить.

Маринка честно старалась, пыталась, и кое-что у нее стало получаться.

– Ну вот, уже лучше. Теперь – смотри. Вот так движемся при стрельбе. Глазами смотри сразу двумя! Смотрим на цель. Твоя задача – попасть в нее.

– А мушка?

– Наплюй на нее и забудь. Для стрельбы метров на десять-пятнадцать она тебе вообще не нужна.

– Из пистолета?

– Хоть из пулемета.

– А как же мне целиться?

– Куда?

– В цель...

– Я чего-то не понял, Котенок. Ты что первым делом сотворить должна?

– В цель попасть.

– Правильно. Попасть. А целиться – зачем? Я ж не сказал тебе – прицелиться. Я сказал – попасть.

– Не понимаю я, дядя Саша.

– Для того чтобы попасть в цель на таком расстоянии, целиться **ВООБЩЕ** необязательно. Попадать и целиться – два процесса независимых. Можно целиться и не попадать, можно попадать и не целиться. Вот, смотри.

Я подобрал кусок деревяшки и воткнул его в снег на расстоянии метров десяти от нас. Отошел и повернулся спиной.

– Попасть в нее легко?

– Можно.

– На «наган», попади.

Хлопнул выстрел.

– Ну, как?

– Рядом.

– Давай сюда.

Поворот, приседание.

Негромко хлопнул «наган», и деревяшка наклонилась набок.

– Сколько времени у меня на все это ушло?

– Секунда, ну две, может быть.

– В чем вопрос, поняла?

– Вы не целитесь, сразу револьвер подняли, и выстрел.

– Правильно! Времени целиться в бою не будет. Нужно сразу попадать. Глазами цель видишь, и этого достаточно.

– Это я поняла.

– Из какого оружия стрелять – все равно. Будешь цель **ВИДЕТЬ**, из любого попадешь.

– Так я вроде и так вижу.

– Видеть, как ты смотришь, и **ВИДЕТЬ** ее как **ЦЕЛЬ** – две разные вещи. Это понимать надо, Котенок. Понимать и чувствовать.

– Я постараюсь, дядя Саша.

– Этим жить надо, Котенок. «Двойка» по жизни бывает первая, она же и последняя. Вышла в бой, чувства забудь.

Все эмоции – побоку. Сможешь?

– Смогу.

– Не ошибись, Котенок. Времени у нас мало, а я еще много с тобой сделать должен успеть. Как у радистки, у тебя шансов уцелеть в этой войне минимум. Ты из котенка тигром стать должна, тогда и выживешь.

– Как это так?

– Вернешься ты с задания, думаешь, тебя чему-то особенному учить станут?

– Отдохну и...

– И снова через фронт.

– Так война же.

– Война, Котенок, головы не отменяет. Совсем наоборот. Так что пока ты САМА по себе не будешь представлять серьезной ценности, никто о тебе и думать не будет. Будешь ты – одна из многих. А я хочу, чтобы ты была одна из очень немногих.

– Зачем?

– А затем, что тогда и ценить тебя будут куда больше, чем ты сейчас стоишь. И отношение к тебе будет куда как более серьезное. Соответственно и шансы выжить у тебя будут больше, чем у всех окружающих.

– Так нехорошо же это...

– Чем это вдруг? Вот представь – два бойца. Один весь из себя серый. Ну, бежит он где-то в общей цепи, стреляет куда-то вместе со всеми – кто его видит? И кому интересно, что он там про себя думает? И второй. Тот скачет ловко, враг в него не попадает, стреляет точно. Один выстрел – один фриц. Такой боец любому командиру ценен. Дырку им затыкать не будут, еще и поставят туда, где от него больше пользы будет. А значит, и жизнь у него будет более интересная.

– Так тот, первый, не виноват, что он такой серый. Его учили так...

– Ага, значит, признаешь мою правоту?

– Ну, так это ж и так ясно.

– Ясно. Да не всем. Хочет этот, серый, по-другому жизнь свою устроить – пусть ищет шанс. Не хочет – флаг ему в руки!

– В смысле – флаг?

– Флаг ему в руки, барабан на шею, поезд навстречу и медаль – на гроб.

– ???

– Это у нас присказка такая была. Мол, если ты сам по жизни – лопух, то туда тебе и дорога. Хоть какая-то польза в этом случае будет. Так что – учись, пока возможность есть.

– Я стараюсь...

– Не всему я тебя, может, выучить успею, времени у нас немного. Поэтому – запомни. Бегать, прыгать и стрелять – хорошо, но это – не главное.

– А что тогда – главное?

– Думать. Учись думать, Котенок. Соображать. Будешь думать не как все, не стандартно – всегда будешь на шаг впереди врага идти. Всегда ищи – каким непривычным путем пройти там, где тебя не ждут. Самое страшное в бою – это стереотип мышления.

– Стереотип...?

– Шаблон. Действия по шаблону. Потому что так принято, так привычнее и понятнее. Если твоих действий противник предсказать не сможет, то и ждать тебя не будет там, где ты выйдешь. И выстрелишь ты первая, и ударишь – и уйдешь живой.

В общем, к обеду мы оба изрядно подустали. Поэтому обеденную порцию умяли за обе щеки.

– Котенок, проведи ревизию. Что у нас там с продуктами? Нам к тайнику твоему когда идти надо?

– Завтра. А чего вы меня, дядя Саша, все время Котенком зовете? У меня имя есть.

– Ты не обижайся, но уж больно ты на него похожа. У меня, у дочери средней, такой вот живет. Пушистый, и глаза у него все время удивленные такие. Прямо как у тебя.

– Сибирский?

– Нет. Шотландский вислоухий, – и я постарался изобразить на снегу кошачью морду. Вышло не очень, но Марину впечатлило.

– Шотландский? Это откуда такой?

– Вообще из Англии. Там эту породу вывели. Но ей из Москвы привезли.

– Так вы в Москве живете?

– Жил. А сейчас даже и не знаю, где придется дальше-то жить. Ладно, об этом думать будем после, когда отсюда уйдем. Так что у нас там с продуктами?

– Если так и дальше есть будем, то дня на три еще точно хватит.

– Ну, а больше и не надо. На дорогу выйдем, немцев попросим – поделятся.

Марина передернула плечами. Видимо, представила себе эту сцену.

– Так. Полчаса отдых. После опять учиться будем. Твоих бы учителей – мордой бы и об забор. Кого только в поле выпускают!

– Так я же радист.

– Да хоть санитарка! В разведку пришла – должна ВСЕ уметь. Ладно, дай срок, натаскаю я тебя, чтоб хоть самому не краснеть!

После вечерних занятий ноги (да заодно и руки) гудели уже весьма основательно. Маринка оказалась сообразительной девочкой, на лету, конечно, не хватала, но все же... Эх, мне бы ее на месяцок – погонять всерьез, глядишь – и вышло бы что-то приличное. Но и так уже лучше, чем раньше.

Ужин показался необычно вкусным – Маринка постаралась. Даже нарвала какой-то травы и, мелко порезав, добавила ее в тушенку. Кстати – предпоследняя банка осталась, пора уже на промысел.

– Молодец, Котенок! Так готовить будешь – заздоровеем немерено!

– Шутите вы...

– Нет, правду говорю. У меня вон одна из дочек тоже из простых вроде вещей так очень даже вкусно приготовить может. Времени только вот не всегда хватает на готовку.

– Дядя Саша...

– Да, Котенок?

– Расскажите, как это все у вас там происходит? Как люди живут? Что вокруг творится?

– По-разному. Кто-то очень даже и неплохо себя чувствует, кому-то кисло пришлось. Эх! Неохота мне сейчас обо всем этом вспоминать! Расслабну, разомлею, как кот на солнышке, тут и до беды недалеко.

– Ну все-таки?

– Вот линию фронта перейдем, дадут нам пару дней на поправку, тогда и поговорим. Ты лучше про себя расскажи.

– А что ж я такого рассказать могу?

– Да что есть – то и говори. Ты ж вот не сразу на свет с рацией и в маскхалате появилась-то?

Маринка прыснула, видимо представив себе эту картину.

– Ну, вы и скажете! Я из Пулково, это под Ленинградом, знаете?

– Слышал. Бывать не приходилось, но название знакомое. В самом-то городе я часто бывал, а вот в Пулково – не приходилось как-то.

– Нас в семье двое было. Я и брат мой младший, Вовка. Я только перед войной семилетку закончила и в радиотехническое училище поступила.

– Понятно, почему тебя радистом взяли.

– Так и не сразу! У нас много кто заявления писал, а взяли только десять человек! Я и не попала в первую партию... Потом уже еще один командир приехал и с каждым говорил. Вот тогда мне и повезло.

Странные у нее понятия о везении! Хотя, в то время... Это у нас, ныне, каждый от армии откосить пробует, а тогда – дело другое было.

– Ну, и дальше что было?

– Учились мы. Рацию учили, с парашютом прыгали.

– Много?

– Пять раз!

– Охренеть, как до фида...

– Стрелять нас учили...

– Ну, если так, как я это сейчас вижу, – то лучше бы время и не тратили.

Маринка обиженно надулась:

– Я в десятку три раза из десяти попадаю!

– На стрельбище. Из положения лежа.

– Да... Нас так учили...

– И толку от такой стрельбы? Позиционную войну вести собирались?

– Да так, как вы умеете, так у нас даже и инструктора не могут.

– Могут. Только это другие инструктора должны быть. И учить вас надо было не наспех, а всерьез. Чтобы такие, как ты, легко троих-четверых противников, вооруженных причем, могли бы слепить в пять секунд.

– Мы сумеем еще!

– Сумеете, не спору. Только времени это займет прилично, и сколько еще таких ребят молодых погибнет раньше срока?

– Так война же!

– Войну тоже по-разному вести можно.

– Это как же?

– Можно в лобовую атаку на пулемет за версту переть. Можно его из пушки за пять минут закопать. Можно взвод в оборону в чистом поле положить, а можно его спрятать и во фланг противнику и долбануть. Да много чего можно еще. Только голову на плечах иметь надо.

Маринка снова насупилась. Совсем еще ребенок – вон как щеки надула!

– Дядя Саша?

– Да, Котенок.

– Про дочек своих расскажите.

– Что ж тебе о них рассказать?

– Сколько их у вас?

– Трое. И два сына.

– И не тяжело?

– По-всякому бывало. Сейчас и не тяжело уже, подросли.

– А что они у вас носят? Платья у них какие – красивые наверно?

Да, во все времена все женщины мыслят похоже... Я представил себе Маринку, наряженную в готическое платье, и аж поперхнулся.

– Невеликий я спец по рисованию, но попробую тебе изобразить.

От некоторых моих художественных изысков у Котенка покраснели даже уши...

– И такое у вас на улице носят?!

– И не только такое... Давай лучше лежку готовить, а то я уже заговариваться скоро начну.

Визит к тайнику ничего не дал. Никто не приходил туда, кроме нас, это было очевидно. Маринка заметно погрузнела, так что пришлось выбивать из нее эту грусть усиленными заня-

тиями. Незаметно пролетел день, потом еще один. Следующие визиты к тайникам тоже оказались безрезультатными.

– Ну что? Дальше ждать будем?

– Не знаю... – Маринка явно была растеряна. – Должны же были ребята прийти. Не могли же нас тут забыть?

– Эх, Котенок, знала бы ты, кого и как часто так вот забывали... У нас ведь и с едой – не очень, ждать особо и не можем уже.

– Так, может, у немцев попросить?

– Может, сразу у Черчилля? Ладно, делать все равно нечего, посмотрим.

Плюх!

Котенок смачно впечаталась попой в снег.

– Опять? Сколько раз я тебе говорил – надо уходить вбок! – Да, легко вам говорить, сами вон как крутитесь, а я и не успеваю даже...

– У меня с тобой разница больше чем в тридцать лет! Это я за тобой успевать не должен, а не наоборот! Вставай, хватит отдыхать.

Я протянул ей руку.

– Показываю еще раз! Отбив ствола в сторону, шаг сюда, захват, проворот на месте. Это – ясно?

– Да.

– Повтори.

Маринка крутнулась на пятках, перехватывая ствол.

– Ну вот, можешь же! Еще раз.

Еще проворот, еще один...

– Так, правильно! Теперь смотри, следующее движение.

За мушку его, вот так, теперь – вот так. И – все! Поняла?

– Ведь немец выстрелить сумеет!

– Ты думаешь? Смотри.

Я взвел затвор у автомата.

– Держи. Попробуй выстрелить. Не бойся, все равно не сумеешь.

Маринка взяла автомат в руки, подобралась и стала похожей на взъерошенного котенка.

– Готова?

– Да, только страшно ведь...

– Сказал – не бойся!

Шаг вперед, отбив ствола... Левая рука скользнула вперед.

Щелк!

– Ну? Удалось стрельнуть?

Маринка удивленно рассматривала автомат, стоящий на предохранителе.

– А как же это... как вы так смогли?

– Дальше показываю! Становись!

Так, по кругу. Отбив, захват, затвор, предохранитель – опа! У Маринкиного виска подрагивал, зажатый в руке, магазин. Секундой раньше он был в автомате.

– Еще секунда, и кранты! В магазине весу хватит, чтобы висок проломить. Можно и просто автомат отобрать, ну это я тебе уже показывал.

– А пистолет, тоже так?

– Нет. Это иначе делается. Смотри сюда.

Захват, шаг вперед, проворот.

– Уяснила?

– Да! Давайте я попробую!

– Ну, давай, действуй. Ого!

– Больно?

– Нет, нормально все. Еще разок! Отлично. Теперь передых, десять минут.

Мы присели на бревно.

– Дядя Саша?

– Да, Котенок?

– А вот как же так выходит, вы же выше меня и тяжелей. Да и сильнее намного...

– Тут, Котенок, не сила нужна. Ты вот видела, как я двигаюсь?

– Быстро.

– Но можно и быстрее, и наверняка ты видела, как люди быстрее меня двигаются.

– Видела. Но они как-то по-другому, резче.

– Вот! В этом одно из отличий и есть! Резкое движение человек непроизвольно фиксирует и к нему подсознательно готовится. А плавное движение замечает с опозданием и не успевает среагировать.

– Это понятно, но все равно, что-то не так.

– Правильно. На тебя здоровенный мужик поперет, ты ж его с ног иначе как пулей не сшибешь?

– Это если в лоб его бить.

– Во, уже смекаешь! В лоб его и я не факт, что снесу. А вот подтолкнуть его в ту сторону, куда он и сам ломится, сам бог велел! Да если ты его еще и подкрутишь при этом, как я тебе уже показывал, так он всей мордой в стену и зароется.

– И каждого так завернуть можно? Даже и вас?

– А я что – особенный? Как и все, на двух ногах хожу, двумя руками машу.

– Ну, махать вы ими очень даже ловко можете...

– Дай срок – и ты сумеешь! Ты вот танцевать хорошо умеешь?

– Стараюсь.

– Вот и тут, как в танце. Не должно у тебя промежутков и остановок быть, когда работаешь. Каждое движение плавное и не резкое, но быстрое. Конец одного есть начало следующего.

– Интересно как...

– Вот и попробуй мне сейчас протанцевать все, что я тебе сегодня показал. Только сразу и без остановок.

А хорошо у нее все это получается! Будет из девчонки толк! Вон как на лету подстроилась, даже что-то себе под нос напевает.

Однако же пора и о хлебе насущном подумать. Пора нам уже скоро и на дорогу выходить. Она у нас тут хоть и не очень большая, однако же пожить на ней мы сумеем.

К дороге мы вышли через три часа. Можно было бы и раньше, но я специально сделал крюк, чтобы не выдать следами направление нашего движения.

– Слушай сюда. Твоя позиция – вот тут, у поворота. Смотришь в обе стороны. Что увидишь нехорошего – стучишь костяшками пальцев об автомат. Вот так. Поняла?

– Да.

– Этот звук для леса неестественный, и ни с чем его я не перепутаю. Ты тоже слушай, если что – я такой же сигнал дам.

– Ясно.

– Задача такая. Ждем одиночный грузовик. Мотоцикл тоже подойдет, но это – на крайний случай. Легковушка – тоже хорошо, но маловероятно, тут им делать нечего. Нам в первую очередь продукты нужны, а откуда они возьмутся в легковушке или в мотоцикле? Поэтому и ждем грузовик. Первой не стреляй, жди меня. Даже когда бой завяжется – жди. Пусть немцы ко мне все развернутся. Тогда и стреляй. Старайся бить короткими, вместе со мной или с немцами. Понятно – почему?

– Почему?

– Чтобы они тебя раньше времени не срисовали. А если так делать будешь, то двоих-троих, а то и больше подберешь тихо. Все, расходимся.

Позицию я выбрал на повороте дороги. Прямая на протяжении метров восьмисот, здесь она дважды поворачивала, огибая маленькое озерцо. От поворота до поворота было метров семьдесят. На одном повороте я уложил Марину, а сам обустроился на втором. Прошло около часа, в лесу было тихо. Но вот сквозь шум ветра послышался какой-то звук. Поскрипывание, звон – это еще что? А вот оно что! Подвода! И на ней – четверо. В бинокль я рассмотрел понурого возницу и трех полицаев. Кстати, совсем неплохой вариант. Они местные – значит, голодными путешествовать не будут. Ну-ну, подождем... Не забыть вовремя Маринке сигнал подать, а то дергаться будет.

Первого полицаю пулей снесло с подводы на дорогу. Второй схватился было за винтовку, но схлопотал две пули и кулем осел у заднего колеса. Третий сразу поднял руки и застыл как изваяние. Возница обеспокоенно повертел головой, но с места не встал, остался сидеть.

– Не двигаться никому! Оружие бросить! – гаркнул я, не выходя из кустов.

Полиций судорожно рванул с плеча винтовку, бросил ее на дорогу.

С «браунингом» в руках я осторожно вылез из-за кустов. Пулемет висел за спиной.

Подойдя поближе, я отфутболил винтовку в кусты. Потом проделал ту же операцию с винтовками других, менее везучих полицаев.

– Оружие еще есть?

– Нет...

– Продовольствие, боеприпасы?

– Вон, в телеге лежит.

– На дорогу.

Поминутно оглядываясь, полицаи стали таскать на дорогу продовольствие. Что у них тут? Хлеб, сало, даже окорок есть! Нехило запаслись. Консервы – тушенка, откуда? Немцы поделились? А не все ли равно?

Так, и что с ним теперь делать? Пристрелить? Молодой еще пацан, жалко. Да и что после этого с возницей сделают? Так у него хоть какой-то шанс будет.

– Короче! Топаешь ногами вон туда, куда и ехал. Отойдешь метров на двести и стоишь. Подвода тебя догоняет, садишься и едешь дальше. Обернешься – получишь пулю. Усек?

– Да.

– Выполнять!

Полиций бегом припустился по дороге.

Я повернулся к вознице:

– Забирай эту парочку жмуrow, грузи их на телегу и можешь ехать.

Возница быстро затащил покойников в телегу и хлестнул кнутом лошадь. Та рванула с места, и, проехав метров двадцать, телега правым боком сползла в канаву. Возница хлестнул лошадь раз, другой. Безрезультатно.

– Мил человек! Не подсобишь? Подтолкни ее хоть малость, лошадь вон не может вытащить-то, а?

– Добро, дед. Помогу.

Я уперся плечом в задок телеги, нажал. Хрустнув, она подвинулась вперед. Ну и ладненько!

Щелк!

– Не двигайся! – Голос возницы звучал как-то иначе, чем раньше. – Голову не поднимай и руки на виду держи. Так. Пулемет на дорогу брось. Пистолет тоже. Три шага назад.

Я отошел. Теперь мне виден был возница. Распрямившись, он стал выше ростом и как-то здоровее. В руке у него был зажат «ТТ».

– Не ожидал? – ехидно поинтересовался он. – Думал, тут простой крестьянин за вожжами сидит?

– Да, – кивнул я головой. – Так и думал.

– Так и зря ты так думал-то! Ванька! Дуй сюда, сейчас мы этого комиссара вязать будем! Полицай бегом припустился обратно.

– А в совло не боишься схлопотать?

– Чего? – возница ошарашенно посмотрел на меня. – Это еще почему?

– За комиссара.

– А кто ж ты еще есть?

– Ну на, полюбуйся, – протянул я ему руки. – Почитай, коли грамотный.

– Не вижу я отсель.

– Я не гордый, подойду, – и я сделал пару шагов к телеге. – Теперь видно?

– СЛОН... Это... Ты с Соловков, что ли, будешь?

– Оттуда. До фи́га ты там комиссаров видел?

– Не был я там. Но комиссаров там, точняк – не было. Кореша говорили... Ты, это, на месте стой!

– Я и так не пляшу. Могу вон даже и сесть, если хочешь.

– Захочу – так и спляшешь. Мало ли кем ты раньше был? Сейчас времена уже другие.

На полицию нападать – это тебе боком выйдет.

– Что те менты, что эти – один хрен, легавые.

– Ты тут говори, да не заговаривайся! – Видно было, что первоначальный напряг его отпустил. Держался он уже не так настороженно и больше не «цеплял» меня взглядом. – Новая власть шутики шутить не будет!

– Много ты знаешь...

– На тебя хватит! Тут вон каких головорезов в лесах отловили, аж из самой Москвы заслали! И – ничего, все как миленькие спеклись, никто не ушел! И ты тут – невелик селезень будешь. И с тобой разберутся быстро...

– Надо же, а я и не видал никого, а то б побазарили.

– Не видал он! Да их с самолета аж у Михайловки сбросили, досюда верст двадцать будет.

Да и стали бы они с тобой базарить, нужен ты им, как собаке колесо.

– Не скажи... Это как спрашивать...

– Вот мы сначала тебя и поспрашиваем, чего ты тут шурудишь...

Та-тах!

Короткая очередь отбросила подбегавшего молодого полицая на спину.

В следующую секунду я, оттолкнувшись, кувырком влетел в телегу. Над моей головой бабахнул «ТТ». Удар – и, выбитый из рук стрелка, он канул в снег. Стрелок же полетел на дорогу.

– Ну, че, родной? – Я мягко спрыгнул следом. – Теперь тебе со мной не в падлу побазарить будет?

– А что ж не побазарить-то, – вдруг спокойно проговорил он. – И побазарим...

В руке у него откуда-то появился нож.

– Не будут твои кореша стрелять, рядом мы стоим, так и тебя зацепят ненароком.

– И на что ж ты, голуба, рассчитываешь? Меня порежешь и уйдешь?

– А это уж не твоя печаль. Ты о себе подумай.

– Чего ты тут про головорезов говорил? Когда их сбросили?

– А тебе какое дело? Н-на! – И нож в его руке прыгнул вперед.

Ну-ну... Отбив правой, шаг в сторону, захват, поворот, и вот уже нож упирается в горло собственного хозяина.

– Я тебе вопрос задал? Чего молчим?

– Неделю! Неделя уже прошла!
– Сколько их было?
– Не знаю! В Михайловку семерых привезли! Убитые все!
– Живой ушел кто?
– Да не знаю я! Может, и ушел кто, парашютов восемь штук нашли, они их и снять с деревьев не успели...

– Точно говоришь?
– Что слышал, то и говорю. Не знаю я ничего больше, слышишь?! Отпусти, а?
– Отпускаю... – Толчок руки, и, захлебываясь кровью, возница рухнул на дорогу. Подбежавшая Маринка с размаху кинулась мне на грудь, и ее руки обхватили меня за шею.

– Почему ты... почему вы так стояли? – Она чуть не плакала. – Я стрелять не могла!
– Потому и стоял. Чтобы ты в горячке не пальнула.
– Зачем?
– Ну, отойти мне в сторону этот тип все равно не дал бы. Сам бы и выстрелил. А ты с такой дистанции могла бы и меня зацепить. Автомат – не снайперка, разброс у него есть, да и в руках гуляет при стрельбе.

– А потом?
– Это когда он с ножом полез?
– Да.
– Ну, тут у него кишка тонка со мной тягаться. Я таких, как он, еще парочку слепил бы, не поморщился. Да и «наган» у меня за пазухой лежал.

– А что ж ты не стрелял?
– Мне разговорить его надо было. Он, пока тут передо мной гоголем ходил, много чего интересного сказал. Так что не волнуйся, все ты правильно сделала. Вот и этого снесла – любо-дорого посмотреть.

Маринка покосилась на молодого полицейя.

– Я в него – в бегущего стреляла.
– И в два патрона уложилась! Молодец! Все – разговоры потом, сейчас трофеи подбираем и ходу-ходу отсюда. Пока новые гости не пожаловали.

Пока Котенок набивала вещмешки продовольствием, я осмотрел полицейев. Ничего интересного у них не было. Справки о том, что они являются служащими полиции, полтора десятка патронов к «ТТ», еще кое-какая мелочь. Спички и зажигалку я приватизировал, не помешают. Кусок брезента в телеге оказался приятным подарком, пригодится обустроить наше логово.

Продуктов набралось прилично, два полных вещмешка. Этих запасов хватило бы еще как минимум дней на десять. А то – и больше.

Уже на подходе к лагерю, я рассказал Котенку о парашютистах. Она сразу помрачнела.

– Ваши?
– Да, дядя Саша, это, наверное, к нам помощь шла...
– Не дошли, как видишь.
– Может, еще и остался кто?
– Может. Полицай про восемь парашютов говорил, а убитых семеро привезли.
– Тогда... может, еще подождем денек?
– Когда у нас визит к тайнику?
– Завтра.
– Вот еще раз сходим и снимаемся отсюда, лады?
– Да, дядя Саша. Вместе пойдем.
– Ну и славно.

С помощью найденного брезента я слегка улучшил наше логово. По крайней мере перестало дуть во все щели. Надо было потихоньку готовиться к выходу. Часть припасов возьмем с собой, часть придется бросить. Еще день ожидания, еще один поход к тайнику – и все, уходим отсюда. Понятно было, что наше ожидание не принесет ничего, никто к нам не придет.

Я ошибался...

Утром мы проснулись рано. Котенок пригелась и просыпалась с явной неохотой, пришлось слегка посыпать ее снегом. Наскоро перекусив и уложив вещи (с тем, чтобы потом их быстро подхватить и уходить), мы двинулись в путь.

– Дядя Саша.

– Ну?

– А почему вы вчера этого, молодого, стрелять не стали сразу?

– Тогда надо было и возницу сразу валить, а я думал тогда, что он вполне себе мирный человек и к их делам непричастен. Его ж легко могли и к стенке поставить, привези он их всех холодными. А так, если бы хоть один в живых оставался, был бы и у него шанс.

– Так полицей про нас все и рассказал бы.

– Про меня! Вылез из леса бородатый мужик в наколках и в гражданке. Ограбил и смотрелся. И искали бы грабителя, а не советских парашютистов. Чуешь разницу? Тем более что нас с тобой тут уже и не было бы вовсе. Вот и распылили бы немцы свои силы. А сильным всюду быть нельзя. Где-то обязательно прослабнет. Нам и надо эту слабинку отыскать вовремя.

– А сейчас что будет? Их же хватились уже наверняка.

– Думаю, что уже и нашли. Поэтому мы тут и не будем задерживаться больше чем надо. Проверим тайник, вещи заберем – и ходу отсюда.

– Опять мне рацию тащить...

– Ну, извини! Мой-то мешок потяжелее будет, там еще и еды напихано, кроме бумаг и боеприпасов.

За разговором мы дошли почти до места. Тайник представлял собой поваленное дерево немалых габаритов. Собственно, тайником служила гильза от снаряда, уложенная между корнями. В ней должны были оставлять записки связные. Пока что в ней была только наша записка с условным значком, означающим ожидание. Ее мы и хотели забрать. После чего тайник считался бы недействующим. Предыдущую записку мы уже изъяли, и тот тайник более не работал.

Что-то не понравилось мне сразу. Обычно в этом месте присутствовали какие-то шумы. Птицы покрикивали, кусты иногда потрескивали. Сейчас птиц слышно не было вовсе. А вот кусты, да, потрескивали, но как-то не так. Не так? Очень даже так! Это кто-то ветки отгибает с дороги!

– Тсс! – Я поднял руку. – Гости! Ложись!

Котенок тут же укатилась в неприметную ложбинку, на ходу сдергивая автомат.

Я метнулся к небольшому холмику, откуда просматривался тайник.

Дерево – вон оно! Что-то изменилось в пейзаже... Вот! Цепочка следов! Ведет из леса к дереву и там же заканчивается. Шел один человек. И сейчас он около дерева. Лежит? Похоже... А кто тогда ветками трещит? Подождем...

Я отыскал взглядом Котенка. Вот она – лежит в ложбинке и смотрит в мою сторону. Жестами я показал ей, куда переместиться. Она кивнула головой и спряталась. Поползла, вон подошвы сапог замелькали.

Так, а где же наши трескуны?

Треск стих, и больше я никого не слышал. Прошло еще около часа, и я заметил, наконец, движение у дерева. Где бинокль? Вот он.

Человек в маскхалате, оружия не видно. Лежит вдоль дерева, вытянулся, смотрит на лес. Видимо, тоже что-то слышит. Ну, он к кустам ближе, ему и карты в руки. Вместо карт неиз-

вестный вытащил пистолет. Ого! Видать, он уже не просто слышит, но и видит уже? Интересно – кого? Я с холма никого не наблюдаю пока.

Вот он! Человек с винтовкой, шинель черная – полицей. Еще один – правее. Все, что ли? Нет, вот еще один – обходит дерево справа. Интересно, их тут что – всего трое? Что-то верится с трудом. Но больше никого не вижу. Со стороны Котенка похоже, что никого нет. Ну, в принципе, там овраг, снег глубокий, и идти с той стороны трудно. Ладно, примем пока за основу, что их трое.

Хлоп!

Внизу негромко кашлянул пистолет. Рано! Куда ж ты стреляешь, мил человек, далеко же еще! Вот и полицей упал в снег, но цел, вон как пополз, аж пятки засверкали. Подождем пока. Дерево стрелка укрывает хорошо, доберутся до него не сразу. Для «нагана» далеко, а вот для пулемета – самое то. Будет надо, я вас быстро настрогаю на щепки.

Полиции зашевелились и начали стрельбу. Как-то странно они себя ведут, стреляют больше в направлении стрелка, нежели по нему. Боятся?

Стрелок не отвечал, и полиция осмелели. Начали потихоньку подползать. Вот один пристал, что это у него в руках? Граната? Ну нет, дорогой, этот вертолет не полетит!

Ду-дут!

Пулемет дернулся у меня в руках, и полиция словно перешибло в пояснице.

Бах! – это уже граната сработала. Не ошибся я, правильно сделал. Сейчас бы он этого стрелка приголубил...

Так-так-так... А не нравится мне это ощущение, ох как мурашки по коже пошли! Есть кто-то тут еще, есть! И сейчас он меня высматривает, прямо всей кожей чую.

Снайпер?!

Только этого не хватало! Надо уходить, я ему не противник вовсе. А стрелок? Порешат ведь! Котенок! Я не вижу ее отсюда, а снайпер? Где он?!

Ладно, рискнем. Попробую его на живца вытянуть.

Полиция, обходивший поляну с тайником справа, вдруг вскинул винтовку.

Бах! Бах!

И стрелок уткнулся головой в землю...

Ду-ду-ду-ду-дут!

Теперь уже полиция завертелся на месте, взмахивая руками. Пробежал шагов пять, споткнулся, упал... попытался встать, руки подломились... все...

В-в-ж!

Прямо над головой!

Засек он меня!

Где ж он, гад ползучий, лежит?

Сзади – нет, оттуда тайник не видно. Слева? Тоже нет – холм меня почти всего закрывает. Спереди или справа? Не справа – оттуда полиция, мною подстреленный, шел, он бы ему сектор стрельбы перекрыл. Спереди? Тот, что с гранатой полз, – отчего вставать не хотел? А может – боялся? Стрелка у дерева? Тот и не видел его вовсе, дерево мешало.

В-в-ж!

Еще одна. Он бьет по месту, где видел вспышки выстрелов. Не сползи я левее – была бы дырка в башке. Плохо. Место нашего отхода он видит, его нам не обойти – болото не даст и овраг. Один отсюда путь. Если он лежит на той горке – наши следы уже рассмотрел. А может, и нас сосчитал. Понятно, отчего они стрелка так долго не трогали. Ждали – кто к нему придет. Спустишь мы к дереву, все – не ушли бы. Справа полиция в засаде, спереди и слева. Прямо на горке снайпер. Спустишь я с холма, там бы и лег. Так, минутку... Все видит только снайпер, у полицей в засаде обзор хуже. Что они делать будут? У них уже минус два, сколько их тут еще? Немного, иначе уже пошла бы проческа. Левый полицей – где он сейчас? Я его не вижу – холм

не дает. Он меня – тоже. По той же причине. Значит – он пойдет вверх. Снайпер прикроет, и я голову не подниму. Котенок! Она может полиция засечь. Хорошо, но про снайпера она не знает. Ладно, она в овраге, снайпер не достанет. Что делаем? Ждем. Полиция ждем, после подумаем о том, как от снайпера сбежать.

Шло время. Снайпер стрелял еще один раз. Куда-то левее меня. Засек? Кого?

Шорох! Кто-то полз наверх по невидимому мною скату холма. Вот черт, а если он гранатами меня закидает? Я и не увижу ничего! Навстречу ползти? Там снайпер. А если – к тому холмику? От снайпера прикроет. Не всего, но в данном случае и то – божий дар.

Коротко треснула автоматная очередь.

Из оврага? Котенок!

Кто-то заорал во всю глотку, и в сторону оврага полетела граната.

Бах!

Ах ты, сволочь!

И я рывком перекинул тело через холмик.

Склон косо уходил вниз, к лесу. Метрах в десяти от гребня холма лицом вниз лежал полицейский. Шинель на его спине топорщилась пробоинами. Метрах в пяти от него, припав к автомату, короткими очередями стрелял в сторону оврага второй полицейский. Пулемет коротко рыкнул, и полицейский покатился вниз по склону.

В-в-ж!

Воротник полушубка дернуло злым ветром. Выпустив из рук пулемет, я опрокинулся на спину, перекатившись при этом назад, за гребень. Ну, пулемета у меня теперь нет, правда, и полицейских внизу тоже нету. Остался один снайпер. Вот интересно – что он теперь делать будет? Одного, как он думает, ему снять удалось. Но ведь есть еще второй, и его не достать. Уйдет? Или как?

– Дядя Саша!

Котенок! Вот она – бежит вверх по склону! Справа от нее взлетел фонтанчик земли. Снайпер, сволочь!

– Котенок, ложись!

Не слышит! Вскинула автомат и стреляет длинными очередями куда-то в сторону снайпера. Выстрелы! Она не слышит ничего! К пулемету! Прижму его огнем, чтобы она проскочила...

Поздно...

Отброшенная ударом пули, она покатилась вниз по склону холма...

Я не видел, куда она упала. К горлу подкатил ком, и стало трудно дышать. Черт!

Котенок, ну как же так? Что ж ты не усидела? За каким чертом тебя понесло наверх?!

Я лежал. Не двигался. Даже почти и не дышал, чтобы пар от дыхания не выдал меня. Сорвав пучок травы, я старался выдыхать под него, чтобы пар не поднимался вверх заметным облачком. Он придет, он не может не прийти. Он должен увидеть дело своих рук. Если он уйдет – я пойду следом. Следы его останутся на снегу, и я догоню его все равно. Даже если он уйдет в деревню, я достану его и там. Снайпер – не иголка, наверняка фигура заметная. Особенно если он из полицейских. Нет, он не полицейский. Бывший солдат, скорее всего. Неважно. Я найду его, и будет ему грустно...

Скрип снега! Еще! Кто-то поднимается по склону. «Наган» прыгнул в руку сам собой. Так – барабан полон. Все готово. Ну, где же ты, снайпер? Я убит, ты же видел, как я упал. Котенка ты сбил на бегу, и вон там лежит ее автомат. Чего же ты прячешься, иди!

Шаги были слышны уже явственно. Шли двое. Вот они поднялись к вершине холма. Ага, там лежит убитый Котенком полицейский. Потоптались. Один двинулся ко мне, а второй? Где второй? Стоит на месте. Нет, снег зашкрипел, щелчок. Зажигалка? Курит? Снова скрип, он пошел. Куда? Не ко мне. К Котенку? Похоже...

Над склоном холма поднялась голова. Это первый. Смотрит на меня – что видит? А видит он лежащего на боку мужика. Голова у меня в кустах, от него не видна. Правая рука откинута, и в ней ничего нет. Левая прижата телом и ему не видна. Будет он стрелять или нет? Не стал, подходит ближе. Автомат закинул за спину, не боится?

Зря ты это, дядя... Меня всякого бояться надо...

Чпок!

Автоматчика крутануло на месте, перекинув «наган» в правую руку, я выстрелил еще раз, и от его головы полетели брызги. Он еще падал, когда я, прижавшись к земле, метнулся на гребень холма.

Вот он, снайпер!

Здоровенный мужик, чуть ниже двух метров. За спиной «трехлинейка» с оптическим прицелом. Стоит спиной ко мне, виден дымок. Точно – курил. Он еще не успел отойти в сторону от убитого полицая, и между нами метров пятнадцать, может, чуть больше. Услышав шаги, он стал поворачиваться...

– Стой, где стоишь! – Голос мой был, наверное, весьма убедительным, и он замер, не закончив поворот.

– Винтовку брось! – и я щелкнул взводимым курком.

Нет, этот парень не из пугливых! Не бросил. Весь напрягся – это хорошо видно. Думаешь отпрыгнуть в сторону? Там как раз ямка подходящая есть. Есть. Только вот подходит она для разных целей. Для могилы, например, очень даже подойдет...

Я прострелил ему правое колено, и он упал на землю. Винтовка покатила вниз.

– А-а-а! М-мать!

– Больно? – Я, наконец, увидел его лицо. Лет двадцать пять, не меньше. В возрасте дядя.

– Ты! Тебе все равно не уйти! Лес обложен! И тебе крышка!

– Но ты этого уже не увидишь... Ты сдохнешь здесь и сейчас, и я плюну на твой труп. Понял?

– Да я!..

Пуля вошла ему прямо в рот.

Перезарядив револьвер, я спустился вниз. Вот следы Котенка, здесь она бежала, когда в нее попали.

Вот и она...

Котенок лежала лицом вниз, шапка слетела с головы, и ветер шевелил ее русые волосы. Я присел рядом. В голове было пусто, и только одна мысль долбила в виски: «Зачем я ее взял? Сидела бы в лагере, я сам и сходил бы быстрее...»

Надо было подойти, поднять и унести ее отсюда – не хотелось оставлять ее тело здесь, но я никак не решался сделать последний шаг. Пересилив себя, я наклонился и поднял ее на руки. Неожиданно она оказалась очень легкой, и, не рассчитав усилия, я покачнулся и чуть не уронил ее на землю.

Еле слышный стон! Жива?!!!

Пуля попала ей в левый бок и, исковеркав лежащий в кармане полушубка «вальтер», застряла в верхней части бедра...

До лагеря я дотащил ее через три часа. Пришлось опять кружить по буеракам, замечая следы. Все это время она была без сознания, лишь однажды прошептала что-то.

Постаравшись максимально согреть наше логово, я чуть не спалил его, пришлось сбивать с елок шустрые огоньки. Зато внутри ощутимо потеплело, и Маринка открыла, наконец, глаза.

– Очнулась? Ну и напугала же ты меня... Не дергайся, я вот сейчас тебя перевяжу, наконец, правильно.

– Больно...

– Ну, что ж я тут поделывать-то могу? На, шнапса глотни, все легче будет.

– Не хочу я его, дядя Саша...

– Так и я не напоить тебя стараюсь. А все же легче будет боль терпеть. Там-то я тебя наскоро перевязал, ты и не чуяла ничего, без сознания была. А здесь – лучше уж со шнапсом, чем без него. Мне с тобой тут ковыряться долго, терпеть трудно будет. И не дергайся и не красней! Нашла тоже повод... У меня медсестер для тебя нету. Так что – не вертись.

Перевязка заняла прилично времени. Для меня было совершенно очевидно – до фронта мы не доберемся. И уж тем более через него нам вдвоем не перейти. Просто не дойдем. Ходить она сможет не ранее чем через две недели. И то – в лучшем случае. Значит, переход к нашим откладывается. И с раной ее что-то надо делать уже скоро. А где я тут, в лесу, найду ей врача?

– Дядя Саша?

– Ну, чего тебе, горе ты мое луковое?

– А там, у тайника, кто это внизу был?

– Похоже, что наш. Судя по всему, гнали его давно, из оружия у него только «наган» и «парабеллум» остались. Да и патронов – кот наплакал. Ни еды, ни документов – ничего не было.

– Его убили?

– Да. Полицай сбоку из «СВТ» ударил, была там, в бревнах, дырка. Сверху я ее не видел, а полицай вблизи рассмотрел.

– А кто в меня попал?

– Ты не видела?

– Нет, я только выстрел заметила. Он из куста стрелял – вот снег с веток и посыпался. Да и перед ним снег взвихрило – выстрелом, наверное.

– Правильно ты его срисовала! Только вот стрелять на такую дистанцию из автомата на бегу я и сам бы не рискнул. Из пулемета – еще куда ни шло. Да и зачем ты вскочила-то?

– Так я думала, он вас...

– Убил?

– Да...

– Меня, Котенок, убить весьма затруднительно. Из ума я не выжил еще и подставлять башку под каждую пулю не собираюсь. А упал я, чтобы его из укрытия выманить.

– Удалось?

– Вылез. Не простой полицай оказался. По документам судя – фольксдойч, откуда-то из Прибалтики. Он, видать, неслабой шишкой был, и парня этого, парашютиста, они давно вели. Смотрели – куда и к кому пойдет. Чтобы и этих тоже взять тепленькими. Странно, почему с ними немцев не было? Разве что решил этот фольксдойч перед ними оттопыриться покруче?

– Что сделать?

– Ну, себя показать в выгодном свете. Вот я какой – целую комбинацию разработал и провел самостоятельно!

Мы замолчали. Я укутал Котенка во все теплые вещи, которые у нас имелись, и оборудовал ей удобную лежку.

– Вот тут и лежи. Я с вещами разберусь и поесть тебе приготовлю. Из тебя теперь боец, равно как и хозяйственник, – неважный.

Занимаясь готовкой пищи, я не переставал думать о том, что же теперь делать с Котенком? Идти она не может. Еды достаточно, чтобы просидеть тут еще недели две. Но простым сидением на месте я мало чем ей помогу. Еще вопрос – как ее нога? Сейчас боль вроде бы и несильная, но пуля-то в ноге, и вынуть я ее не могу. Искать помощь? Вот ее уже выбросили разок – и что? Где они все теперь? Да и будь они тут все разом, чем это ей поможет? Хирурга между ними точно не было, а коллективные соборознования в данном случае лекарство неважное. Разве что вынести ее через фронт на руках? Такая группа это сделать может. Если захочет. Или если будет приказ сверху.

Я покосился на Котенка. Лежит, глаза закрыты – дремлет? Бедная девочка, надо же – вскочила меня защищать! Или отомстить? Нет, что-то придумать надо, бросить ее здесь я не могу. И сидеть рядом, смотреть, как она страдает, тоже невозможно.

Снова мыслим. Выносить ее отсюда или вывозить будут только по приказу командования. Никакая жалость и сочувствие не подвигнут группу тащить ее на руках без приказа свыше. Есть свое задание, и его надо выполнять. Да и где ее взять, эту группу? Значит, надо сделать так, чтобы такой приказ был. Легко сказать! Ты еще доберись до него, до командования. А потом уже и рассуждай. Да и командованию нужен неслабый аргумент для отдачи такого приказа. А есть ли у меня такой аргумент?

Генеральские бумаги? Очень даже неплохо. А если к ним приплюсовать еще и те, что остались в тайнике в деревне? Портфель похороненного мною в развалинах станции офицера тоже представлял немалый интерес. Сидя в подвале, я успел просмотреть его содержимое, там тоже было кое-что интересное. Но этот портфель лежит там. И очень даже хорошо, что там!

Радиограмма

Получен сигнал 3.

*Начальнику ... отдела капитану
тов. Маркову А. Т.*

Сегодня в 01.40 от группы ст. лейтенанта Грабова получена следующая радиограмма (текст прилагается).
Начальник смены лейтенант Коробицын В. В.

*Начальнику отдела подполковнику
тов. Шергину В.А.*

От группы ст. лейтенанта Грабова получено следующее сообщение.
Проверку прошел. Приступил к выполнению основного задания.
Обстановка благоприятная. «Рыжий».
Старший группы капитан Нефедов В.А.

*Старшему группы
капитану Нефедову В.А.*

Операцию «Снег» – продолжать по ранее утвержденному плану.
Организовать связь с «Рыжим» по варианту 3.
Начальник отдела подполковник Шергин В.А.

– Вот что, Котенок, есть тут у меня мысль одна...

– Какая?

– Да вот, думаю я, как вывезти тебя к нашим.

Котенок слабо улыбнулась:

– Дядя Саша, ты уж не думай, что я совсем маленькая или дурочка какая. Я же вижу – с такой раной я уже никуда и никогда отсюда не уйду. Спасибо тебе, что меня столько тащил. Мне тут с тобой хорошо, даже и нога почти не болит. Но лучше бы ты меня там оставил. Я бы еще какого-нибудь фрица с собой прихватила бы. А так здесь умру от раны без пользы совсем.

– Ну, это ты загнула!

– Не перебивай меня, пожалуйста, ладно? Мне и так говорить не очень легко, а такое я и не сразу сказать решилась.

– Не буду.

– И ты, ведь ты же не уйдешь от меня, так? Так и будешь со мной рядом сидеть. Смотреть, как я умру потихоньку. И будешь мне пытаться помочь, а что ты сможешь? Нет, ты хороший, но ведь не врач же, так? И медикаментов у тебя почти никаких и не осталось уже. Бинты, йод – и все. Не сможешь ты ничего мне сделать больше того, что уже сделал. А тебе ведь тоже надо на ту сторону. И чем больше ты тут просидишь, тем труднее тебе дальше идти будет. Ты тоже за меня переживать будешь, я же вижу. Изведешься, а там и до ошибки недалеко. Я же вижу, ты совсем-совсем по тоненькой ниточке ходишь, чуток зазеваешься, не вовремя руку повернешь – и все. И тогда уже тебя подстрелят. А ты должен дойти! Ты знаешь много, нашим помочь сможешь больше, чем я.

– Все сказала?

– Нет еще. Ты оставь мне пистолет и уходи. Только сегодня со мной еще побудь рядом, а? Не уходи так сразу! Мне тебя очень не хватать будет, а так, если ты еще сегодня рядом будешь, мне легче будет... потом...

– Хороший ты Котенок, только вот глупый еще, потому что молодой. Ты что ж, думаешь, я обо всем этом не подумал уже, когда тебя тащил? Думаешь ты, что я не видел уже, как раненые оставались, чтобы товарищей прикрыть?

– Так ведь немцы сюда придут. Следы наши остались, и про засаду эту они знают. Придут их искать, а их побили всех. Вот и станут они искать тех, кто это сделал. К нам и придут. Завтра уже и будут тут. А со мной ты не уйдешь, не сможешь. Ты утром уходи, а я их тут встречу, они и решат, что всех уже побили. Живой я им не дам, и про тебя они не узнают.

– Опять ты, Котенок, телегу впереди лошади ставишь! Сюда они не придут.

– Почему?

– Потому, что я тоже не совсем еще из ума выжил. И об этом тоже подумать успел. Вытащил я парашютиста этого из его гнезда, да на свое место и уложил. Пулемет там оставил, чтобы было ясно всем, из чего он полицаев пострелял. Фолькса этого я из «нагана» положил, как и его напарника. Так у парашютиста тоже «наган» был. Из него я тоже несколько раз стрелял. Полицаев поближе к верхушке холма подтащил. Пусть теперь немцы и думают, что зажали его на верхушке и там он и отстреливался. Там они друг друга и побили. И искать больше некого и незачем.

– Вот как? Хитрый ты, дядя Саша.

– Потому и прожил столько. Дураки в нашем деле не задерживаются.

– Все равно – тебе к нашим идти надо. Там ты нужнее.

– Так ли?

– Почему ты так говоришь?

– Да вот смотри, я уже сколько в открытую дверь ломлюсь? Кому уж только не пытался объяснять, что надо мне с командованием нашим встретиться – и что? Воз и ныне там. Я иногда думаю, что время наше как-то само может от таких вот залетчиков, как я, защищаться. Не дает им возможности влезать со своими знаниями и умениями куда не надо. Ну, вот завалю я еще пару десятков фрицев, да хоть и сотню, а толку? Глобально на обстановку это не повлияет, их в любом бою гибнет больше.

– Так что ж, напрасно все, выходит?

– Ну, это тоже не совсем так. Тот фриц, что от моей пули ляжет, уже сам кого-то не убьет. Может, и смысл того, что я сюда попал, именно в этом и состоит?

– Может...

– Так что нос не вешай! У меня, как ты уже убедились, голова не только для того, чтобы шапку носить. Вот перекусим мы сейчас, и расскажу я тебе, что успел уже надумать.

Перекус и последовавшая за ним сортировка продуктов отняли больше времени, чем я предполагал. С собой я планировал взять еды по минимуму, основное оставлял Котенку. Пришлось также побегать по сторонам и нарубить ей запас дров. Сама она этого сделать еще долго не сможет, а сидеть в холоде неведомо сколько времени – совсем не гут. Вовремя вспомнив про воду, я сбегал к ручью и наполнил все имеющиеся емкости водой. Закончив с этим, я обсыпал снегом снаружи наш шалаш, полил его водой (опять пришлось бегать к ручью). Замерзнув, стенки шалаша стали почти монолитными, и риска их обрушения больше не было. Теперь в этом укрытии можно было относительно комфортно существовать. Дым выходил через дыру в крыше. У входа я приспособил импровизированную дверь, обтянув куском брезента раму из связанных между собою палок. С помощью веревки эту дверь можно было открывать и закрывать, не сходя с места. Уже плюс, не так холодно ночью будет.

Все это время Котенок лежала в лежке и внимательно на меня посматривала. После еще одной дозы шнапса ее слегка подразвезло, и она, наконец, задремала.

Все! Мокрый, как мышь, я плюхнулся на лапник около костерка. Можно считать – большая часть дела сделана.

– Котенок! Проснись!

– Я не сплю, дядя Саша. Ты вымок весь, вон даже пар от тебя идет. Передохнул бы ты.

– Сейчас, Котенок. И передохну, и даже посплю. Надо сил набрать перед выходом. Смотри сюда, – я принялся показывать результаты своих трудов. – Вот тут у тебя нарубленные дрова. На улице еще лежат, сразу у входа. Щепок для растопки я тебе настругал, потом сама тоже ножом поработай, как окрепнешь. Вот в лапнике вода во флягах, не очень много, но что есть. Экономь. Шнапс во фляге – вот тут. Ближе ко входу – еда. Окорок вот на стенке подвесил, а то мыши тоже его любят. По-любому тебе дней на десять хватит с запасом. За это время либо я сам за тобой вернусь с подмогой, либо наши за тобой группу пришлют. Автомат тебе оставляю, «ТТ», гранату. Патроны – вот тут, да и у тебя еще должны быть. Костыль я тебе вырезал, но первое время старайся побольше лежать. Ног не напрягай. Бинты, йод – вот тут.

– Спасибо тебе, – она протянула руку и погладила меня по лбу. – Заботишься ты обо мне, вон как взмок. Не уходи сразу, побудь со мной еще.

– Нельзя, Котенок. Чем больше я тут просижу, тем у тебя времени меньше будет. Быстрее дойду, быстрее вернусь.

– Не уходи. Ты уйдешь, и я больше тебя не увижу.

– Ну что ты за ерунду городишь? Куда я денусь? Отловить меня одного в лесу – это у кого ж такая ловилка выросла? Подстрелить – тоже задача не из легких.

– Ты же и оружия почти не взял. Даже автомат – и тот мне оставил.

– Мне и пистолетов хватит, гранаты тоже есть. Нужен будет автомат – отберу у кого-нибудь.

– Сядь ко мне поближе.

Я пододвинулся.

– Так?

– Так, хорошо.

– Значит – слушай сюда. У тебя шифр или личный код есть?

– Есть, только рация же не работает.

– И хрен бы с ней. Напишешь и зашифруешь такое вот послание: «Начальнику (или кто он там у тебя?) от, ну тут сама знаешь, что написать, донесение. Или как там у вас теперь принято? В общем – смысл такой. Группа частично уничтожена в боях с превосходящими силами противника. Сама ранена, передвигаться не могу. Захвачены документы противника,

содержащие важную информацию стратегического характера. Образец документов пересылаю с подателем данного донесения». Все.

– А дальше – что?

– А дальше – я беру ту папку, что ты читала. Как ты думаешь, твоего начальника сразу кондрашка хватит по прочтении или он еще будет способен к соображению?

– Думаю, что не сразу. Сможет он думать.

– Вот и славно. Прочитав такое послание и папку эту, он просто обязан будет выслать за тобой группу эвакуации. Оставшиеся документы ты им и отдашь. И вот теперь – самое важное! Метку на карте видишь?

– Да.

– Там еще один тайник с документами есть. Не такие, как эти, но тоже – будь здоров! Вот тебе его описание. Тайник заминирован. И при попытке вскрытия – рванет. Документам – амбец. Мину я сам ставил, тут так не умеют еще. Так что снять ее не выйдет.

– Это правда?

– Я очень сейчас на шутника похож?

– Не очень.

– Вот так ты и дальше думай. Эвакогруппе скажешь – контужена, плохо помню, что и как.

Точку на карте покажешь, про мину расскажи. А все остальное – вспомнишь только в госпитале на Большой земле. Этого ты им, естественно, не говори прямо, но дай понять, что СЕЙЧАС вспомнить не сможешь. Они должны быть заинтересованы ТЕБЯ целой и невредимой через фронт перетащить. Как они это сделают – мне по барабану. Пусть хоть прорыв организуют, документы этого стоят, ты уж мне поверь.

– Так свои же придут, что ж я им врать-то буду?

– Свои и оставят тебя тут дальше лежать. И совесть их мучить не будет ни секундошки. У них ПРИКАЗ – доставить ДОКУМЕНТЫ. Про тебя в этом приказе ни строчки нету. А вот МНЕ все их соображения – пофиг! Мне ТВОЯ жизнь важнее ЛЮБЫХ оперативных комбинаций и целесообразности. Кто бы эти комбинации ни крутил, и чего бы он при этом не придумывал.

– А как же ты? У тебя же вся надежда на эти документы и была?

– Во-первых – не вся. Во-вторых – я же их и принесу, ну хотя бы часть. В-третьих – кто это место лучше меня знает и к тебе проведет? Ну и в самом плохом случае – наденут черный бушлат, как на бывшего зэка, и отправят в передовую цепь. Тоже не самый плохой случай. Воевать я умею и убить себя запросто не дам. А там – и ты вернешься с документами.

– А почему – черный бушлат?

– Бывших зэков в начале войны так одевали. Формы не хватало на всех. Ворота лагерные открыли, приказ прочитали, винтовки в руки – и вперед, на войну. По-моему, генерал Петровский ими командовал, сейчас точно и не помню. Все уяснила?

– Да, дядя Саша.

– Тогда – вперед. Давай, пиши свою бумагу.

Пока Котенок составляла разведдонесение, я придирчиво осматривал свои запасы. Тушенка – пара банок, еще какая-то банка без этикетки, кусок хлеба, шмат сала. Колбасы кусок нехилый – может, Котенку отчекрыжить половину? Флягу с питьем у немцев попросим. Нож, штык. «Наган» с глушаком (надо же – успешно работает, а то я сомневался вначале), «браунинг», четыре гранаты. Ну, вроде бы и все. Патроны к пулемету еще остались, и лента еще есть снаряженная – тащим? Пусть лежат, есть не просят, глядишь – и пригодятся еще.

– Дядя Саша, я все – написала уже.

– Ну и молодец. Теперь на боковую, спим. Мне сил набираться надо. Утром покормлю тебя и в путь.

Я убрал Маринкино творение за пазуху и начал устраиваться на ночлег.

Котенок устроилась рядом, и я осторожно (чтобы не потревожить раненую ногу) укутал ее еще и своим полушубком.

– Ты хороший, – погладила она меня по плечу. – Обещай, что будешь себя беречь, ладно?

– Я, Котенок, разный. Для тебя вот – хороший, а для немцев, например, очень даже и плохой.

– Нет, ты добрый. Это война тебя заставляет таким жестким быть. Ты вот дочек же своих любишь?

– Конечно. Я и тебя как дочку свою воспринимаю.

– Спасибо тебе. Только вот они где-то там остались, а я – тут, рядом.

– Потому и забочусь о тебе, как о родном человеке.

Она ничего не ответила, только прижалась к моему плечу, да так и уснула. Я тоже провалился в сон.

Проснулся я оттого, что мороз стал щипать меня за уши. Костерок потух, и пришлось его опять растапливать. Котенок спала, по-детски свернувшись в клубок. Иногда она морщилась, видимо тревожила раненую ногу. Будить? Нет уж, пусть спит, для нее это лучше сейчас. Я вскрыл ножом банку тушенки и поставил ее у изголовья. Поест, как проснется. Проверил оружие и осторожно прикрыл за собой дверь.

Первый десяток километров я отмотал по лесу еще до полудня. Откровенно устал и присел передохнуть. Судя по карте, идти мне таким темпом еще километров тридцать. Дальше немцев будет больше, днем уже не походишь, надо будет днем спать, а ночью идти. Если так и дальше топать, то уже скоро надо будет себе лежку искать. И поскорее, а то словить «холодную» в зимнем лесу – удовольствие не из приятных.

Уже смеркалось, когда я вышел к одинокому домику в лесу. Дом был явно обитаемый, из трубы шел дымок.

Интересно, а кто в теремочке живет? На снегу виднелись следы колес, значит, немцы сюда заезжают. Видимо, хозяин дома с ними как-то ладить умудряется. Заходим? Или как? Был бы я один, не виси надо мною судьба Котенка, можно было бы и рискнуть. Нет, ползу я, от греха подальше, в сарай. Спокойнее будет. Сено там есть, вон на земле у ворот клочки рассыпаны. Зароюсь, авось не промерзну.

Сена на чердаке оказалось прилично, и зарылся я в него основательно. Пригнулся и не заметил, как уснул.

Разбудил меня шум мотора. Прильнув к щели, я увидел, что во двор заруливают две машины. Грузовик и лоханка – «кюбельваген».

Из грузовика прыгали солдаты, человек десять. И сноровисто построились. Из лоханки неторопливо вылез офицер. Следом за ним суетливо выскочил человек в штатском, скорее всего – переводчик. Водитель остался сидеть за рулем. Из дома торопливо выбежал пожилой мужичок и подбежал к немцам. О чем они говорили, я не слышал, далеко. Но разговор у них был явно не напряженный, немец заулыбался и похлопал мужика по плечу. Вся троица ушла в дом. Туда же отправился, чуть погодя, и водитель. Солдаты же всей гурьбой поперлись в сарай. Вот те и здрасте! Хоть бы сено вниз не потащили!

Опасения мои чуть было не оправдались – солдаты действительно навалили себе копну сена, надергав его отовсюду. Принесли брезент и застелили им эту копну. После чего человек шесть завалились спать, один ушел на пост, а двое занялись починкой грузовика, что-то там у них не клеилось.

Вот же, мать вашу! Надо же так попасть?! Интересно, они тут долго квартировать собираются? А то у меня тут далеко не салон-вагон, долго не высидеть.

Время тянулось незаметно, вернулись немцы, чинившие грузовик. Потом вся эта толпа отправилась обедать. Воспользовавшись этим, я в темпе смотался к задней стенке сарая – гидробудильник недвусмысленно напоминал о себе. Все прошло быстро, я успел занять свою

прежнюю позицию, пока немцы не вернулись. Чуть позже во двор въехал еще и мотоцикл. Здравсьте, приехали! Вы тут что, жить устроились?

Немцы продолжали возиться в сарае. Растащили сено по обе стороны от ворот, притащили откуда-то небольшую железную печку и начали таскать дрова. Судя по высоте поленницы, они собирались тут сидеть не меньше недели.

Тем временем мужичок выбрался во двор и начал готовить лыжи. Интересно, в лес собрался? Похоже, что да. Значит, приехавший немец – охотник? Не факт, ружья я у него не видел. С чем он охотиться собирается, с автоматом? Но на поисковую группу они не похожи. Скорее – группа подготовки. Подготовка чего и к чему? Уходить или ждать? Ждать не могу, времени у меня нет. По-любому – уходим. Тихо или как? Лучше, если тихо. Значит, ждем вечера и тихонько делаем ноги. Время сейчас около 16, значит, спокойно могу поспать часа три-четыре, а то и побольше. Храпеть во сне я не умею, немцы не пропалят. Полезут наверх – услышу. Значит – спим.

Проснулся я от гомона в сарае. Осторожно, стараясь не зашуметь, подобрался к краю люка и глянул вниз. Ага, немцы засуетились. Отряхиваются от сена, строятся. С чего бы это? Уезжать собрались? А что у нас во дворе?

А во дворе маячил офицер. Вот и солдаты выбежали и построились. Где грузовик? Вон он, стоит у забора, движок не работает. Значит – никуда не едут. А мотоцикл? Нету мотоцикла, уехал. Надо же, а я и не слышал. Хотя мог из ворот вниз скатиться и по дороге завестись, благо она тут под уклон ведет.

Ожидание не продлилось долго – на дороге появились машины. Уже темнело, и они ехали с включенными фарами. Первым ехал мотоцикл. Давешний или нет? А не один ли хрен?

Второй шла легковушка, а за ней следом какой-то, незнакомый мне, полувездеход. В открытом кузове у него сидели солдаты.

Машины въехали во двор и остановились.

Офицер скомандовал, и солдаты вытянулись во фронт. Это кто же к нам пожаловал такой оттопыренный? Из машины выбежал солдат и, обежав машину сзади (о как!), открыл дверь. Оттуда неторопливо выбрались два человека и пошли к дому. Офицер что-то скомандовал солдатам и пошел следом. Прибывшие солдаты смешались со старожилками и с гомоном вошли в сарай. Черт, не понимаю я их языка, особенно если говорят так быстро. Судя по всему, данная гопла остановилась на ночлег. Понятно, что на ночь глядя никуда они не поедут. Значит, будем вылезать отсюда тихо.

Примерно через час в сарай ввалились немцы – дежурная смена. Ага, посты сменили – сколько их тут? Шестеро? Ни фига себе! Шесть постов? Или три парных? Хрен редьки не слаще, кто же тут у них в доме сидит-то?

Так или иначе, а сидеть в сарае больше нельзя. Мало ли, не хватит немцам сена или захотят покомфортнее и посвободнее устроиться, полезут наверх... Подобная перспектива меня совсем не радовала.

Еще через час пришел водитель «кюбеля» и с ним еще один. Вероятно, это водитель второй машины. Немцы внизу уже успели приготовить ужин, и пришедшие тут же уселись перекусывать. М-м-м, а мне тоже жрать охота! Целый день тут сижу. Выспаться вполне успел, а вот поесть – нет. Скрипнула дверь, и в сарай вошел еще один персонаж – переводчик. Ага, не позволяют ему немцы в доме спать, рылом не вышел!

Еще одна смена постов – и немцы стали укладываться. Ну, наконец-то, я тут уже все жданки съел!

Выждав полчаса, я стал осторожно пробираться к люку. Потолок поскрипывал, и я замирал, стараясь никого не разбудить. Вот и люк. Лестницы нет, ну да и фиг с ней, тут невысоко. Я мягко прыгнул вниз. Все! Пути назад нет. До смены постов еще полтора часа, успею уйти. У двери завозились, и я приник к земле. Скрипнула створка, и на фоне ворот нарисовался силуэт

в мешковато сидящей одежде. Это не солдат! Кто? Мужичок? Он бы со двора вошел, а этот выходит. Немцы в касках и кепи, или, на крайняк – в подшлемниках, а у этого ушанка. Значит – кто? Переводчик. Куда это его понесло? Да в сортир, куда ж еще? Ну-ну, давай дорогой, хоть со страху не обделаешься...

Сортир оказался недалеко, к нему немцы уже натоптали дорожку. Шла она мимо кустов, в которых я и засел. Ждать долго не пришлось, переводчик показался на тропинке, спешил. Замерз? Сейчас я тебя... обогрею... Вот он проходит мимо, прошел... Пора!

– Тсс! – Лезвие ножа погладило переводчика по горлу. – Тихо! Один звук, и ты без головы. Гукни, коли понял.

– Угу...

– Кто в доме?

– Господин комендант и полковник Вейде.

– Еще кто?

– Лейтенант Маерлинг, из комендатуры.

– Еще?

– Денщик господина коменданта и Пал Савич.

– А это кто таков?

– Лесник он.

– Давно тут живет?

– Так лет тридцать уже.

– Зачем приехали?

– На охоту. Они сюда приезжали уже.

– Куда пойдут и когда?

– Утром завтра и пойдут. Тут километрах в десяти холмы, там Пал Савич берлогу знает.

– К реке?

– Нет, река справа будет.

Так, час от часу все веселее. Пойдут туда, аккурат мои следы пересекут. Там лес, я и не прятался особо. Следов не путал. Плохо. Сами они, может, и не пойдут, а вот солдат пошлют. Да хоть и не пошлют, а просто сообщат куда надо. И все. И конец Котенку.

– Еще подъедет кто?

– Могут еще подъехать два офицера. Но это не точно, у них что-то по службе случилось, вот и не приехали сегодня.

Час от часу не легче. Два офицера – это еще человек десять-пятнадцать сопровождающих.

С такой толпой я ничего сделать не смогу, хоть тресну. Плохо. И сам не уйду, и от Котенка беду не отвести. Бросить все и рвануть туда? Ну, хорошо, добегу, а ее как и куда тащить? Бесследно не выйдет. А припасы, лагерь, документы, наконец? Не успеть... В лесу засаду устроить? Вариант... Но они же не все попрут, часть сзади будет, вызовут подкрепление – и все.

Тело переводчика внезапно напряглось, и чисто машинально я, зажав ему рот, ударил ножом в подключичную впадину. Он выгнулся дугой, и из его руки, стукнувшись о землю, выпал пистолет. Ах ты ж, падла! С тобой по-хорошему, а ты? Теперь тихо не уйдешь. Даже если и пройду посты, утром они сядут мне на хвост. Поднимут солдат и прочешут всю округу. Надо уходить с шумом и так, чтобы они меня ВИДЕЛИ. И знали, КУДА я иду.

Поведу их за собой. Выйдет? Должно выйти, иначе – все. Все труды коту под хвост. Ну, уж нет – этот вертолет не полетит!

Тихо скрипнула дверь в сенях. Тепло! И темно. Только из комнаты пробивается дрожащий отблеск. Свеча? Нет, скорее лампада у иконы, я этот огонек через окно видел.

Кто это у нас справа дышит? Денщик? Лесник? Тут сени, немца вряд ли положат, значит – лесник. Тихо-тихо... Вот он! Валенки на полу – лесник. Так, где у нас голова? Сонных резать

непросто, захрипит. Значит, что? Будим и уже проснувшегося... ладошкой – шлеп! Лесник дернулся и тут же осел назад. Есть один...

Комната. Маленькая – кухня? В углу большой сундук, что-то белеет. Постель? Денщик? Отблеск лампы блеснул на стволе автомата. Точно – он. Где ж ты, родной? Вот он. Ладошкой – шлеп! Покойника Васькой звали...

В большой комнате стоял стойкий винный дух – господа офицеры изволили отдыхать. Нехорошо перед охотой пить! Неправильно. После – хоть вусмерть ужрись. Но до охоты – нельзя! Медведь и осерчать может. Правда, медведя тут нет, но осерчать свободно и я могу. А что? Чем я хуже медведя? Шерсти нет, зато борода отросла вполне достойная.

Так... Трое их – где спят? Не в одной же койке? Вон, у окна одна, напротив – вторая. Это гости. А где лейтенант?

Лейтенант обнаружился за печью. Там оказалось довольно просторно, стояла кровать. Только вот пролезть к нему было сложно – в ногах стоял стул, перекрывая проход вдоль печи. На стуле висела его одежда. И не подлезешь никак. Стул убирать – зашумлю, нельзя – остальные проснутся. Стрелять? То же самое. Хрен с тобой, золотая рыбка, – спи. Считаю, что повезло тебе. Только вот пистолет тебе ни к чему...

Гости. Кто есть кто? А не один ли хрен? На том свете разберутся. Шаг, еще шаг...

– Хельмут? – приподнялась голова на подушке справа. – Вас...

Прыжок! Захват, поворот... Сухо хрустнули позвонки – есть! Штык – бросок! Второй захрипел, упал с кровати. Мазила! К нему! Удар – есть. Что там лейтенант? Спит? Ну, счастлив твой бог...

Карманы одежды, что там? Бумаги? В карман. Еще что? Пистолет, еще один, куда их? Патроны возьмем, а пистолет у меня есть. Даже два. Это что? Ружье. На фиг не надо. А это что? Снайперка. Он на медведя с ней собрался? Ссыкун. Не наш человек – туда и дорога.

Теперь назад, автомат прихватим у денщика, магазины.

Задержавшись немного в сенях, я осторожно вынырнул на улицу. Скоро смена пойдет, тут мы их и встретим. Шестеро в минусе – это гут. А на мотоцикле вроде бы пулемет был? Был. А сейчас нету. Плохо...

В сенях за спиной затопали сапоги. Лейтенант? Проснулся? Или не спал и все слышал? Зря ты это...

Бух!

Входную дверь вынесло на улицу. Правильно говорят – крепкий сон способствует здоровью. Спал бы крепче – жил бы дольше. Я ж растяжку ставил не на тебя, а на того, кто утром в дверь ломанется. Поторопился я тебя счастливым назвать...

У маленького домика, стоявшего вплотную к забору, хлопнула дверь, и во двор выскочил немец. Так вот у них караулка-то где! А я уж думал...

Немец бегом бросился к сараю. Правильно, там уже тоже проснулись и загомонили, пора уже личный состав поднимать. Несколько раз немец безуспешно дернул дверь, она не открывалась. А вниз посмотреть? Там, где бревно лежит? Невнимательный ты, это плохо. Для тебя. Ага, к воротам побежал, сообразил. Не ты, однако, первый, вон они уже заскрипели, открываясь. До конца, правда, и они не открылись, опять бревно помешало (правда, уже другое), но дырочка уже есть, можно вылезать. Правда, только по одному, но и это поправимо...

Треснуло, ухнуло! Крыша сарая медленно приподнялась на полметра и грузно провалилась внутрь. Стены покосились, а створкой ворот снесло с ног разводящего.

Да, связка из десятка гранат (больше не нашел), установленная на растяжку, гарантирует незабываемое впечатление. Уцелевшим, если таковые будут... Не зря я после общения с переводчиком в сарай вернулся, не зря. Вылетела бы сейчас вся эта гопа во двор, и что б я с ними тут делал? Пулемета-то у меня нет, а я на него рассчитывал. Кстати, надо бы в дом заглянуть, приглядел я там кое-что.

Мотор грузовика завелся не сразу, пришлось погонять стартером. Я уже собирался плюнуть на это занятие, как вдруг двигатель чихнул и зарычал. Вот и славно! Теперь – вперед. Грузовик бодро покатился под горку, сияя включенными фарами. Я проводил его взглядом. Ну, и где же часовой? Вот он! Справа на дорогу выскочила фигурка и подняла руку. Плоховато видно, темно для оптики, но – попытка не пытка. Бах! Мимо... Часовой откатился в канаву, и два ствола сердито осыпали пулями место, откуда я стрелял. Ага, парный пост. Значит, другие два поста тоже парные, и находятся они... понятно где. Сейчас они залегли, стрельба, непонятно кто и откуда напал. Очень хорошо, сектор обзора у них соответственно уменьшился. Ну, что ж, поползли и мы... Постараемся им на глаза не попадать. Нервные они, стрелять начнут.

Уже стало светать, когда я услышал за спиной рокот мотора. Пулей слетев с дороги, я плюхнулся в снег. На дороге появился мотоцикл. Что-то долго они там ковырялись, я аж вон куда утопать успел. Кто там у нас? Водитель и пассажир. Вон и пулемет мой, на коляске стоит. Жаль, не нашел я его ночью.

Бах! Пулеметчик вылетел из коляски. Эх, жаль, что пулемет с ним не упал! Зато теперь место начала охоты будет четко отмечено. Не ошибутся, где и куда сворачивать.

Теперь в лес – и ходу. У немцев дело туго поставлено, через час-полтора их тут будет до фига и больше.

Надо успеть подальше убежать, там как раз параллельная дорога идет, по ней тоже народ подтянут.

Я еле успел пересечь дорогу, как на ней появились грузовики. Один, два, три. Что, я вам каждому в суп плюнул? Чего так-то уж всерьез? Немцы выстроились на дороге и, развернувшись, цепью двинулись туда, откуда я пришел. Фу, теперь и переобуться можно. Хорошие у полковника (или это был комендант?) сапоги были. Теперь промокли совсем, не прошло для них даром путешествие по ручью. И для меня не пройдет, если обувь не сменю. А как же иначе было мне к дороге подойти? Иначе чем по ручью – никак. Это мне еще повезло, что тут течение сильное и мороз не очень, а то бы топал я по льду, а на нем следы остаются, снег ведь и на нем есть.

Однако же сидеть на месте долго не выйдет. Через часок-другой (это как быстро немцы пойдут) кто-то из них налетит на поставленную мной растяжку. Еще пару часов они потратят на переползания и перетряс окрестных кустов. После чего, с удвоенной злостью и свежим покойничком на руках (я надеюсь, он не один у них будет), побегут назад. То есть в мою сторону. И к этому времени тут должен их ждать свеженький следок. То есть отдыхать будем потом. И как скоро – один бог знает.

Придя к этому умозаключению, я бодро потопал в сторону леса. Не самый лучший вариант. Но другого выхода у меня сейчас нет. Судя по карте, дорог в этом лесу нет. Значит – топать мне по снегу. Немцам будет проще, для них тропа будет натоптана. По крайней мере, будут знать, куда идти.

На ходу я развернул карту. Параллельных дорог, по которым можно перебросить силы для моего перехвата, тут нет. Это радует. А что не радует? А не радует меня деревня Рябиновка. Судя по отметкам на карте, там есть немцы. Сколько? А кто ж их знает, читать хитрые обозначения на этой карте я не умел. Интересно, связь у них есть? Скорее всего, есть. А это значит, что, когда фрицы поймут или просчитают маршрут моего движения, из Рябиновки выйдет группа мне наперерез. Классический молот и наковальня. Дай бог, чтобы немцы так думали и дальше.

Прикинем, что мы имеем? Средняя скорость передвижения у меня и у немцев примерно одинакова. Значит – что? Значит, и планировать свои операции они будут, исходя из этих цифр. Это – гут. Тут у меня козырь небольшой есть. Как будет рассуждать немец, командующий этой погоней? Поставим себя на его место.

Диверсант один, это установлено по следам и сомнений в этом нет.

Положил нехило немцев – опытный и опасный.

Нашли они следы моего подхода к леснику или нет? Если да, то пойдут по ним или нет? Скорее всего – нет. Пришел один – ушел один. Там, откуда он пришел, ничего интересного, скорее всего, уже нет. Нет? Есть. Побитая засада на холме – катит? Не катит, там все очевидно. Тогда – что? Полиции на дороге? Не факт. Побитые «охотники»? В десятку – способ минирования тот же. И там, и здесь – один человек.

Итак, думает немец. Один диверсант положил около двух десятков солдат и офицеров, умный (ну, это я так про себя думаю, может, у немца и своя точка зрения имеется), опытный (тут уж наши мнения совпадают), куда-то уходит. Куда он уходит и почему? Куда – понятно. К фронту он идет. Почему с шумом и гамом? Торопится он. Почему торопится? Что-то добыл и несет к своим.

Какой из этого будет вывод?

Не может диверсант ждать, сведения потеряют актуальность.

Значит, перекроют все возможные кратчайшие направления и будут ждать. И ловить. Как долго? Недолго, дня два-три. А если за этот срок не поймают? Снимут они усиление. Особенно если будут думать, что я ускользнул от них, а не под носом сижу.

Так-так-так! Это интересно. А куда я могу ускользнуть? Наилучший вариант – на тот свет. Нет, подворачиваться под шальную пулю – это совсем не наш метод. Немцы меня в лицо знают? Нет, надеюсь, что я не настолько известен. Стало быть – любой антуражный труп будет в тему. (И повезут его торжественно прямо к фюреру...) Отлично, дело за малым – где взять этот труп? Казалось бы – что за бред, трупов вокруг немерено, чай, война идет, не гулянка. Однако же труп должен быть свежим, не местным (могут опознать), немцы и полиция отпадают. И это резко сужает круг возможных претендентов на эту почетную роль. Рост, вес и национальность – побоку. Значит, у меня теперь есть еще одна задача...

*Заместителю коменданта гарнизона
майору Акселю*

РАПОРТ

Докладываю Вам, что при осмотре места нападения на коменданта гарнизона полковника фон Штока и главного инспектора инженерных войск фронта полковника Вей-де мною установлено следующее:

1) Нападающие, несомненно, были заранее осведомлены о времени прибытия офицеров и предполагаемом месте их размещения. Этому способствовало то, что полковник фон Шток ранее уже приезжал в данное место и посты охраны располагались во всех случаях одинаково. Что и позволило нападающему (судя по следам – это был один человек) скрытно проникнуть за линию постов. Ответственным за расстановку постов был лейтенант Маерлинг.

2) Ранее сообщниками или самим нападающим был заминирован сарай, в котором обычно и останавливались солдаты, сопровождавшие полковника.

3) Лесник, денщик и полковник Вейде были убиты холодным оружием, полковник фон Шток задушен. По-видимому, в этот момент нападающий был замечен лейтенантом Маерлингом, и нападавший бросил в лейтенанта гранату, которой лейтенант и был убит. Из-за этого нападавший не смог скрытно покинуть расположение лесничества и был вынужден вступить в бой с солдатами охраны. Можно предположить, что нападавший изначально

планировал отход без боя и только вмешательство лейтенанта помешало ему выполнить первоначальный план.

4) По-видимому, после броска гранаты сообщники нападающего или он сам осуществили подрыв ранее установленной в сарае мины. Вследствие этого погибло 11 и было ранено 8 солдат вермахта. Воспользовавшись этим, нападавший покинул территорию лесничества. Солдаты на посту около дороги утверждают, что по ним был открыт огонь, как со стороны лесничества, так и со стороны леса. Это подтверждает версию о том, что нападавший имел прикрытие на случай отхода.

5) Впоследствии, утром нападавшие были замечены выехавшими за помощью солдатами из числа охраны коменданта. Солдаты обстреляли нападавших, которые скрылись в лесу. Ответным огнем был убит унтер-офицер Гофман.

6) В настоящий момент силами расквартированных подразделений организовано прочесывание местности и поиск скрывшихся нападавших.
Командир комендантской роты гауптман Оберфельд.

Ноги мои снова напомнили о себе, и я присел. Надо передохнуть...

По моим прикидкам, я уже находился достаточно близко от Рябиновки. Километров четыре-пять. Если немцы вышли мне наперерез, то вот с этой горки я их уже могу засечь. По карте, тут открытое пространство, болотца какие-то. Сейчас слегка подморозило, и идти по ним можно напрямик. Но все равно, не меньше пары часов до деревни топать. Пора и сюрприз задействовать.

Сюрпризом явилась пара лыж. Не зря ж я их столько волок на спине?

Неожиданность для немцев заключалась в том, что они уже успели наверняка рассчитать, с какой скоростью передвигается искомый злодей. Соответственно, прикинули уже, сколько для его поимки задействовать солдат, куда и, главное, как скоро их выдвинуть. Радиосвязи между поисковыми отрядами, скорее всего, нет. Значит, и сообщить об обнаруженном лыжнике они не успеют. А выигрыш в скорости составит у меня не менее чем вдвое. И проскочу я сквозь эти сети. А пока еще их развернуть сумеют...

Вот и горочка. Присядем и посмотрим. В бинокль это действительно почти безлесное пространство просматривалось хорошо. И я мысленно поставил себе плюс. Который тут же сменился жирным минусом. Примерно в километре от себя я увидел десяток немцев, бодро марширующих в обход горки. Правильно, с этой стороны она крутовата для подъема, вот и решили обойти. Но вот каким рожном они оказались тут так быстро? Или главнопреследующий немец оказался умнее, чем я думал, или от Рябиновки есть сюда дорога. А у немцев есть транспорт. Ладно, это мы еще посмотрим.

Немцы обходят горку справа. Значит, еще не менее часа у меня есть. Пока они на нее поднимутся, пока найдут мои следы... А сидеть они будут точно здесь, самое удобное место, лучше не найти. Ну, что ж, поедem влево.

Уже отмахав по немецким следам не менее полутора километров, я снова посмотрел на горку. Видимость уже была не очень, да и расстояние было приличным, но никого я на ней не увидел. По следам тоже никто не шел. Неужто не заметили? Ладно, бежим вперед.

Еще пара километров, и впереди нарисовалось что-то постороннее. Черное на белом фоне. И что ж это такое у нас тут? Где бинокль?

Грузовик. Похоже – «Опель», хотя я не спец, могу и ошибиться. Где водитель? Вон он, костерок жжет. Замерз (ботиночки у нас на тонкой подошве, злорадно подумал я), а ждать еще долго. Значит – нет у отряда рации, иначе бы он тут не сидел. Была бы нужда – вызвали бы. Интересно, он тут один? Влево-вправо... Вон еще один, ветки несет. Двое их тут? Двое. Что

делать будем? Машина нам нужна? Да, в общем, не особо. Куда ехать-то? С моим-то внешним видом? Только кумачового плаката «Партизан» не хватает.

Сядем и подумаем. Заодно – передохнем. Сейчас уже немцы мои следы срисовать должны, ну не совсем же они круглые лопухи? Значит, снимутся они и сюда попрут. Часа два ходу. Придут, допустим, что меня не срисуют по пути. Уже темнеть скоро будет, видимость не очень, может и прокатить. Что дальше? Сядут тут? Зачем? Уйдут в деревню? Логично. После чего развернут линию оцепления километрах в десяти отсюда. Но здесь уже у меня козырей не будет, про лыжи они знают. Вывод? Неча им в деревне делать. Резюме – берем грузовик. Или ломаем, пусть пешком топают, аккуратно к ночи и дойдут, только меня тут уже не будет. Работаем.

До выбранной позиции я полз минут двадцать. Представляла она собой небольшой бугорок метрах в восьмидесяти от костерка. Оба немца нахохлившись сидели у него, периодически подбрасывая в него ветки. Ближе не подойти, место открытое. Есть, правда, в этом и свои прелести – уйти им тоже будет некуда.

Бах! Первый немец ткнулся головой в костер. Второй же, проявив неожиданную резвость, напал ногой по костру, так что поленья вихрем взлетели вверх. На пару секунд это облако закрыло всю картину. Когда же видимость восстановилась – немца у костра не было.

Во как! Гарри Гудини отдыхает. Да и Дэвид Копперфильд заодно с ним. Куда же немец исчез? Грузовик метрах в тридцати, к нему он добежать не мог. Ям поблизости нет. Где же он? За трупом залег? Я сместился метров на десять в сторону, немец не стрелял и признаков жизни не подавал. За трупом никого не оказалось. Вот чудеса, не мог же он сквозь землю провалиться? Смотрим. Немцы грели воду. В ведре, вот оно, на боку лежит. Ведро с собой привезли. Воду тоже? Не факт, замерзла бы. Брали тут? Теплее... Где? Метрах в пяти от костра что-то темнеет. Прорубь? В чем? Тут не река, нет такого льда, чтобы прорубь пробить. Однако болотца есть, значит, есть и ручьи. Что ж он, в ручье, что ли, сидит? Или, вернее, лежит? Хорошо, подождем. В отличие от тебя, меня вода не мочит, могу и подождать. Шарахнуть, что ли, его гранатой? Нет, могут и в Рябиновке услышать. Выстрелы – нет, а вот разрыв вполне могут и заметить.

Всплеск! Как водяной из болота, немец вскочил из ручья (не ошибся – в воде он лежал, оттого и не видел я его) и от живота запустил длинную очередь во весь магазин. Видел он меня или нет, неизвестно, но положил пули неплохо, меня аж снегом запорошило. После этого он бегом кинулся в сторону ближайшей кочки. Не добежал он всего пару метров, сгорая я промазал первым выстрелом.

Подобрав карабин водителя и автомат «водяного» (заодно прихватив боеприпасы и кое-что из продовольствия), я осмотрел грузовик. Марки он оказался насквозь незнакомой и сделан был явно не в Германии. В кузове нашелся свернутый брезент, несколько плащ-накидок и начатый ящик консервов. Последняя находка оказалась очень вовремя. Я прихватил с собой кое-что от лесника, но мясные консервы – это всегда хорошо. Да и плащ-накидка лишней не будет.

У меня отсюда было два пути. Первый – на грузовике, второй – пешком. Что выбрать? Откровенно говоря, грузовик прельщал меня больше, уж очень ноги недвусмысленно голосовали именно за этот вариант. Голова, как менее уставшая часть тела, подсказывала иное.

Прикинем.

Проехать в нужную мне сторону (т. е. к фронту) возможным не представлялось, дорога шла преимущественно через населенку. Постов там наверняка хватало, и лезть на рожон у меня желания не было. Единственный вариант – доехать до Рябиновки и свернуть на параллельную дорогу. Километров через тридцать она подходила к относительно малонаселенным местам, и там уже был шанс проехать незамеченным. Вопрос состоял в том, проеду ли я через лес справа

от Рябиновки? В каком состоянии находится та дорога? Впрочем, вариант был заманчивым, в случае успеха я прилично отрывался от немцев. Заманчиво...

Идти пешком – преимущества? Скрытность – хорошо. Усталость – не очень. Особо далеко не уйти, ночевать все равно придется недалеко от Рябиновки. С учетом последних событий, это меня не радовало.

Ладно.

Рискнем и попробуем поехать.

Все машины, в принципе, одинаковы, будем надеяться, что и с этой я справлюсь как-нибудь.

С четвертой попытки мне удалось тронуться с места, и, не зажигая фар, я кое-как проехал пару километров. Заехав за холм, я зажег фары и уже бодрее порулил к Рябиновке.

Вот и она.

Дорога шла мимо деревни. Не доезжая метров пятисот до деревни и был тот самый, нужный мне, поворот. Где стоит пост? На перекрестке или в деревне? На ходу я подтащил поближе автомат и взвел затвор. В случае чего буду стрелять по постовому прямо на ходу, авось и положу.

Вот и перекресток.

По обочине взад-вперед ходит фигура в черной шинели с белой повязкой на рукаве. Полицай! А я на немецкой машине. Будет тормозить? Или не рискнет? Я положил автомат на колени, стволом к двери.

Полицай вышел на середину дороги, поправил винтовку на плече. Я прибавил газу.

Он проворно отскочил в сторону и выбросил в приветствии руку. Ага, узнал хозяйский транспорт! Метров через тридцать я свернул.

Эта дорога была менее наезженной, чем основная, и скорость моего передвижения сразу снизилась. Ничего, не ногами – уже хорошо. Горючего мне должно хватить еще километров на 80—100 (по моим прикидкам), это и так гораздо больше, чем мне надо. Все равно под утро этот грузовик надо бросать и идти лесом. Заодно и отосплюсь. Пока немцы доберутся до деревни... Пока поднимут хай... Пока раскачаются... Ночью точно искать не поедут, а с утра я успею уже уйти.

Километров через десять впереди нарисовался лес. Ну, посмотрим – стоила ли игра свеч? Первые два километра дорога была относительно проходима, и я уже мысленно перевел дух. Еще несколько километров – и развилка, можно сворачивать в нужную сторону. Въехав на горку, я бодро покатиł вниз.

Скрип и треск! Справа от дороги сдвинулись, и побежали тени. На дорогу падало дерево! Тормоза!

Бумс!

Машина с маху впечаталась в дерево капотом, и из пробитого радиатора повалил пар.

Приехали...

Машинально я заглушил двигатель. Только губы раззявил – и на тебе! Точно думал – ноги вернее будут!

– Эй, в машине! Хенде хох!

Так, это еще кто тут такой горластый? Между прочим, весьма охрипший. Давно сидим? Однако подловили они меня классически, даже будь движок целым, задним ходом отсюда не выехать, крутовато.

– Оглох, ферфлюхтер?

– Может быть, ты не будешь язык ломать? А то у тебя по-немецки, как у меня по-китайски выходит.

Молчание. Народ в лесу озадаченно замолчал.

– Руки поднимай и выходи на дорогу.

– И как я с поднятыми руками буду заклиненную дверь открывать? Руки опущу – стрельнешь ведь?

– Да уж, рука не дрогнет!

– Тогда сюда подходи и убедись, что я не фокусник, и через такое окошко с поднятыми руками не вылезу.

Шорох слева!

Около кабины нарисовались две фигуры в военной форме. А форма-то наша! Неужто уже линию фронта проскочил? Да быть того не может! По карте еще пилить и пилить!

– Что ты там говоришь у тебя с дверями?

– Заклинило их от удара.

– А вот я сейчас и посмотрю!

– Сделай милость, а то мне отсюда не открыть.

– Шевчук – проверь.

Второй взялся за ручку и дернул что было сил. Понятное дело, что дверь распахнулась во всю ширь, и дергавший, не удержавшись на ногах, сел на дорогу. Естественно, она и не собиралась клинить, удар был не столь силен. Просто руки у меня были заняты другим делом...

– Вот спасибо тебе, родной! А то у меня тут руки заняты...

Я поднял обе руки на уровень лица. В каждой было зажато по гранате.

Первый из говоривших попятился.

– Сдурел? Тебя же из леса, как зайчика, снимут враз, не убежишь!

– Ну-ну. А опосля и вас двоих похоронят тут же. В кузове ящик со взрывчаткой. Глянь, коли не веришь.

– Шевчук...

Упавший поднялся и отошел к заднему борту.

– Лежит ящик...

– Поговорим? Или и дальше на мушке меня держать будете?

– Да кто ты такой есть вообще?

– Ну, вы, как я понимаю, красноармейцы?

– Мы-то да, а вот ты, дядя, кто такой?

– Партизан я. Так что – уберешь стрелков?

– Гранаты убери.

– Ну, нет, дорогой, ты первый начал. Тебе и первым заканчивать. Я отсюда все равно быстро не выскочу.

– Марченко!

– Я!

– В лес отойди, тут машина со взрывчаткой, рвануть может. Все уходите.

Справа в лесу завозились.

Ушли? Или дурака валяют? Непохоже. Этот, видимо старший, никаких намеков не делал, да и не могли они заранее обговорить такую ситуацию.

– Ушли твои?

– Сомневаешься?

– А ты на моем месте как бы думал?

– Окажусь, тогда и посмотрим.

– Убедил, – и я протянул ему одну гранату. – Держи, я пока кольцо на место вставлю во вторую. Давай для начала хоть познакомимся, пока я тут возиться буду с железяками. Меня дядей Сашей зовут.

– лейтенант Кольцов.

– С этой все, вторую давай. Ну вот, готово дело.

– Рискованный ты... А если б я стрелков не отозвал?

– Думаешь, что ты умнее всех?
– Ну, а все-таки?
– А ты заметил, что я все время неподвижно сижу?
– Ну и что?
– А то, что третья граната у меня ногой прижата. Если б ты сейчас дернулся меня валить, то всеобщий кирдык бы и наступил чуток погодя.

Кольцов покачал головой:

– Непрост ты, дядя.

– Так и жизнь у меня непростая была.

Я наклонился и вытащил из-под сапога третью гранату.

– Теперь-то – все?

– Все. Зови своих, пусть грузовик разгрузят. Там в кузове есть чем поживиться.

– Хозяйственный ты.

– Не я. Немецкий это грузовик. Еще утром немцы катались. Вот я и решил, что жлобство это – они на колесах, а я пешком.

– Так прямо и согласились отдать?

– Не сразу. Но я уговаривать умею хорошо.

Когда я стал вытаскивать из кабины свой арсенал, лейтенант уважительно кивнул. Снайперка, два автомата и карабин – впечатляло.

– Помочь?

– Да уж, сделай милость. Мне самому все это тащить не с руки.

– Сюда же принес?

– Два ствола – хозяйские. Водила и еще с ним был какой-то водяной.

– ???

– От меня прятался – в ручей залег.

– Зимой?

– Именно так. Они там, похоже, воду брали и ледок покروшили. Вот он туда и плюхнулся со всей дури.

– Надо же! И не побоялся замерзнуть потом.

– Не успел.

– Не судьба была ему замерзнуть, видать...

– Не судьба. Кстати, и в ящике – не взрывчатка. Консервы там. Не забудьте.

Лейтенант подозвал Шевчука, и тот навьючил на себя мой арсенал. Себе я оставил только снайперку и лыжи. Прибежавшие из леса два бойца утащили из грузовика все остальное.

Шли мы долго, километра полтора.

Кроме лейтенанта в засаде на дороге участвовало еще трое.

Наконец, спустившись в овраг, мы увидели неяркий костерок, и тут же нас окликнули:

– Стой! Кто идет?

– Свои, Шерстобитов, свои, – ответил Кольцов.

– Вы, товарищ лейтенант? А с вами кто?

– Партизан это, местный.

Мы прошли к костру. Оглядевшись, я увидел несколько шалашей. Людей не было. Спят? Лейтенант присел на бревно, кивнул мне напротив:

– Поговорим?

– Без проблем.

– Шевчук!

– Я, товарищ лейтенант!

– Консервы открой, народ покормить надо.

– Сколько брать?

- По банке на двоих.
- Подхватив ящик, Шевчук уволок его в темноту.
- С едой напряг? – посмотрел я ему вслед.
- Заметно?
- В другом случае – утром бы есть стали.
- Да, плохо у нас с этим.
- С чем хорошо?
- Да, сказать по правде – со всем плохо.

Лейтенант протянул руки к огню. Пальцы у него подрагивали. Устал? Замерз? Подошедший боец молча поставил на бревно открытую банку консервов и отошел в темноту.

- Угощайтесь, – кивнул мне Кольцов. – Ваши же, из грузовика.
- После тебя, лейтенант. Я в последнее время не шибко от голода страдал, перетерплю.

Уговаривать его не пришлось, и почти две трети банки он умял достаточно быстро. Облизал ложку и подвинул банку мне.

- Пока есть буду, рассказывай.

И Кольцов рассказал.

В вылазке на дорогу участвовали практически все способные к передвижению бойцы. Таковых вместе с ним было пять человек. В лагере остались двое тяжелораненых, и один боец, раненный в руку, стоял на посту. Из оружия на всех имелся только пистолет лейтенанта (с пятью патронами) и две винтовки (тринадцать патронов). Так что мой арсенал был для них неоценимым подарком. Еды у них практически уже не было.

- Давно вы тут?
- Полтора месяца.
- Ни фиги ж себе! Так тут и сидели?
- Нет. Нас больше было. Роту уже три месяца как отрезали. Мы по лесам прошли километров двести. Сначала проще было, патроны были, оружие. Военврач с нами был.
- Это как же вас так?
- Мост мы держали. Приказ был: держать до последнего. А немцы с флангов обошли и на мост не пошли. Вот мы у них в тылу и оказались.
- Что ж, так и остались у моста-то сидеть?
- День еще просидели. А потом зажгли его и в лес отошли. Тем более что они начали нас минами обкладывать. Вот ротный и распорядился – мост зажечь и уходить.
- А дальше как вышло?
- Сначала по лесам шли. С едой плохо было, но местные помогали понемногу. У немцев брали иногда. Но больше старались тихо идти. Ротный говорил – к своим надо, тут воевать не наше дело.

- Неправ он был. Умеючи, тут целой ротой можно было бы таких дел наворочать!

– Так то ж – умеючи. А у нас вся рота из вчерашних школьников составлена была. Опытных солдат – хорошо, если пол взвода набралось. Но хорошо шли, почти без потерь. Вот только с продовольствием последнее время хуже стало. В деревнях почти всюду немцы стоят, да и на дорогах старались мы не шуметь.

- А как же... – я кивнул головой на шалаши.

– Там, – кивнул головой куда-то в сторону лейтенант, – у немцев большой склад. Пушки, техника, еще что-то.

- Ну и что?

– А то, что вышли мы к нему около месяца назад. Ротный, как посмотрел, так и говорит: «Нельзя нам мимо такого объекта просто так пройти. Если его уничтожим, то урон большой немцам нанесем. Не стыдно будет потом перед своими».

- Это он правильно прикинул.

– Вот мы под утро и ударили. Только у немцев там танковый батальон стоял. Прижали они нас, а тут немцы опомнились и пушки эти развернули. И все. Полчаса – и не стало роты.

– Сделать-то хоть успели чего?

– Несколько пушек гранатами взорвали, склад бутылками подожгли. Ну и немцев не меньше взвода положили. Кто ж знал, что танки эти к маршу готовились? И экипажи у них уже внутри были?

Не эту ли канонаду я слышал? Я-то думал – фронт. А тут – вон оно что было.

– А потом что было?

– Кто успел – в лес ушел. Но немцы еще долго по лесу ходили. Многих побили, особенно раненых. Уже после мы тут собрались. Нас больше было. Раненых было человек десять, да и живых столько же.

– Куда ж все делись?

– Понятно было, что нам к своим с таким грузом уже не уйти. Вот старший лейтенант Коробицын и приказал – раненых оставить тут, а остальным идти к фронту, за помощью.

– И ушел?

– Ушел, и с ним еще пятеро. Мы им почти все оружие отдали, а они нам все продовольствие оставили. Так вот и сидим тут. Несколько человек умерло за это время. Вот мы на дорогу и вышли, а что ж делать-то оставалось? Еды почти нет, медикаментов тоже, бинты – и то в воде отстирываем.

– Давно они ушли?

– Около двух недель.

– Судя по всему – не дошли.

– Похоже. Хорошо, что мы на вас наткнулись. Может быть, теперь легче будет, у вас ведь тут отряд, наверное, есть?

– Не обрадую я тебя. Отряда у меня нет.

– Как так? А я уж было думал...

Кольцов замолк. Видно было, что мои слова выбили у него последнюю надежду.

– К фронту я иду, лейтенант. В разведотдел. У меня документы немецкие важные с собой. Их надо срочно нашим доставить.

– Так, может, в деревнях где раненых спрятать можно?

– Не думаю. Тут в каждой, почитай, деревне немцев полно. Да на и сам посмотри.

Я вытащил трофейную карту и отдал ее лейтенанту.

– Темно тут, может, утром?

– И то – правда. Утро вечера мудренее. Глядишь, и мысль какая умная в голову придет?

Однако же поспать всласть так и не пришлось.

Чуть стало светать, как я растолкал лейтенанта, он спал в соседнем шалаше.

– Давай, лейтенант, буди своих архаровцев и за мной.

– Куда?

– За кудыкину гору. Грузовик-то мы на дороге оставили?

– Ну?

– А от него в лес тропа натоптана. Вот поедут утром немцы... Дальше продолжать?

– Понял. – Сон у него как рукой сняло. – Пять минут.

Через несколько минут мы топали по лесу.

Слава богу, что с утра по дороге никто еще не проезжал. Грузовик стоял на месте.

– Значит, так, бойцы. Дерево – на фиг с дороги. Что хотите делайте, но чтоб тут его не было. Лейтенант, пошли кого-нибудь поискать съезд в лес, чтобы машину туда загнать.

– Марченко! Задачу понял?

Высокий боец кивнул:

– Так точно, товарищ лейтенант.

– Вот и бегом по дороге, ищи.

Боец умчался, а я полез в машину. Постараемся ее завести, метров 200–300 проедет даже и при пустом радиаторе.

Минут через десять дерево оттащили в сторону. А еще через минут пятнадцать прибежал и Марченко.

– Товарищ лейтенант, там поворотов нет нигде, но метров через двести, прямо у дороги, – овраг. Глубокий такой и весь кустами зарос.

Кольцов вопросительно на меня посмотрел.

– Сойдет и овраг. Возьмите из кузова канистру – слейте бензин из бака, пригодится. Брезент заберите и накидки, да и тент неплохо бы содрать, не помешает.

Еще через несколько минут машина выглядела весьма печально, с содранным тентом, помятым капотом и пробитым бензобаком (кран слива топлива так и не нашли), кое-как заткнутым куском тряпки – прямо хоть сейчас на свалку. Двигатель, однако, завелся, хоть и не сразу.

Проехав по дороге метров двести, я увидел тот самый овраг. Марченко не соврал, туда и танк ухнул бы без задержки. Распахнув дверь, я выбрался на подножку и вывернул руль. Теперь можно и прыгать.

С треском пробив кусты, грузовик грохнулся вниз. Еще некоторое время работал мотор, потом все стихло.

– Лейтенант!

– Здесь я!

– Пускай бойцы веток нарежут и на дороге подметут. Обочину подправят, чтобы следы были бы не так хорошо видны. Чтоб не сразу машину в овраге засекли. Да и наши следы на дороге неплохо бы подмести. Место, где в лес свернем, – снегом присыпать.

– Сделаем, – и Кольцов начал отдавать распоряжения.

Отойдя в лес в направлении лагеря, я присел на корягу. Пускай пока бойцы поработают. Они хоть и недоедавшие, а все моложе меня будут. Хоть клиент мне достался и нехилый (сразу видно, что не карандашом работал раньше), и силушкой его бог не обидел, а все же возраст – не шутка. Мне еще пилить и пилить, силы беречь надо.

Минут через сорок подошел лейтенант с бойцами. Они тащили за собой по снегу срубленные еловые ветки. Еще и снежок небольшой пошел – совсем хорошо. Хилый снегопад, а все же лучше, чем никакой.

– Уходим?

– Обожди, лейтенант, посмотрим еще. Дождемся первых немцев, по ним и пойдем, удалась наша маскировка или нет. Прилягте тут пока, вон хоть на брезент.

Бойцы залегли. Молодец лейтенант! Бойцы у него немногословные, приказы выполняют быстро. Неплохой из него командир будет. Если доживет...

Уложив ветки, лейтенант лег на них рядом со мной.

– Не помешаю?

– Скажешь тоже...

– Я смотрю, у вас опыт командования есть. Служить приходилось?

– Я и сейчас не в отпуске.

– И до какого звания дослужились, если не секрет?

– Майор.

Лейтенант дернулся, пытаясь встать.

– Лежи, лежи, не на плацу.

– Товарищ майор...

– Тихо, тихо, лейтенант. Не при всех. Не надо. Для всех прочих я – партизан дядя Саша.

Лейтенант замолчал, переваривая услышанное.

– А вот это, – кивнул он на мои татуировки на руках. – Почему?

– Будет надо для дела, так я в набедренной повязке здесь качучу спляшу. Не хуже африканского негра. Слышал такое слово – разведка?

– А как же!

– Вот и соображай.

– Так что ж вы тут один делаете?

– Это я здесь один. Группа моя отсюда далеко. Да и не все уцелели, к сожалению.

– Немцы?

– Китайцы! Кто ж еще?

– Трудно было?

– По-всякому, лейтенант, по-всякому. И мы им хвосты крутили, и от них прятались, тоже бывало. Голову сложить – особого таланта не надобно. Сберечь, да еще с пользой для дела, – другой коленкор.

– Догадываюсь... У вас работа – врагу не пожелаешь.

– Это ты точно сказал.

Прошло еще около часа, снегопад прекратился. И вот вдаль я услышал подвывание мотора.

– Лейтенант, – я толкнул в бок Кольцова, он уже успел задремать. – Бойцов буди, только не вставайте и не шевелитесь особо. Немцы едут.

Через несколько минут все были на местах.

Я окинул глазами наше воинство. Две винтовки, два автомата, лейтенант с «ТТ». Кстати.

Порывшись в вещмешке, я протянул ему «парабеллум», позаимствованный у невезучего немца в лесничестве.

– Держи. Вот и пара обойм к нему. Потом еще у бойцов патронов отсыплешь, если надо будет.

– Спасибо.

– Да не за что.

Еще несколько минут ожидания, и на дороге появились грузовики. Один, второй, третий...

– Не стрелять никому! Пусть мимо пройдут.

Переваливаясь на ухабах, машины медленно проползли мимо нас.

– Не расслабляемся! Им еще мимо оврага ехать.

Прошла минута, другая. Шум моторов постепенно затихал вдаль.

– Похоже, что не заметили они ничего. Ну и ладно! Командуй, лейтенант, пора и в лагерь идти.

В лагере нас ждали с нетерпением. Видимо, долгое отсутствие лейтенанта с бойцами заставило остальных понервничать. На костер тут же водрузили пару котелков с едой и водой.

Я тронул лейтенанта за рукав:

– Присядем, пока харчи готовят.

– Добро. Сейчас, распоряжения отдам.

Озадачив бойцов, Кольцов присел рядом со мной.

– Что дальше делать собираешься, лейтенант?

– К нашим надо. Раненые не выживут тут долго. И так уже вон могилы есть, не могу больше смотреть, как они смерти ждут.

– Соображения?

– Может, с вами пойдем?

– Шутишь? Как ты собираешься раненых мало что через линию фронта тащить, так и просто до нее нашими-то силами доволочь?

- Не знаю. Может быть, вы чего-нибудь придумаете?
- Что у тебя с оружием?
- Если с тем, что вы отдали, так три винтовки, два автомата и два пистолета. Гранат нет. Патронов – минут на двадцать боя. Все.
- И с этим ты собрался фронт прорывать? Что с продовольствием?
- Считая вчерашние консервы – дней на пять-шесть.
- За это время мы с ранеными даже и до линии фронта не дойдем.
- Кольцов кивнул, видимо, он это и сам понимал.
- Выводы?
- Я раненых бросить не могу.
- Я об этом и не думаю даже. И не это в виду имел.
- Не знаю. Всякое в голову лезет, но ничего толкового не придумал пока.
- Короче, лейтенант. Сейчас СЮДА за вами никто не придет. Веришь?
- Может, позже?
- Когда все раненые умрут?
- ...
- Есть у меня одна мысль. Для тебя и твоих бойцов этот выход – единственный.
- Какой?
- Знаю я ОДНО место, куда наши придут скоро. Причем придут ОБЯЗАТЕЛЬНО, и силами немалыми. Это для вас – последний шанс.
- Куда же это?
- Не очень далеко отсюда. Ты с ранеными туда можешь дойти дня за три-четыре, если повезет.
- Где это?
- Назад пойдешь. К немцам в тыл. Я тебе на карте покажу, зарисуешь. Карту я тебе не отдам.
- Карта у меня есть. Без таких пометок, как у вас, но есть.
- Вот и ладно. Без нее тебе неудобно будет, все-таки немецкий тыл. Так что пометки и себе сделай тоже.
- Зачем же туда наши пойдут? Я думал – ближе к фронту.
- Зачем – это я тебе не скажу. Не обижайся, не могу. Это секреты не мои. Я и сам тут, как видишь, в роли почтальона работаю. Вот и представь, что это за штуки такие, коли целый майор только бумажки таскает.
- Кольцов честно попытался представить. Видимо, ему это удалось, и он кивнул головой, соглашаясь:
- Понимаю.
- Там, куда ты придешь, будет один наш человек. Он как раз эту группу ждет.
- А что я ему скажу?
- Ей. Девушка это. Ранило ее, и ходить она не может. Вот заодно и ее посмотрите. Раз уж ты этих раненых кое-как выходил, то и за ней присмотреть можешь.
- Посмотрим, конечно. Только вот с медикаментами у нас, сами знаете...
- Там есть. Не очень много, но лучше, чем у тебя. И тебе хватит, если с умом расходовать.
- Конечно, я все понимаю.
- Не все еще. Делай что хочешь, но девушка эта ДОЛЖНА выжить ЛЮБОЙ ценой. Какова бы эта цена ни была. Ее жизнь СЕЙЧАС полка стоит, а то и поболее.
- Что ж это за человек такой? И почему ВЫ ее в таком случае одну оставили?
- Хороший вопрос, лейтенант. Мог бы я тебе на него и не отвечать, но – скажу. Знает она МНОГО, и нельзя эти знания никак иначе, кроме как с ней вместе, к нашим переправить. А один я ее бы далеко не унес.

– А как же она там одна, в лесу?

– Лагерь у нее оборудован. Тепло там, еда есть, много. Консервы, хлеб, сало, водка. Вода поблизости. Своих раненых там же разместишь, места хватит. Все лучше им там будет, чем здесь, в шалашах.

– Серьезно это у вас.

– Оружием она тебе поможет, патронами. Вопросов ей не задавать и с расспросами не лезть. Звания у вас с ней одинаковые, так что держись с ней ровно, она девушка умная. И тебе мешать не будет.

– Вот даже как...

– Будет про меня расспрашивать – Расскажи, что видел. Лейтенант кивнул, соглашаясь.

– Душевно тебя об одном прошу.

– Слушаю.

– Будете к ней близко подходить – веди себя осторожно! Не дай вам бог немцев за собой на хвосте притащить! Сделаешь так – я тебя и на том свете найду, не то что в тылу немецком! Понял меня, лейтенант?!

Кольцов внимательно на меня посмотрел. Наверное, вид у меня в этот момент был весьма внушительным.

– Понял. Сделаю так, как вы скажете.

– Тогда копируй метки на карте, я потом тебе покажу, куда и как идти. Откуда к ней подходить надо, что при этом сказать, а то порежет она вас из автомата, и не мяукнете даже. Как немцев обойти – тоже покажу. Куда лучше не залезать – отмечу.

– Сделаю все прямо сейчас.

– Бойцам дай команду готовиться к выходу. Возьмите, что нужно в пути, раненых приготовьте. Носилки бы им...

– У нас есть, мы еще раньше из берез вырезали и плащ-палатки на это дело пустили.

– Вот даже как? Молодец, лейтенант, будет из тебя командир. Сил-то хватит, дойдете?

– Так нет же другого пути.

– Это ты верно сказал. Нету. Ни у тебя, ни у меня. Лады, готовьтесь. Я вам еще пару гранат отдам, мне и одной хватит. Будет нужно – у немцев позаимствую. Снайперку возьму, автомат оставь себе, вам нужнее.

Я поднялся, пора и перекусить. Вон боец у костра уже котелки с огня снял, смотрит вопросительно в нашу сторону.

– Товарищ майор?

– Да?

– Спасибо вам...

Через пару часов вся группа уже была готова к выходу. Раненых вынесли из шалашей и уложили на носилки, прикрыв трофейными накидками. Оружие распределили, в основном между здоровыми. Свой «ТТ» лейтенант отдал кому-то из раненых.

– Ну, что, лейтенант, – готовы?

– Да, можем выходить.

– Тогда – смотри еще раз. Карта твоя где?

– Вот она.

– Смотри. Сюда не ходи. Я тут давеча немцам шило под хвост воткнул, и они тут дюже злые. Обойдешь их вот здесь и вот тут, понятно?

– Да.

– Там в основном – лес. Особо быстро не пройти, но и снега не очень много должно быть. Зато шансов на немцев нарваться мало. Дорог там нет, и ничего интересного для них – тоже. На ночлег становитесь осторожнее, лучше в низинах, костер ночью видно хорошо и издалека. Дым тоже ветром разнести может прилично.

– Понял.

– Вот тут я тебе отметил места известных мне боев. *Наших*. Туда не лезь! Есть шанс, что ближайшие два-три дня немцы там могут шастать. Усек?

– Да.

– Теперь – основное. Вот точка на карте. В этом месте нет ничего. Это на тот случай, если карта в чужие руки попадет. Но если ты с этого места посмотришь вот сюда, – я показал ему точку на карте, – то в паре километров увидишь группу деревьев. Идешь на них не прямо, но с таким расчетом, чтобы выйти на них именно с этого направления. То есть к деревьям ты должен подойти строго отсюда. Подходить надо днем.

– Почему так?

– Потому, что она это место *видит*. И вас, соответственно, увидит тоже. И не будет стрелять, по крайней мере – сразу.

– А дальше – что?

– Подойдешь к деревьям один. Увидишь – там ель лежит, упавшая. Если правильно подойдешь, она, относительно тебя, будет смотреть налево. Крикнешь: «Котенок, привет тебе от дяди Саши». Понял? Повтори.

– Котенок, привет тебе от дяди Саши.

– Правильно. После этого она тебе должна ответить. Без ответа не подходи, крикни еще пару раз. Вдруг ей поплохело и она без сознания лежит? А тут кто-то незнакомый лезет? Стрельнет сперва, а потом уже и думать будет.

– Все понял. Что ей еще сказать?

– Что спросит, то и скажешь.

– Все?

– Все.

– Про вас что сказать?

– Расскажи, как встретились, как расстались. Пока ты к ней дойдешь, я уже у линии фронта буду. День-два, и перейду. Еще день-два – и к вам уже помощь придет. Не опоздай, они там долго не будут. Ну, бывай!

Мы обнялись. Я легонько похлопал лейтенанта по плечу и подтолкнул его в сторону бойцов.

Минут через десять они уже скрылись за деревьями. Я сидел у потухшего костра и смотрел им вслед. Вот еще несколько человек я отправил навстречу спасению. По крайней мере, мне хотелось так думать. Теперь, кроме Котенка, от меня зависят и их жизни. Смогу ли я? Другого варианта ни у кого из нас не было. Как там Котенок? Проснулась – а меня нет. Расстроилась? Почему-то это было мне очень важно. Хоть беги назад. Нет, назад пути нет. Я встал и, вскинув на плечо винтовку, пошел в противоположную сторону. Как там лейтенант сказал – склад у них там? Ну-ну. Посмотрим, что это за склад. Были у меня и на этот счет свои соображения.

**Из протокола допроса лейтенанта Кольцова Виктора
Николаевича, 1921 года рождения, член ВЛКСМ, ранее не судим.**

**Допрос произведен о/у особого отдела штаба ... армии
старшим лейтенантом госбезопасности Михалковым А. А.**

– Расскажите подробнее об обстоятельствах вашей встречи с «дядей Сашей».

– Как я ранее и докладывал, мы встретились с ним, когда бойцы под моим командованием организовали засаду на немцев.

– Подробнее, пожалуйста.

– Да, товарищ старший лейтенант госбезопасности.

Я отправил бойцов подрубить ель у края дороги.

– Кого именно?

– Рядовых Марченко и Бабурина.

– Чем они должны были подрубить ель?

– Топором. У нас был топор.

– Что дальше?

– Они подрубили ель и подперли ее слегой.

– Чем?

– Я приказал ранее вырубить шест такой, чтобы подпереть ель, ну, чтобы она не упала раньше времени.

– Вам приходилось это раньше делать? У вас есть опыт организации таких засад?

– Мне – нет. Но наш ротный, капитан Валиев, воевал в финскую войну. Он нам про это и рассказывал.

– Понятно. Продолжайте.

– Когда появился грузовик, мы выбили слегу, и ель упала на дорогу. Очень удачно упала, машина прямо в нее и врезалась. Водитель выключил мотор.

– Сам?

– Да, сам. Я еще обратил на это внимание. Машина ударилась в ель, а двигатель работает. Я собрался стрелять, если водитель попытается выехать задним ходом. Марченко тоже имел такое указание.

– Что было дальше?

– Марченко крикнул, чтобы сдавались и выходили с поднятыми руками.

– Кому он крикнул, вы видели кого-нибудь?

– Нет. И он тоже не видел.

– На что же вы рассчитывали?

– У нас было отчаянное положение. Не было почти совсем еды. У Марченко было всего десять патронов, у Шерстобитова три, он в лагере оставался. У меня в пистолете было пять патронов. Мы думали, что сумеем убить хоть кого-нибудь из немцев и возьмем у них оружие. И, если повезет – еду. Со мной рядом был рядовой Шевчук, у него был штык. Я ему приказал резать им немцев, если они будут прыгать из кузова. Сам я рассчитывал, что убью водителя, и если с ним кто-то будет в кабине, то и его тоже. А у них точно должно было быть оружие.

– Что должен был делать Марченко?

– Стрелять по всем, кого увидит.

– В том числе и по вам?

– Мы были закрыты от него кузовом, и нас он видеть не мог, а значит, и стрелять тоже.

– Но он мог попасть в вас случайно?

– Мог.

– Продолжайте.

– Марченко крикнул: «Руки вверх! Выходите из машины!»

– По-русски крикнул?

- И по-русски, и по-немецки.
- Он знает немецкий язык?
- Нам выдали разговорник, там это есть.
- Что было дальше?
- Из кузова никто не вышел, а водитель сказал, чтобы с ним говорили по-русски, он плохо понимает немецкий язык.
- В каких выражениях он это сказал?
- Что-то вроде того, что Марченко говорит по-немецки, как он, водитель, по-китайски.
- А он действительно говорит по-китайски?
- Не знаю, при мне он говорил только по-русски. Хотя один раз он китайцев вспоминал.
- Когда?
- Я его спросил, с кем вели ранее бои его бойцы, и он сказал – с китайцами. Но из разговора было видно, что он имел в виду немцев и про китайцев сказал, имея в виду мою несообразительность.
- Что было дальше?
- Марченко крикнул, чтобы водитель выходил из машины, на что тот ответил, не могу – двери заклинило. А сам выбить он их не может. К этому времени Шевчук успел заглянуть в кузов, там никого не было. И мы подошли к кабине и увидели, что водитель был один.
- И что же вы сделали?
- Я спросил, почему он не выходит?
- И?
- Водитель сказал и мне – двери заклинило. И тогда я приказал Шевчуку открыть дверь.
- Проще было выбить дверь изнутри.
- Да, но водитель сказал, что ему в кабине тесно и он не может выбить дверь, не опустив рук. А за это его застрелит Марченко.
- Марченко так и сказал?
- Примерно так. Но смысл был именно этот.
- В кабине действительно было так тесно?
- Не очень, можно было повернуться.
- Как развивались события дальше?
- Шевчук дернул дверь, и она распахнулась. Он не ожидал этого и упал. Дверь была не заклинена, водитель нас обманул.
- Зачем?
- Он из машины выходить не хотел. Да и не мог.
- Почему?
- Так у него под ногой граната была!
- Откуда?
- Так он сам и положил ее!
- Себе под ногу?
- Под правую, и еще две гранаты в руках держал. А нам сказал, что в кузове – ящик со взрывчаткой. А он из гранат кольца вынул!
- Зачем ему это было нужно?
- Он сказал, убери стрелков – тогда поговорим. Или нас тут всех похоронят на дороге.
- И что же?

– Я приказал Марченко отойти в лес. Я не хотел, чтобы и он погиб, до машины было метров пятнадцать, и он мог погибнуть при взрыве.

– А после этого?

– Он отдал мне гранату и сказал: «Подержи». Сам стал вставлять кольцо в другую. Потом взял у меня первую гранату и вставил кольцо в нее.

– Вы не пытались в этот момент его обезоружить?

– Я об этом думал.

– Почему же не обезоружили?

– Он и это предвидел, у него под правой ногой граната была, и он мне об этом сказал.

– И потом?

– Он обезвредил и эту гранату. И отдал нам оружие из кабины. Там было две винтовки и два автомата. Он оставил себе винтовку с оптическим прицелом, а остальное оружие и патроны отдал нам.

– Исправное?

– Да, мы потом из него стреляли.

– Вы говорили с ним долго, что вы можете про него рассказать?

– Он немного необычный человек.

– В чем это выражается?

– Спокойный какой-то, даже вроде бы с ленцой. Но это не так. Он даже ходит как-то по особенному.

– Как же?

– Как кот.

– В смысле?

– Он лишних шагов не делает. Мы по лесу идем, дерево лежит. Все через него перешагивают, перелезают по-разному. Он постоит, посмотрит. Потом один-два раза шагнет и уже на той стороне. Потом посмотришь – а так действительно проще и короче.

– Интересная особенность. У него что же, еще и другие такие есть?

– Есть. Он вообще лишних движений не делает. Мы когда немцев у дороги ждали, так он вообще к ней спиной сидел и слушал. Потом вдруг – раз и уже лежит, и винтовка в руках. Я даже не увидел, как он повернулся и лег.

– Он что же, и стреляет хорошо?

– Я не видел. При мне он не стрелял. Но оружие у него всегда под рукой.

– Каким образом?

– Ну, вот он сидит или стоит, разговариваем. Он, как и все, руками что-то показывает или делает. Но одна рука все время около оружия, так, чтобы быстро выхватить.

– Какая именно?

– По-моему, ему все равно. У него два пистолета всегда под рукой. Слева и справа.

– И быстро он их выхватывает?

– Я не видел, при мне он этого не делал. Но винтовку – очень быстро. Он даже как-то по-другому это делает, не так, как мы.

– Расскажите.

– Мы по лесу утром шли, к машине, думали, немцы ее найдут и нас искать будут. Все наготове – вдруг они уже ее нашли и нас уже ищут? Сучок треснет – все за оружие хватаемся. А он – нет, только смотрит внимательно. А потом, идем, идем, и вдруг он как-то в сторону свинтился и уже из винтовки целится.

Я смотрю, а метрах в ста с елки снег посыпался. Он это и увидел. Там, правда, не было никого, но страху мы натерпелись.

– Свинтился – это как?

– Ну, присел и как-то повернулся, я даже и не понял, только он уже был в стороне и сзади. И уже с винтовкой, я даже не видел, как он ее с плеча снимал. Такое впечатление, что он ее все время в руках нес.

– Еще что можете про него рассказать?

– Он приказы как-то очень коротко отдает. Несколько слов – и все ясно. Вообще мало говорит.

– Откуда вы взяли, что он – майор?

– Он сам сказал. Я его спросил – служил он или нет. Он сказал – служил и сейчас служу.

– Где?

– Он сказал – в разведке. Сказал, что майор, и попросил его так не называть. Я тогда наколки на пальцах увидел и спросил – зачем? Он и сказал – для дела надо.

– Не сказал, для какого?

– Нет.

– Что еще необычного вы заметили?

– Когда он маршрут нам объяснял, я еще удивился, зачем сложно так.

– И зачем же?

– А я только на месте это понял. Если им идти, то радистка нас все время видит и может успеть уйти.

– Отчего вы взяли, что она – радистка?

– У нее в чуме рация была.

– В чуме?

– В шалаше. Только он сделан как-то основательно, даже и с дверью, и очаг в нем есть, и стены толстые из снега и елок. А я в книге, на картинке, такой видел – написано «чум».

– Понятно. Если у меня на стене будет барабан висеть, то вы скажете, что я – барабанщик?

– Нет, но это же совсем другое дело!

– То есть девушка вам не говорила сама ничего о том, что она радистка?

– Нет. Не говорила.

– И вы ее не спрашивали?

– Не спрашивал. Майор, ну, дядя Саша, сказал – вопросов ей не задавать. Да и видно было, что она из того же теста слеплена. Так что лучше не лезть.

– Отчего видно?

– Я когда к чуму, ну к шалашу, подошел и крикнул, как майор сказал: «Котенок, привет тебе от дяди Саши». Она ответила сразу. Сказала: «Положи оружие и подходи». В шалаше вход низкий, я на четвереньках вползал. И когда вполз, увидел, что мы все у нее на мушке, она нас всех видит хорошо.

– Какое у нее было оружие?

– Автомат был, немецкий. Еще что-то было, но она не показывала.

– И дальше?

– Мы поговорили, я ей рассказал про встречу, и она сказала: «Несите раненых». Я тогда повернулся и увидел, что над входом граната подвешена и от кольца веревочка ей к здоровой ноге протянута. Если б я ее обезоружить

попытался, она бы только ногой шевельнула, и все. Меня аж пот прошиб, а она себя спокойно вела. Тогда я все и понял.

– Вы занесли раненых, и что?

– Она достала откуда-то лекарства и отдала мне. Показала, где продукты лежат. Потом спросила, что у нас с оружием. Показала точку на карте и сказала, что в этом месте в двадцати метрах от дороги лежат три винтовки. Описала, как найти и откуда подходить.

– Лежали?

– Да. Немецкие. Правда, мы только две нашли, третью не отыскали, снег глубокий и дорога рядом. Мы их и принесли. Она отдала нам пулеметную ленту с патронами, они как раз подходили. И еще патроны россыпью были.

– Что было после этого?

– Раненых мы у нее в шалаше оставили, там им всем удобно было и тепло. А себе рядом шалаш сложили, веток много было.

– Спасибо. Распишитесь вот тут. Предупреждаю вас, что все, вами сказанное, является строго секретным и разглашение данных сведений кому бы то ни было будет преследоваться по законам военного времени. Понятно?

– Да. Мне все понятно.

– Распишитесь.

К вечеру я вышел к складу.

Вернее, я сначала вышел на место боя. Измочаленные деревья и глубокие воронки. Перепаханная земля, обрывки обмундирования – все это ясно указывало, что бой был именно тут. Тел погибших я не нашел. Лейтенант не говорил мне о том, похоронили они своих погибших или нет. Надо полагать, что немцы все же это сделали, не оставили на съедение зверям. Стараясь передвигаться осторожнее, я вышел на край поляны, откуда уже был виден склад.

Да, нечто подобное я и ожидал увидеть.

Склад был немаленький и хорошо охраняемый. Пулеметные вышки по углам. Двойной забор из колючей проволоки, между которым была видна патрульная тропа. Хорошо хоть инфра и сейсмических датчиков тут еще не придумали.

А где же у них тут танки стояли? Все свободное пространство было занято штабелями боеприпасов и какими-то ящиками. Зачем тут вообще танкам быть? Не вписывалось это в мои умопостроения.

Пушки. Где они и что это за пушки? Судя по воронкам – миллиметров 120, не меньше.

Ага, в левом углу что-то брезентом затянуто. Точно – пушки! И здоровые же! Стопятидесятимиллиметровые гаубицы. Вот из чего досталось роте. Неслабо! Значит, это – то, что я думал. Склад армейского артиллерийского резерва. Значит – отсюда ежедневно уходит транспорт со снарядами на передовые позиции. Не совсем на передовые, пушки такого калибра не стоят на линии траншей. Но это – именно то, что мне надо. Там и контроль не такой еще жесткий, и линию постов в деревнях на такой машине пройдешь без задержек. Эти машины всем известны, и пассажиров в них (по крайней мере – туда) не бывает. Значит, по дороге не засекут. Я мысленно поставил себе плюс. Вопрос за малым – как на такую машину попасть? Ворот отсюда я не видел. Холм, с которого я смотрел, полого опускался вниз, к складу, и частично закрывал от меня ближнюю его часть. Возможно, ворота находятся там или на противоположной стороне. Ничего, ближе подойду – увидим.

Снова вернувшись под укрытие деревьев, я потопал вперед. Время на разглядывание еще было, потом уйду в лес и переночую. Утром проверим противоположную сторону. Игра стоила свеч. На немецкой машине я сделаю этот путь много быстрее, чем пешедралом.

Вот и опушка леса рядышком, тут уже осторожнее надо. А лучше всего – ползком. Благо снег тут имеется и не слишком глубокий. Но для маскировки – вполне достаточно.

Вот и опушка...

Что это?!

На поле, перед складом, застыла атакующая цепь. Я ясно различал фигуры бойцов в шинелях. Вон кто-то в ватнике. В шапках и без. Оружия не видно. Что за чертовщина? Где бинокль?

Цепь действительно застыла.

Стоявшие в рост фигуры бойцов блестели ледяными гранями. Заходящее солнце последними лучами осветило эту страшную картину. Так вот где нашли последнее пристанище бойцы погибшей роты...

В бинокль мне было хорошо видно эту страшную цепь. Я даже мог рассмотреть отдельных бойцов. Стояли они в поле, метрах в пятистах от колючки, и их было хорошо видно с моей позиции. Видимо, эта цепь находилась тут достаточно давно, некоторые тела уже успели упасть, некоторые наклонились и стояли в какой-то странной, сюрреалистической позе. Судя по всему, автор этого страшного паноптикума обладал какой-то изощренной и извращенной фантазией. Эх, попался бы ты мне, голубок, я б с тобой вдумчиво побеседовал бы. Продолжительно и не торопясь... Ты б у меня на всю оставшуюся жизнь этот разговор запомнил...

Однако рассмотреть весь склад с этой позиции невозможно. Да и дороги тут нет, по-видимому, она с другой стороны. Делать нечего, поползем не торопясь туда. Я отполз с опушки назад и уже шагом, пригибаясь, двинулся в обход склада. Метров через пятьсот я увидел хорошо натопанную тропу, а чуть поодаль еще и дорогу, которая вела на холм. Странно, там вроде бы лес, куда тут ездить-то? Надо посмотреть...

Минут через десять осторожного передвижения я расслышал какие-то металлические звуки. Кто-то бил молотком по немаленькой (судя по звуку) железяке. Рембат у них тут, что ли? А почему на вершухе холма, как сюда поломанную технику затаскивать?

Нет, это был не рембат.

На очищенной от леса и снега площадке стояли зенитки, шесть штук 88-миллиметровок. Они были вытянуты правильным прямоугольником со сторонами метров по двести. По краям прямоугольника стояло еще по парочке «Эрликонов». Около одной зенитки копошилась кучка людей, оттуда и раздавались удары молотком. Вот они что ремонтируют! Метрах в пятидесяти от меня была невысокая вышка. На ней, с любопытством наблюдая за действиями ремонтников, стоял немец. Он облокотился на перила и на лес не смотрел вовсе. Аналогичные сооружения были и на противоположной стороне площадки. И там тоже был свой наблюдатель. Между вышками, так же как и на складе, была натянута колючая проволока. Только здесь она была натянута в один ряд. Патрульная тропа проходила с внешней стороны забора. И как раз сейчас по ней неторопливо шли двое немцев с карабинами. Были они метрах в ста от меня и с каждой секундой удалялись все дальше.

Значит, тут у них расположена ПВО. И, надо сказать – очень грамотно. Склад ниже, и со стороны батареи его защищает холм, утыканный зенитками. С любой другой стороны – тоже не сахар. Обзор у них отсюда великолепный, видят они далеко. Просто так этот орешек не раскусить. Тот, кто строил систему охраны склада, в своем деле был далеко не последним специалистом. Зенитки простреливают также и подъездную дорогу. Отсюда ее было хорошо видно. А вот поле, откуда атаквали погибшие соратники лейтенанта, отсюда практически не просматривается. Судя по логике построения системы обороны, должна быть еще одна батарея или как минимум пара пушек и пулеметов, которые контролируют еще и это направление. Неслабо тут немцы окопались! Как вообще наши сюда прорвались-то? Скорее всего, склад

тогда еще не был достроен, и не вся оборона была задействована в должной мере. Иначе роту положили бы просто из зениток. Даже не расчехляя гаубиц.

Ладно. ПВО это мне особо и не уперлось. Делать тут мне нечего, а главное, незачем. Повредить или уничтожить зенитки, допустим, можно. Только что это мне даст? К выполнению главной задачи это меня не приблизит ни на сантиметр. Обидно, досадно – ну ладно. Зато с этой позиции я могу сколько угодно времени смотреть в бинокль на дорогу, на склад и куда угодно. Все равно, если и заметят отблеск линз бинокля – спишут все на зенитчиков.

Однако же время к 20 часам подходит, а движения машин я до сих пор не видел и не слышал. Они что же – не каждый день отсюда ходят? Это не есть гут. Нас это не радует вовсе.

Опасения мои, однако, оказались напрасными. Минут через сорок на дороге появилась, наконец, колонна грузовиков – десять штук.

Так, теперь внимание! Смотрим порядок заезда и выезда машин.

Идут они колонной, интервал между машинами метров по пятьдесят. Дорога в целом открытая, ложбинки и бугорки есть только в двух местах. Кустов немного, и обзору они мешают не особо. Со своей позиции я спокойно мог отследить каждый автомобиль. Значит, и часовые на вышках их тоже видят. Резюме – посадка на автомобиль в данном месте исключена. Доехав до ворот, колонна остановилась, и к передней машине подошел офицер – я видел его фуражку. Минутная задержка – и ворота распахнулись. Машины проследовали внутрь и остановились около штабелей с боеприпасами. Водители повыскакивали из машин и гурьбой побежали к продолговатому зданию. Что там у них? Судя по тому, какими оттуда они вышли минут через тридцать, – столовая. Ужин у них, стало быть. Проголодались, голубчики? К машинам они не пошли, сели в кружок недалеко от столовой и, по-видимому, закурили. Отсюда я этого не видел. Но было логично предположить, что в другом месте на территории артсклада им курить не разрешат. Интересно, они сегодня поедут куда – или как? Пока немцы ужинали, их машины не торопясь загружали боезапасом. Через полчаса-час и закончат уже. Сколько уже тогда будет времени? Ближе к десяти. Машинам ехать с таким грузом не менее трех-четырех часов, а то и более. Придут они на позиции глубокой ночью. Будут их там сразу разгружать или нет? Артиллерия крупного калибра по ночам не стреляет – боезапас дорогой и выбрасывать его неведомо куда никто не будет. Вывод – необходимости в ночной поездке нет. Значит, что? Утром они поедут. А чтобы времени не терять, грузят их уже сейчас. Надо уходить на дорогу, в лес и там уже и подсаживаться.

А склад? Так и бросим? Хорошо – не бросим, а что я один тут сделать могу?

Какие вообще есть варианты напакостить фрицам?

Самый простой – пальнуть по складу из зенитки. Одного выстрела хватит за глаза, и все равно – куда и в какой штабель я попаду.

После этого можно сразу заворачиваться в простыню и медленно ползти в сторону ближайшего кладбища. Можно и не ползти, кладбище будет и тут, причем весьма скоро. Даже и ползать никуда не потребуется. Отпадает...

Бросить гранату через забор? Те же яйца – вид сбоку. К забору, кстати, еще подойти нужно. Да и граната у меня только одна. Отпало...

Палить из снайперки по штабелям? Ну, жив-то я, скорее всего, останусь. Ненадолго, пока немцы зенитки не развернут. А вот эффективность этой стрельбы мне лично кажется сомнительной.

Добыть танк и пальнуть из него? Чего уж сразу не из гаубицы? Да и механик-водитель, не говоря уж о стрелке, из меня весьма посредственный. Нет, проехать сколько-то расстояния я еще смогу, но вот чтобы при этом еще и стрелять? Да, наконец – где взять этот танк? Отпадает...

Получается – дохлый номер?

По всему выходит, что так.

Любой вариант ближней контактной атаки на склад – могила. Обиднее всего, что зазря. Наверяд ли я проползу к пушкам. Еще менее вероятно, что сумею пушку эту зарядить и выстрелить. Совсем уж невероятным выглядит бросание гранат через колючку и пальба по штабелям издалека.

Что остается?

Мина замедленного действия!

Сообразил?

Молодец!

Где ее взять эту мину? И каким образом затащить на склад? Да не просто затащить, а еще и к штабелю со снарядами?

Сколько эта подготовка займет времени? Не проще все же пешедралом топать? Я покопился в сторону поля с его ледяными композициями. Не хотелось бы спускать фрицам подобные умственные отклонения...

Будем думать. Не торопясь (но и не расслаживаясь особо) взвесим все возможные варианты.

Представим, что мина у меня все-таки есть.

Как доставить ее на склад?

Сам не донесу, даже и до забора не дойду.

Вариант?

Один – если это сделают за меня немцы.

Какой немец нам нужен?

Не всякий. А тот, который принесет ее прямо к штабелям с боеприпасами.

Есть такой немец?

А как же – есть. Причем – не один.

Отлично, будем считать эту проблему решенной.

Теперь – где мину взять?

Звяканье и удары у пушек тем временем стихли, и ремонтники, собрав свои причиндалы, потянулись к выходу. Двое солдат поправили маскировочные сетки над пушками и тоже потопали вслед за ремонтниками. Интересно – куда их понесло? Хотя, в принципе, ясно – ужин. Вот интересно, они сами тут харчуются или на склад ходят? В принципе, подразделения разные, но задача одна. Могут им со склада еду возить или сами готовят? Прикинем. Одну зенитку обслуживают человек 6–10, а их тут шесть штук. Да пара «Эрликонов» – это еще человек пятнадцать, как минимум. Охрана, скорее всего, хакает централизованно, на складе. По-любому здесь зенитчиков не менее ста человек, и термосами столько не натакаешь. Бросать пушки без расчетов стремно – вдруг налет? Значит – кухня тут своя. На склад не пойдут – далеко, в случае чего – не добежать. Продукты могут брать из общего склада, но готовят сами. Очень хорошо, теперь – где эта кухня? А по тропиночке пойдём вслед за ремонтниками, наверняка они туда и приведут.

Метров через полтора-два тропинка нырнула в ложбину. Затянутый сверху масксетью, там располагался небольшой лагерь. Устроившись в кустах, я принялся его изучать. Вышек нет, одно пулеметное гнездо у входа и парный пост с противоположной стороны. Стоянка машин – пять штук. Легковушка и четыре грузовика. Дорога петляет по лесу и, видимо, соединяется с дорогой на склад. Колючка в одну нитку по периметру – ерунда. Четыре барака, три в линию – казармы зенитчиков и один поодаль – штаб? Или офицеры живут? Маленький домик с антеннами – узел связи. А вот и столовая – отдельно стоящее здание, куда как раз и направлялась вся гоп-компания. Отлично! То, что доктор прописал. Часа через два-три у них отбой, тогда и поработаем. А пока и перекусить можно. Запасов жалеть не будем, наверняка у них там что-нибудь да отыщется. Да и вздремнуть можно пару часов, ничего нового я уже не увижу.

Луна сегодня оказала мне услугу – заныкалась за тучки и вылезать упорно не хотела. В принципе, это было мне на руку. Темнота – друг не только молодежи, но и диверсантов. И других не менее неприятных персонажей. В который раз я мысленно воздал хвалу немецкой аккуратности. Надо полагать, времени у зенитчиков хватало, и дабы они не маялись бездельем, какой-то умный (по мне – так просто гениальный!) офицер заставил их тщательно вылизать всю территорию лагеря. Не только внутри, но и на пять метров от забора снаружи снег был убран и площадка утоптана. Они тут что – строевой подготовкой занимались? Как бы то ни было, теперь за мной не оставалось демаскирующих следов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.